

ВЕК

ISSN 1994–9065

**3(35)
2020**

ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 4 раза в год
Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Алешковский И. А., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф., Калининченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Режабек Б. Г., Рыбальский Н. Г., Снакин В. В., Стычинский М. С.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай), Ближковский П. (Бельгия), Вебер А. Б. (Россия), Грачев В.А. (Москва), Гэй У. (США), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Дафферн Т. (Великобритания), Иноземцев В. Л. (Россия), Камуселла Т. (Польша), Киш Э. (Венгрия), Теймури В. (Иран), Коротаев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия), Мазур И. И. (Россия), Робертсон Р. (Великобритания), Сабден О. С. (Казахстан), Сергеев М. Ю. (США), Урсул А. Д. (Россия), Хасбулатов Р. И. (Россия).

Адрес редакции:

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А,
МГУ, факультет глобальных процессов.
Тел.: 8(495) 939-43-23. E-mail: chumakov5@yandex.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru
DOI: 10.30884/vglob/2020.03.00

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Чумаков А. Н. Глобалистика в контексте современности: испытание пандемией 3

Тишков А. А. Экологические эффекты и последствия пандемии COVID-19 15

Гринин Л. Е. Сложилась ли в Америке революционная ситуация? 31

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Клепикова Л. В. К вопросу о глобальном городе как инструменте унификации мирового общества 45

Бурьянов М. С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации 54

Зинькина Ю. В. Население Тропической Африки: ресурс развития или угрозы стабильности? 71

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Лисеев И. К. Глобализация экологии в глобализирующемся мире 82

Мосакова Е. А. Современные тенденции развития рынка криптовалют 90

Косиченко А. Г. Религиозная идентичность в эпоху глобализации 99

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Ракитянский Н. М. Догматический принцип в политико-психологических исследованиях культурно-цивилизационных систем 112

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Кожевников Н. Н., Данилова В. С. Развитие России в контексте системы координат мира 127

Чижек Н. С. Особенности культурного взаимодействия русского и китайского населения в Харбине 135

ЮБИЛЕИ

Александр Николаевичу Чумакову – 70 лет 142

Contents 143

ТЕОРИЯ

ГЛОБАЛИСТИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ: ИСПЫТАНИЕ ПАНДЕМИЕЙ

Чумаков А. Н.*

В статье с позиции современной глобалистики анализируется наиболее актуальная тема современной науки и философии, которая касается взаимоотношенности глобализации и пандемии коронавируса, охватившей мировое сообщество. Показано, что современная пандемия принципиально отличается от всех предыдущих масштабных эпидемий тем, что она протекает в условиях многоаспектной глобализации и требует беспрецедентных эпидемиологических мер для всех стран и народов. В этой связи особая роль в осмыслении угрозы планетарного масштаба и выработке мер по ее преодолению отводится новейшей области междисциплинарного знания – глобалистике. Автор придерживается объективно-исторической точки зрения на природу глобализации, а подъемы и спады интереса к глобалистике объясняет объективными причинами. При этом он полемизирует с теми, кто говорит о «деглобализации», «антиглобализации», и объясняет появление таких идей недостаточным профессионализмом их авторов.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, многоаспектная глобализация, глобалистика, глобальные проблемы, человечество.

From the perspective of modern global studies, the article analyzes the most relevant topic of modern science and philosophy which relates to the interdependence between globalization and the coronavirus pandemic that has swept the world community. It has been shown that the current pandemic is fundamentally different from all previous large-scale epidemics in that it proceeds in the face of multidimensional globalization and requires unprecedented epidemiological measures for all countries and peoples. In this regard, a special role in understanding of the planetary threat and developing measures to overcome it is given to the newest field of interdisciplinary knowledge – Global Studies. The author adheres to an objective historical point of view on the nature of globalization and explains the ups and downs of interest in Global Studies with objective reasons. At the same time, he argues with those who talk about “deglobalization”, “anti-globalization” and explains the emergence of such ideas by the insufficient professional competence of their authors.

Keywords: coronavirus pandemic, multidimensional globalization, global studies, global problems, humanity.

---

* Чумаков Александр Николаевич – д. ф. н., профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: chumakov@iph.ras.ru.

«Американские горки» глобалистики

Со времени обретения *глобалистикой* в 70-е гг. прошлого века статуса нового междисциплинарного научного направления она в своем развитии прошла несколько стадий подъема и спада интереса к ней. Так, если до конца 80-х гг. объектом ее исследования были в основном глобальные проблемы современности, захватившие тогда внимание не только ученых, но и широких слоев населения, то уже с начала следующего десятилетия, когда весь мир погрузился в новую реальность после окончания холодной войны, о глобалистике практически забыли почти на целое десятилетие. Снова о ней все чаще стали вспоминать, когда попытки переосмыслить новую реальность наталкивались не столько на уже относительно неплохо изученные глобальные проблемы, сколько на недостаточное понимание их природы и генезиса. Вот тогда-то и обратили внимание на новый термин – *глобализация*, который впервые был употреблен еще в 1980-е гг. [Global... 2014: 229–242], но стал востребованным лишь в начале нового столетия, поскольку ориентировал исследователей на изучение не следствий, а причин произошедших в мире перемен.

Это значительно расширило предмет глобалистики, которая в разветвленной системе современной науки заняла особое место в качестве новой области научного знания, в рамках которой различные дисциплины (причем каждая с позиции своего предмета) в тесном междисциплинарном взаимодействии ведут исследования планетарных структур, систем, процессов, связей и отношений. Более глубокое погружение в осмысление новой реальности потребовало комплексного подхода к анализу глобальных общественных процессов, когда социальная сфера стала рассматриваться уже в неразрывной связи с биосферой и геосферой. Введенный затем в оборот новый термин *триосфера* [Чумаков 2016] окончательно закрепил этот холистический взгляд на человека как неотъемлемую и составную часть естественной природы, о чем концептуально было уже немало сказано авторами концепции «ноосферы» [Global... 2017: 322–324; 301–304]. Таким образом, в начале XXI в. глобалистика снова оказалась на подъеме, постепенно возвращая себе статус востребованной науки.

Определенным свидетельством зрелости и законченности формирования нового научного направления можно считать длительную подготовку большим международным коллективом и издание в 2003 г. на русском и английском языках первой в истории энциклопедии «Глобалистика» [Глобалистика... 2003]. В 2006 г. последовала публикация энциклопедического словаря «Глобалистика» [Глобалистика... 2006], а в 2012 г. эту уникальную серию справочной литературы дополнил вышедший в свет энциклопедический справочник «Глобалистика» [Глобалистика... 2012]. Таким образом, глобалистика еще на десятилетие обрела дополнительный импульс в развитии и укреплении своих позиций, что тем не менее не добавило ей востребованности в последние годы, когда резко обострившаяся идеологическая борьба и политико-экономическое противостояние между ключевыми субъектами международных отношений сдвинули ценностные приоритеты с запросов на теоретические знания в сторону практических действий.

Знание против домыслов

И вот теперь, когда с начала 2020 г. мировое сообщество оказалось перед лицом беспрецедентных испытаний, вызванных пандемией коронавируса, глобали-

стика и ее выводы снова привлекают повышенное внимание. Конечно, особые надежды возлагаются на медицину, но в более широком плане также и на науку в целом. От нее ждут не только вакцину и другие эффективные средства лечения новой болезни, но и решения множества иных проблем и задач: от раскрытия природы и генезиса штамма коронавируса до выработки эффективных путей выхода из кризиса и рекомендаций по преодолению социальных, экономических, политических и иных последствий пандемии. При этом глобальный аспект проблемы непременно оказывается в центре внимания, поскольку изначально проявившаяся в китайском Ухане эпидемия в считанные дни распространилась по всей планете, прежде всего в силу действия причин, обусловленных многоаспектной глобализацией.

Отсюда особый интерес не только к коронавирусу, но и к его связи с глобализацией, что порождает множество спекуляций на тему «заката», «конца», «завершенности», «исчерпанности», «приостановки» глобализации. Не только в повседневных разговорах, но и в специальной литературе встречается все больше размышлений о различных *типах, моделях, проектах, вариантах* глобализации. В этот же ряд можно поставить и рассуждения о якобы «управляемой», «направляемой», «инициируемой» кем-то глобализации, которую именуют то *либеральной*, то *олигархической*, то *капиталистической*. А некоторые и вовсе теоретизируют о якобы уже идущей *деглобализации*, грядущей *антиглобализации* и т. п.

Даже в специальной литературе, не говоря уже об Интернете, имеется множество подтверждений того, что такая терминология получает все более широкое распространение и активно используется для выражения субъективных, порой безапелляционных мнений о якобы воздействии коронавируса на глобализацию. Укажем только на некоторые характерные заголовки публикаций такого рода, которыми буквально пестрит Интернет: «Остановит ли коронавирус глобализацию в привычном понимании?» [Фаррел, Ньюман 2020], «Глобализация умерла от коронавируса» [Данилов 2020], «Конец глобализации: как коронавирус изменит мировую экономику» [Минак 2020] и т. п. Немало и иных статей на сходные темы, в которых уровень суждения о взаимодействии глобализации и тех или иных проблем, явлений, событий также оставляет желать лучшего [Глобализация... 2014].

За всем этим просматривается одна и та же причина: авторы подобных публикаций рассуждают о глобализации как о вполне очевидном явлении, не утруждая себя при этом знакомством со специальной литературой по глобалистике, и тем более не погружаясь в сущность данного явления. Отсюда оценки и выводы таких авторов о глобализации носят, как правило, поверхностный и фрагментарный характер, поскольку внимание при таком подходе изначально направляется на то, что в первую очередь бросается в глаза и для не обладающего специальными знаниями кажется вполне очевидным. В итоге делаются заключения, что глобализация обусловлена то противостоянием различных сил и столкновением интересов в глобальном мире, то еще какими-то субъективными факторами. Нередко ее трактуют как следствие реализации тех или иных планов человеческой деятельности или соотносят с успехами одних и отсутствием позитивных результатов у других, тогда как ответственность за такого рода результаты возлагается, как правило, на вольно трактуемую глобализацию. При этом за пределами внима-

ния обычно остается содержание принципиально важных и тесно связанных с глобализацией понятий, таких как, например, «глобальные процессы», «глобальные», «региональные», «локальные» проблемы и т. п. Роль, место и значение *объективных* и *субъективных* факторов в глобальных процессах и мировом развитии также не исследуются. Все это не способствует адекватному восприятию *глобализации как закономерного естественно-исторического процесса становления планетарных структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни*. А вот простор для спекулятивных суждений относительно якобы идущей или грядущей *антиглобализации, деглобализации* и т. п. открывается широкий. Фактически же подобные высказывания есть не что иное, как разговоры о движении объективных естественно-исторических процессов вспять, что не может восприниматься всерьез.

Вполне очевидно, что основа таких суждений – некритически позаимствованный или сугубо персональный взгляд на глобализацию «со своей колокольни», когда преувеличиваются, а то и вовсе абсолютизируются субъективные факторы глобальных процессов, тогда как их объективные предпосылки и естественно-историческая природа остаются без должного внимания. Но даже признавая первичность объективных факторов по отношению к субъективным, нередко впадают в другую крайность, когда говорят о глобализации, например, только с экономической или политической точки зрения, игнорируя при этом другие сферы общественной жизни. В таком случае глобализация трактуется как волнообразный процесс. Она то усиливается, то затухает... Этим грешат, как правило, узкие специалисты, не выходящие за рамки своего предмета и профессионального кругозора. Касательно политиков, общественных деятелей, журналистов или мнения простых обывателей – и того проще, они рассуждают на эти темы по большей части в меру своей компетентности, «по долгу службы» или просто потому, что это актуально.

Порой в такие разговоры вовлекаются даже серьезные ученые, и в этом нет ничего удивительного. Монополии на обсуждение глобализации нет ни у кого. Важно только уточнить – в какой именно области они серьезные ученые? Так, например, если известный биолог – специалист в области экологии насекомых или авторитетный климатолог, специализирующийся на проблемах глобального потепления, станет всерьез обсуждать либеральную или еще какую-то модель глобализации, то очень скоро встанет вопрос о его профессиональной принадлежности и уровне компетенции в области именно глобалистики. Причем не в той ее части, которая касается его науки, а в той, что относится к общественным дисциплинам. Вполне очевидно, что в этом случае реакция тех, кто серьезно исследует глобальные общественные процессы, будет не слишком отличаться от комментариев профессионального физика, если кто-то в его присутствии станет рассуждать, например, о «либеральном взаимодействии элементарных частиц». Также и любой климатолог на рассуждения о необходимости управления воздушными массами холодных северных ветров резонно заметит, что научная ценность подобных разговоров не стоит потраченного на них времени.

Нетрудно заметить, что именно такой непрофессионализм как раз и характерен для всех тех, кто теоретизирует о какой-то *модели* или *инициированной, управляемой* кем-то глобализации. Можно было бы и далее приводить дополни-

тельные аргументы и доказательства несостоятельности подобного рода суждений, но множество уже опубликованных в сфере глобалистики на этот счет работ, к тому же вполне доступных и в открытой печати, и в Интернете, делает решение такой задачи излишней [Гринин 2014; Махаматов 2017; Ильин, Шестова 2015; Ильин, Урсул 2009].

От локальных эпидемий до глобальной пандемии

На волне обострения современной эпидемиологической ситуации тема глобализации муссируется особенно активно. Задаются прежде всего вопросом, связана ли пандемия, охватившая планету, с глобализацией, и если да, то как. Разумеется, что вопрос этот вполне закономерный, и ответ на него лежит в плоскости глобалистики, так как речь идет о явлении глобального масштаба, когда все мировое сообщество оказалось перед лицом серии глобальных вызовов далеко не только медицинского характера. Но это требует специального пояснения. Начнем с того, что глобализация порождает, инициирует и обостряет различные проблемы такого же планетарного масштаба, которые именуются глобальными. Они называются так, поскольку соответствуют вполне определенным критериям глобальности и касаются различных сфер общественной жизни. В зависимости от проявления в той или иной сфере глобальные проблемы классифицируются по группам, одна из которых обусловлена взаимоотношениями человека и общества. Именно в эту группу наряду с такими проблемами, как *демография* [Чумаков 2017], *образование*, *социальное неравенство*, входит и *здравоохранение*. Таким образом, *коронавирус*, будучи одной из множества болезней, которыми болеет человек, является не чем иным, как составной частью общей проблемы – *здравоохранения*, и обретает глобальный характер, когда достигает масштаба планетарной пандемии.

Появлению пандемии обычно предшествует *эпидемия* (от греч. *επίδημία* – повальная болезнь) – вспышка инфекционного заболевания, когда болезнь охватывает более 5 % населения определенной территории. Если не удастся справиться с эпидемией, она перерастает в *пандемию* (от греч. *πανδημία* – весь народ) – необычайно сильную эпидемию, которая характеризуется распространением инфекционного заболевания на всей территории страны или сопредельных государств, а иногда и многих стран мира вплоть до планетарного масштаба [Салькенов 2020]. Следует подчеркнуть, что пандемии – это постоянный спутник человечества. В мировой истории их насчитывается не один десяток, и современный *коронавирус* – только одна из разновидностей таких пандемий. Отметим лишь некоторые из эпидемий и пандемий, которые унесли многие тысячи и даже миллионы человеческих жизней.

Археологические раскопки дают основание говорить о случаях массовых инфекционных заболеваний уже в глубокой древности. В частности, примерно 5 тыс. лет тому назад загадочная болезнь выкосила целый регион в Китае, где на северо-востоке страны археологи обнаружили несколько мест, в которых сохранились дома, буквально набитые скелетами. Имеются также сведения о доисторической эпидемии, имевшей место около 3000 г. до н. э. Более полную и достоверную информацию история сохранила о серии вспышек таких печально известных эпидемий, как *оспа*, *холера*, *чума*, *тиф*, *дифтерия*, *корь*, *грипп*, *СПИД*.

Что касается, например, оспы и холеры, то они были известны докторам с древнейших времен как высокозаразные инфекции, смертность от которых до-

стигала порой 40 % и более. Первые же летописные указания на эпидемии оспы были зафиксированы в Азии в период с IV по VIII в., когда население Китая и Кореи уменьшилось на четверть, а Японии – более чем на треть. В XVII–XVIII вв. оспа свирепствовала в Европе и России, унося до 1,5 млн человек в год. Но еще большие беды приносили масштабные, периодически повторяющиеся вспышки чумы (*Афинская чума* – V в. до н. э.; *Чума Антонина* – II в.; *Юстинианова чума* – VI в.; *Черная смерть* – XIV в.; *пандемия чумы* 1894 г., которая зародилась в Китае и Индии и распространялась затем в портовых городах) [Самые... 2018].

Еще одна напасть такого же свойства – *эпидемии и пандемии гриппа*, которые также периодически преследуют человечество. Самая массовая и смертельная эпидемия за всю историю мирового развития разразилась в 1918 г. Она получила известность как испанка (*испанский грипп*) и, по современным оценкам, унесла жизни от 70 до 100 млн человек. На то время это составляло около 5 % населения земного шара; к тому же еще полмиллиарда человек было инфицировано. Как раз эта пандемия и стала первым случаем в истории человечества, когда *проблема здравоохранения* преодолела не только локальные, но и региональные границы и вышла на *глобальный уровень*.

Почему это произошло именно в то время, тогда как в предыдущие эпохи все ограничивалось локальными или региональными территориями? Дело в том, что до конца XIX в., то есть до начала эпохи *фундаментальной глобализации*, проблемы здравоохранения в целом и всевозможные инфекционные заболевания в частности не выходили за пределы локальных и региональных масштабов по причине естественных ограничений. Сдерживающими факторами распространения любых болезней, в том числе и инфекций, тогда были относительно незначительные контакты и небольшая скорость перемещения внушительных масс людей на дальние расстояния. Иными словами, умеренная миграция населения, а также пространственно ограниченные военные походы и баталии были важным фактором локализации эпидемий в рамках тех или иных вполне конкретных территорий.

Однако ситуация принципиально изменилась с наступлением *фундаментальной глобализации*, которая характеризуется тем, что именно базовые сферы общественной жизни – экономика и политика – в полной мере становятся глобальным явлением. Экономические связи, политические контакты и отношения к этому времени окончательно обрели мировые очертания и все возрастающую мобильность. Научно-технический прогресс, снабдивший людей поездами, пароходами, а затем автомобилями, аэростатами, самолетами, неизмеримо расширил возможности перемещения и непосредственного общения больших масс людей в масштабах планеты и в режиме реального времени. Первая мировая война и связанные с ней активные массовые передвижения людей, равно как и военные столкновения многочисленных армий, также способствовали быстрому распространению инфекции. В итоге все это позволило вирусу *испанского гриппа* распространиться с такой беспрецедентной скоростью, что только за первые 30 недель его существования во всем мире погибло более 35 миллионов человек. А в целом с 1918 по 1919 г. *испанка* поразила около 550 млн человек, что составило почти одну треть (29,5 %) населения Земли того времени [Там же].

Таким образом, с полным на то основанием можно утверждать, что именно с этого времени *здравоохранение* как еще одна в общем-то никогда не терявшая

своей актуальности, но до этого непременно территориально ограниченная проблема добавилась в список глобальных проблем современности.

Особенности и уроки новой ситуации

Теперь, ровно сто лет спустя, человечество столкнулось с аналогичной проблемой – *коронавирусом-2019*. Заметим при этом, что он пришелся уже на период *многоаспектной глобализации*, начавшейся со второй половины XX в. Отличительной особенностью этого этапа формирования и развития глобальных структур, связей и отношений является тот факт, что теперь уже не осталось практически ни одной сферы общественной жизни, которая прямо или косвенно не была бы вовлечена в процессы глобализации. Отсюда и та чрезвычайная, не имеющая аналогов в истории ситуация с коронавирусом, как и экстраординарная, на первый взгляд, весьма жесткая реакция на нее властей всех уровней в различных странах мира. И тому есть вполне рациональное объяснение.

Да, это не первая глобальная пандемия. Но она существенно отличается от *испанки* тем, что протекает в других условиях, при кардинально изменившихся обстоятельствах. Достаточно сказать, что за последние сто лет, разделяющие эти две всемирные вспышки опасной инфекции, мировое население выросло с 1,85 до 7,75 млрд человек, то есть более чем в 4 раза! При этом железные и автомобильные дороги за это время буквально плотной паутиной покрыли практически всю сушу планеты; быстроходные корабли всевозможных типов и размеров бороздят теперь практически все реки, озера, моря и океаны. А на место первых одно- или двухместных, к тому же весьма редких аэропланов пришли армады современных воздушных лайнеров, круглосуточно и за считанные часы перемещающие миллионы пассажиров во всех направлениях и во все концы планеты.

На ситуацию можно посмотреть и по-другому, используя так называемый мысленный эксперимент. Так, если мысленно перенестись на сотню лет назад и представить себе, что мы смотрим на нашу планету из иллюминатора космического корабля, что мы там увидим? Темное пространство. А теперь посмотрим на современные ночные фотографии нашей планеты, сделанные из космоса. Земля выглядит буквально как новогодняя елка! Практически вся ее суша, за исключением пустынь и горных массивов, покрыта яркими огнями. Добавьте к этому практически не существовавшие сто лет тому назад несметные полчища туристов и любителей зарубежного отдыха, непрерывно перемещающихся по всему миру, международные конгрессы, конференции, форумы, чемпионаты и иные спортивные мероприятия, выставки, ярмарки, гастролы и т. д. и т. п., и невероятная скорость распространения коронавируса от Китая до Европы, США, России или Бразилии, равно как и беспрецедентная реакция на пандемию властей во всем мире, становится вполне объяснимой. Разумеется, что на принятие столь радикальных и решительных мер повлияла и генетическая память о пережитой катастрофе столетней давности.

Итак, какие же уроки можно извлечь из ситуации, в которой оказалось сегодня человечество? Прежде всего следует понимать и учитывать то обстоятельство, что мы живем в условиях многоаспектной глобализации, которую не можем ни отменить, ни перенаправить в какое бы то ни было рационально заданное русло. И то, что формы проявления и характер протекания глобальных процессов

в обществе, например, в здравоохранении или природоохранной деятельности, в известной мере зависят от соответствующей политики и поведения людей, несколько не отменяет того, что в дальнейшем человечество больше не столкнется с подобными испытаниями. Вместе с тем вполне правомерно предположить, что это вопрос времени. Причем дело не сводится к тому, что очередная такая или совсем иная эпидемия возникнет обязательно естественным путем. Уже и теперь немало разговоров относительно искусственной природы современного коронавируса. И на то есть достаточно веские причины, поскольку не только в Ухане, но и во многих других аналогичных центрах мира действуют лаборатории, где проводятся к тому же, как правило, засекреченные медицинские, химические, биологические и т. п. опыты. И кто поручится, что там не будет создано предельно опасное биологическое или химическое оружие, которое умышленно или непреднамеренно выйдет из-под контроля? А разве угроза от множества других глобальных проблем, порожденных или обусловленных глобализацией, день ото дня становится меньше?! Таким образом, главный вывод, который следует сделать из современной ситуации, состоит в том, что и отдельным странам, и человечеству в целом нужно со всей серьезностью и со знанием дела воспринимать современный глобальный мир, адекватно оценивая при этом свои далеко не безграничные возможности изменять его по собственному желанию и усмотрению [Кацура и др. 2016].

Глобалистика и перспективы развития глобальных процессов

Дальнейшее состояние и развитие глобалистики непосредственно будет зависеть от того, как станут развиваться глобальные процессы [Гринин 2013: 63–78]. В стремлении понять такие перспективы важно иметь в виду, что дело касается не любых глобальных процессов, каковых (с учетом гео- и биосферы) много, а только тех, которые протекают в обществе и именуются глобализацией. При этом отметим и то, что будущее глобальных общественных процессов станет определяться состоянием самого общества, как и наоборот – состояние общества будет зависеть от глобальных процессов. Иначе говоря, с тех пор как Великие географические открытия, давшие старт новой исторической эпохе – эпохе глобальных событий, связей и отношений, – положили начало глобальным процессам в обществе, они теперь в таком качестве все время будут сопутствовать человечеству, пока последнее сохраняет статус планетарного явления. И если у кого-то возникают сомнения, что человечество может утратить такой статус, то с сожалением следует сказать обратное – может. Причем не только теоретически, но и практически. Оставим в этой связи хоть и фантастические, но вовсе не беспочвенные предположения о возможности естественной катастрофы космического или геотектонического происхождения. Человек и сам, как отмечал еще В. И. Вернадский, сравнивался по своим возможностям с природными силами и вполне в состоянии уничтожить не только себя, но и биосферу.

Уже в 80-е гг. XX в. зарубежными и отечественными учеными было убедительно доказано, что накопленных в мире ядерных зарядов вполне достаточно, чтобы стереть с лица Земли все человечество. В частности, концепция «ядерной зимы» как раз и является такого рода предупреждением [Глобалистика... 2006:

1298–1300]. К тому же нельзя сбрасывать со счетов и другие средства массового поражения, например химическое или бактериологическое оружие. Но даже если (в случае теоретически возможного апокалипсиса) и сохранится разумная жизнь в локальных или региональных масштабах, глобальных общественных процессов, как это вполне очевидно, в таком случае уже не останется. А вот в литосфере, атмосфере, гидросфере и, возможно, в биосфере глобальные процессы, конечно же, будут продолжаться. Во всяком случае, до тех пор, пока будет существовать планета Земля.

И еще как минимум несколько вопросов заслуживают внимания в контексте обсуждаемой темы. Какое влияние коронавирус оказывает или окажет в перспективе на глобализацию? Насколько сильно изменится глобальный миропорядок после эпидемии? Наконец, как все это отразится на глобалистике? В буквальном смысле этого слова *коронавирус* на *глобализацию* непосредственного влияния не оказывает уже хотя бы потому, что глобальные проблемы порождены глобальными процессами, протекающими в обществе. Во всяком случае, они обусловлены ими, являются их следствием, но не наоборот. Отсюда, поскольку пандемия коронавируса, как уже отмечалось, – это только одна из глобальных проблем человечества, то и повлиять на объективный ход событий мирового масштаба она не может.

Однако на глобальный мировой порядок и расстановку сил на мировой арене пандемия коронавируса, конечно же, повлияет. Мы уже сейчас видим, как растет социальное, экономическое и политическое напряжение в обществе. Причем не только в отдельных странах, но и в мировом масштабе. Вполне очевидно, что закрытие национальных границ и практически полное прекращение международного транспортного сообщения на столь длительный срок, равно как и остановка многих производств, рост безработицы, значительное снижение жизненного уровня абсолютного большинства населения, ограничение гражданских прав и т. п. не останутся без серьезных последствий не только внутри отдельных государств, но и на международном уровне. Примером таких вполне заметных перемен, обусловленных коронавирусом, могут служить уже обозначившиеся в рамках Евросоюза разногласия, обиды и претензии отдельных стран касательно взаимодействия и взаимопомощи в преодолении пандемии. Такого же рода примером является и перерастание торговой войны между США и Китаем в комплекс более сложных противоречий, где пандемия, несомненно, играет роль катализатора. Во всяком случае, приглашение Соединенными Штатами Америки на предстоящий у них саммит G-7 практически всех соседних с Китаем стран без приглашения самого Китая есть не что иное, как стремление США изменить глобальный миропорядок, формируя антикитайскую коалицию в борьбе за сферы влияния и более выгодные позиции в современном глобальном мире.

Можно назвать и множество других аспектов общественной жизни, на которые уже серьезно повлияли предпринятые карантинные меры и самоизоляция. Так, например, образование, проведение научных мероприятий или осмотр музейных экспонатов в онлайн-формате и после преодоления пандемии, несомненно, будут активно использоваться, меняя в том числе конфигурацию международных связей и отношений. Другая тема, которая привлекает к себе все более пристальное внимание в контексте карантинных мер, предпринимаемых в раз-

личных странах, – активное внедрение цифровых технологий во все сферы общественной жизни. Особую тревогу в этой связи вызывает, в частности, активный переход на дистантные формы общения в ущерб непосредственным и личностным контактам, усиление контроля за поведением и личной жизнью граждан, возрастание возможностей манипулирования общественным сознанием и т. п. Вместе с тем всю глубину и конкретные детали грядущих перемен абсолютно точно и беспристрастно покажет только время, тогда как реальную картину развития глобальных процессов уже теперь и в перспективе призвана проанализировать и отразить междисциплинарная область научного знания *глобалистика*.

Литература

Глобализация и современная Россия / под ред. В. Ю. Бельского, А. И. Сацуты. М. : Юнити-Дана, 2014.

Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Нью-Йорк : ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006.

Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / гл. ред. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. : Альфа-М, 2012.

Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М. : Радуга, 2003.

Гринин Л. Е. Глобализация тасует мировую колоду (куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс) // Век глобализации. 2013. № 2(12). С. 63–78.

Гринин Л. Е. Истоки глобализации: мир-системный анализ // Куда движется век глобализации?: сб. статей / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград, 2014. С. 33–47.

Данилов И. Глобализация умерла от коронавируса [Электронный ресурс] : РИА Новости. 2020. 24 мая. URL: <https://ria.ru/20200524/1571893967.html> (дата обращения: 15.06.2020).

Ильин И. В., Урсул А. Д. Эволюционная глобалистика (Концепция эволюции глобальных процессов). М. : МГУ, 2009.

Ильин И. В., Шестова Т. Л. Глобалистика и глобальные исследования // Вестник Московского университета. 2015. № 1–2. С. 66–76.

Кацура А. В., Мазур И. И., Чумаков А. Н. Планетарное человечество: на краю пропасти. М. : Проспект, 2016.

Минак К. Конец глобализации: как коронавирус изменит мировую экономику [Электронный ресурс] : Forbes. 2020. 22 марта. URL: <https://forbes-ru.turbopages.org/s/forbes.ru/obshchestvo/395669-konec-globalizacii-kak-koronavirus-izmenit-mirovuyu-ekonomiku> (дата обращения: 15.06.2020).

Махаматов Т. М. От эпохи глобализации к неоглобализации: культурно-цивилизационный аспект // Век глобализации. 2017. № 4(24). С. 55–61.

Салькенов С. Коронавирус как средство инициирования глобализации нового типа [Электронный ресурс] : Планета КОБ. 2020. 12 апреля. URL: <https://www.planet-kob.ru/articles/9270/koronavirus-kak-sredstvo-iniciirovaniya-globalizacii-novogo-tipa> (дата обращения: 26.05.2020).

Самые страшные пандемии в истории человечества [Электронный ресурс] : Яндекс Дзен. 2018. 1 декабря. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5c00d3b6d855bd04ad5e062f/samye-strashnye-pandemii-v-istorii-chelovechestva-5c026454b28dd903b0df94c0?utm_source=serp (дата обращения: 14.06.2020).

Фаррел Г., Ньюман А. Остановит ли коронавирус глобализацию в привычном понимании? [Электронный ресурс] : Россия в глобальной политике. 2020. 18 марта. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ostanovit-li-koronavirus-globalizacziyu-v-privychnom-ponimanii/> (дата обращения: 14.06.2020).

Чумаков А. Н. Триосфера, эпометаморфоз и новые задачи глобалистики // Век глобализации. 2016. № 3(19). С. 3–15.

Чумаков А. Н. Грядущая демографическая лавина: на пороге великого переселения народов // Век глобализации. 2017. № 2(22). С. 3–19.

Global Studies Directory. People, Organizations, Publications / ed. by A. N. Chumakov, I. V. Ilyin, I. I. Mazour. Leiden; Boston : Brill/Rodopi, 2017.

Global Studies Encyclopedic Dictionary / ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. Amsterdam; New York, NY : Editions Rodopi B. V., 2014.

References

Globalizacija i sovremennaja Rossija [Globalization and Modern Russia] / ed. by V. Y. Belsky, A. I. Satsuta. Moscow : Juniti-Dana, 2014.

Globalistika: Mezhdunarodnyj mezhdisciplinarnyj enciklopedicheskiij slovar' [Globalistics: International Interdisciplinary Encyclopedia] / ed. by I. I. Mazur, A. N. Chumakov. Moscow; St. Petersburg; New York : IC "ELIMA", ID "Piter", 2006.

Globalistika. Personalii, organizacii, trudy. Enciklopedicheskiij spravocnik [Globalistics. Personalities, Organizations, Works. Encyclopedic Reference] / ed. by I. V. Ilyin, I. I. Mazur, A. N. Chumakov. Moscow : Al'fa-M, 2012.

Globalistika: Enciklopedija [Globalistics: Encyclopedia] / ed. by I. I. Mazur, A. N. Chumakov; Center for scientific and applied programs "Dialog". Moscow : Raduga, 2003.

Grinin L. E. Globalizacija tasuet mirovuju kolodu (kuda sdvigajetsja global'nyj ekonomiko-politicheskiij balans) [Globalization Shuffles the World Deck (Where the Global Economic and Political Balance Shifts)] // Vek globalizatsii. 2013. No. 2(12). Pp. 63–78.

Grinin L. E. Istoki globalizacii: mir-sistemnyj analiz [The Origins of Globalization: World-system Analysis] // Kuda dvizhetsja vek globalizacii? [Where is the Age of Globalization Heading?]: collected papers / ed. by A. N. Chumakov, L. E. Grinin. Volgograd, 2014. Pp. 33–47.

Danilov I. Globalizacija umerla ot koronavirusa [Globalization Died of Coronavirus] // RIA Novosti. 2020. May 24 (accessed: 15.06.2020).

Il'in I. V., Ursul A. D. Evolyucionnaja globalistika (Kontsepcija evolyucii global'nyh processov) [Evolutionary Global Studies (The Concept of Evolution of Global Processes)]. Moscow : MSU, 2009.

Il'in I. V., Shestova T. L. Globalistika i global'nye issledovanija [Global Studies and Global Research] // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2015. No. 1–2. Pp. 66–76.

Kacura A. V., Mazur I. I., Chumakov A. N. Planetarnoye chelovechestvo: na kraju propasti [Planetary Humanity: On the Edge of the Abyss]. Moscow : Prospect, 2016.

Minak K. Konec globalizacii: kak koronavirus izmenit mirovujuju ekonomiku [The End of Globalization: How the Coronavirus will Change the World Economy] // Forbes. 2020. March 22 (accessed: 15.06.2020).

Mahamatov T. M. Ot epohi globalizacii k neoglobalizacii: kul'turno-civilizacionnyj aspekt [From the Era of Globalization to Neoglobalization: Cultural-civilizational Aspect] // Vek globalizatsii. 2017. No. 4(24). Pp. 55–61.

Sal'kenov S. Koronavirus kak sredstvo iniciirovanija globalizacii novogo tipa [Coronavirus as a means of initiating a new type of globalization] (2020-04-12) (accessed: 26.05.2020).

Samye strashnye pandemii v istorii chelovechestva [The Worst Pandemics in Human History] : Yandex Dzen. 2018. December 1 (accessed: 14.06.2020).

Farrel G., N'yuman A. Ostanovit li koronavirus globalizaciju v privychnom ponimanii? [Will Coronavirus Stop Globalization in the Usual Sense?] : Rossija v global'noy politike. 2020. March 18 (accessed: 14.06.2020).

Chumakov A. N. Triosfera, epometamorfoz i novye zadachi globalistiki [Triosphere, Epometamorphosis and New Tasks of Global Studies] // Vek globalizatsii. 2016. No. 3(19). Pp. 3–15.

Chumakov A. N. Gryadushhaja demograficheskaja lavina: na poroge velikogo perese-lenija narodov [The Coming Demographic Avalanche: on the Threshold of the Great Migration of Peoples] // Vek globalizatsii. 2017. No. 2(22). Pp. 3–19.

Global Studies Directory. People, Organizations, Publications / ed. by A. N. Chumakov, I. V. Ilyin, I. I. Mazour. Leiden/Boston : Brill/Rodopi, 2017.

Global Studies Encyclopedic Dictionary / ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. Amsterdam; New York, NY : Editions Rodopi B. V., 2014.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19*

Тишков А. А.**

Вирусные эпидемии и пандемии XXI в. (SARS, SARS CoV, MERS-CoV, COVID-19 = SARS-CoV-2 и др.) наряду с медико-биологическими и экономическими проблемами мировой цивилизации вскрыли глобальные экологические эффекты, связанные с их зооантропонозной и природно-очаговой природой. В очередной раз перед человечеством встал вопрос о необходимости оперативно принимать меры по сохранению глобального биоразнообразия, разрабатывать коллективные действия по снижению риска возникновения болезней, возбудитель которых циркулирует в организме диких животных. Попытки решать проблемы распространения инфекций с помощью сокращения численности их носителей, как это уже наблюдалось в отношении сухостепных и пустынных грызунов при вспышках чумы и мигрирующих водоплавающих птиц при возникновении очагов птичьего гриппа, следует рассматривать как антиэкологичные и преступные. Риски инфекций, переносимых млекопитающими и птицами, растут при расширении хозяйственной деятельности на природные территории и несоблюдении мер эпидемической защиты. Рассмотрены примеры снижения рисков, прописанные в конвенциях – «О биологическом разнообразии», СИТЕС, Рамсарская и др., а также негативные и позитивные для природы последствия пандемии.

Ключевые слова: COVID-19, экологические эффекты, антропозоонозные инфекции, переносчики инфекций, сохранение биоразнообразия, международные конвенции.

Along with the medical, biological and economic problems of the world civilization the viral epidemics and pandemics of the 21st century (SARS, SARS CoV, MERS-CoV, COVID-19, etc.) revealed global environmental effects associated with their zoonanthropous and natural focal nature. Once again, humanity faces the challenging necessity to take prompt measures to preserve global biodiversity, develop collective actions to reduce the risk of diseases, whose pathogens circulate in wild animal organisms. The attempts to solve problems with the spread of infections by reducing the number of their carriers, as has already been observed in the case of dry-steppe and desert rodents in cases of plague outbreaks and migrating waterfowl in cases of avian flu outbreaks, should be considered as anti-ecological and criminal. The risks of infections, carried by mammals and birds, increase with the expansion of economic activities in natural areas and failure to comply with epidemic protection measures. The author considers examples of risk reduction pre-

---

* Статья подготовлена в рамках темы государственного задания № 0148-2019-0007 Института географии РАН.

** Тишков Аркадий Александрович – д. г. н., член-корреспондент РАН, профессор, г. н. с., заведующий лабораторией биогеографии Института географии РАН. E-mail: tishkov@igras.ru.

scribed in conventions, namely, in 'On biological diversity', CITES, Ramsar, etc., as well as negative and positive consequences for wildlife of the pandemic.

Keywords: *COVID-19, global ecological effects, anthroozoonotic infections, vectors of infections, biodiversity conservation, international conventions.*

Экологи, которые не зациклены на проблемах глобального потепления, бьют тревогу (у мирового сообщества возникают ложные ориентиры) в поиске виновников эпидемий и пандемии XXI в. (SARS, SARS CoV, H5N1, H1N1, MERS-CoV, COVID-19, SARS-CoV-2, лихорадка Марбурга, Зика, Эбола и др.) для снижения риска возникновения новых инфекций и выработки мер выхода из постэпидемиологического кризиса. Понятно, что единственный виновник происходящего – не летучие мыши, панголины или циветты, как часто представляют исследователи, а человек и прямые следствия его глобальной деятельности: экономический рост любой ценой, гонка вооружений, на которую работают финансы, ресурсы и энергетика, биотерроризм, неконтролируемые молекулярно-генетические эксперименты и, конечно же, экспансия хозяйственной деятельности, в том числе и на территории с функционирующими природно-очаговыми болезнями. Источником возникновения более чем 70 % всех новых заболеваний человека на Земле являются представители дикой природы [Settle *et al.* 2020]. Этому способствуют и глобальные процессы: обезлесивание, расширение аграрного производства, инфраструктуры и добычи ископаемых, инвазии чужеродных видов и пр., что приводит к росту частоты прямых контактов населения с переносчиками болезней. В результате 75 % суши на Земле преобразовано человеком, свыше 85 % водно-болотных угодий уничтожено, а около 40 % земельных и почти 75 % доступных водных ресурсов вовлечены в аграрное производство. Если добавить к этому торговлю дикими животными и рост миграций населения, то становится понятно, как вирусы, бактерии, плазмодии и любой другой источник инфекции из природного очага может моментально «захватить мир», «остановить экономику» и сделать миллионы людей своими заложниками.

Передающиеся от животных к человеку заболевания – зооантропонозы – уже сейчас уносят на планете ежегодно до 1 млн жизней. Перспективы у будущих эпидемий и пандемий значительные. Да и эволюция не стоит на месте – по разным оценкам, из 14 млн видов, обитающих на Земле, научно описаны около 10 % [Tishkov 2015]. А из неизвестных науке 1–2 млн – это микроорганизмы (включая и штаммы коронавирусов типа COVID-19), обитающие в теле диких млекопитающих и птиц. Известны науке, увы, немногие из них, но вполне уже себя показавшие: передаваемые клещами вирусные инфекции – энцефалиты, боррелиозы и анаплазмозы, риккетсиозы, туляремия, омская геморрагическая лихорадка, кулихорадка, а также лептоспироз, крымская геморрагическая лихорадка, бешенство, сибирская язва и др. Можно вспомнить передаваемый комарами и москитами плазмодий малярии и циркулирующую в степных и пустынных грызунах коккобациллу чумы. Кроме клещей и комаров, у вирусных болезней много переносчиков среди млекопитающих и птиц, в том числе массовых и редких. Те же летучие мыши, помимо коронавирусов, еще передают и бешенство. А зайцы и дикие кролики – туляремию, которая, как и COVID-19, нарушает работу легких и вызывает

пневмонию. Сурки, суслики, песчанки, хомяки, тушканчики переносят целый букет вирусных и бактериальных (например, чуму) болезней. Многие дикие птицы – переносчики тяжелых для человека болезней: птичьего гриппа, сальмонеллеза, хламидиоза и орнитозов. Список можно продолжать – здесь и грызуны, и хищные, и копытные млекопитающие, и дикие, и домашние животные. Человек живет рядом с источником инфекции, часто пересекается с ним, но случаи, подобные пандемии COVID-19, возникают сравнительно редко и чаще по вине человека. Это показал опыт 1930-х гг., когда в Сибирь и на Дальний Восток хлынули тысячи переселенцев и стали болеть энцефалитом, и начала 1940-х гг. – вспышки чумы в Маньчжурии или массовое заболевание туляремией немецких войск в период боев на Волге и др. Аналогичным образом (за счет неоправданного «сближения» человека с природным очагом инфекции) возникали эпидемии соответствующих вирусных и бактериальных заболеваний в Азии и Африке в последние десятилетия, в том числе SARS, H5N1, H1N1, MERS-CoV, Эбола, Денге и др.

В каждом конкретном случае наряду с эпидемиологическими и экономическими проблемами в регионах вспышки инфекции возникали и экологические проблемы, практическая и собственно гуманитарная составляющие которых подразумевают разные подходы к их решению. В случае с переносчиками особо опасных инфекций грань практического и гуманитарного очень тонкая. Например, изначально вирус HIV-2 (ВИЧ) был передан человеку от человекообразных обезьян (шимпанзе), которые включены в Красную книгу Международного союза охраны природы (МСОП) и по определению не могут рассматриваться как объект уничтожения в качестве угрозы распространения этой особо опасной болезни. Лихорадка Эбола получила распространение после контакта ребенка с африканскими летучими мышами, тысячная колония которых в дупле дерева была уничтожена огнем. Китай практически полностью уничтожил в регионе предыдущей вспышки коронавируса SARS популяцию пальмовых циветт (*Paradoxurus hermaphroditus* – мелких хищных млекопитающих), хотя истинными переносчиками инфекции оказались летучие мыши из семейства *Rhinolophidae*. Кстати, носителями коронавируса SARS являются и представители этого семейства рукокрылых в Европе.

Как один из методов профилактики распространения вируса H5N1 в начале 2000-х гг., вне координации усилий с международным сообществом, в России применялся отстрел диких мигрирующих птиц (уток). В этой связи представители ряда стран и международных организаций высказались за необходимость введения международных санкций в отношении стран, ведущих массовое уничтожение диких водоплавающих птиц в этих целях [Тишков 2020]. Как известно, среди подпадавших под отстрел птиц в нашей стране были и представители Красной книги Российской Федерации.

Возникает вполне логичное опасение, что среди технологий профилактики коронавирусных инфекций и выхода из постэпидемического кризиса выделяются разные методы регуляции численности переносчиков и уничтожения их местобитаний, включая биоцидные. Есть и другие ожидаемые риски для охраны живой природы, хотя понятно, что при столь высоких темпах деградации природы

и уничтожения естественных местообитаний, например, мигрирующих птиц в местах их зимовок или отдыха при миграциях на первое место выходят риски прямых контактов людей и диких животных.

Многочисленные эколого-гуманитарные риски прошлых и современной пандемий связаны со сменой позитивного образа млекопитающих и птиц на образ потенциальных носителей опасной инфекции, а дикой природы – на источник сопутствующих инфекции многочисленных бед. Культивируемые в последние годы подходы к оценке возрастающей ценности природы и ее экосистемных услуг в связи с коронавирусом приходится корректировать и даже отказываться от некоторых из них. Например, теперь в эколого-экономических оценках ценности природных экосистем требуется балансовое сопоставление выгод от «оздоравливающих эффектов» и потерь при потенциале данной экосистемы в распространении природно-очаговых инфекций. А при расчетах экологических ущербов в результате воздействия человека на природу может возникать коллизия определения экономических потерь от гибели животного, защищаемого экологическим законодательством, и гибели тех же животных – реальных носителей опасной инфекции (например, отстрел животных в очаге бешенства, сибирской язвы и пр., или исчисление ущерба при гибели животных – носителей инфекции на автодорогах).

Цель настоящей статьи – на примере пандемии COVID-19 определить экологические риски современных коронавирусных пандемий и регламенты их учета, связанные с международными и национальными требованиями сохранения биоразнообразия и со сложившейся эколого-гуманитарной ситуацией.

Экологические риски развития коронавирусных пандемий, в том числе COVID-19

Перечислим основные экологические риски, выявляемые в случае подобных коронавирусных эпидемий и пандемий, в том числе типа COVID-19.

Первое – это ощущение конъюнктурности в оценках глобальных экологических проблем, беспрецедентная смена приоритетов. Мир очень легко забывает о климатическом кризисе и об угрозах человечеству из-за потепления. На повестке дня «коронавирусный кризис». Еще недавно климатические сюжеты не сходили с экранов телевизоров, об этом писали все ведущие газеты и Интернет, обсуждались детали дележки «экологического пирога» в сотни миллиардов долларов на решение «проблем с климатом». Перед угрозой нового вируса это все не важно, а экологические проблемы уходят на второй план с призывами сохранять рукокрылых и другие редкие виды.

Второе – девальвация экологических приоритетов в развитии стран и их политических и экономических союзов. Никто не отказался от увеличивающегося использования природных ресурсов, от гонки вооружений и возрастающего уровня потребления в развитых странах. А это – главные факторы деградации природы, углубления пропасти между бедными и богатыми странами, развитыми и неразвитыми регионами, Югом и Севером, Западом и Востоком и т. д. Проявился эгоизм экономический, даже внутри такой «крепкой» структуры, как Евросоюз. А отсюда – шаг до «экологического эгоизма», строительства «экологического рая» с зеленой экономикой в отдельно взятой стерильной от природных инфекций

стране за счет других, которые пусть сами выкарабкаются из кризиса COVID-19 и питаются дичью из природных экосистем, рискуя вновь получить и распространить опасную инфекцию.

Третье – значительные мировоззренческие издержки в отношении глобальных экологических проблем, национальных и локальных решений в охране живой природы. В них вмешивается фактор «переносчиков особо опасных инфекций» и снижения ценности дикой природы как таковой. Снижается и позитивное восприятие образа дикой фауны, девальвируется гуманитарная составляющая при сохранении и восстановлении живой природы, в том числе редких видов, многие из которых являются носителем особо опасных вирусных и бактериальных инфекций. И неважно, если это реальные или потенциальные угрозы, так как, например, материал для молекулярно-генетических и медико-биологических исследований часто берется из природных очагов и тем же путем может возвращаться, но уже в модифицированном виде. И вот на этом фоне подсознательно начинает доминировать «технократическая» модель «природы культурного ландшафта» Западной Европы, по сути стерильная – с ухоженными вторичными лесами, подстриженными лугами, изобилием разводимой для охоты и тоже «стерильной» от инфекций фауны и пр. Уж в такой природе точно не может быть вспышек энцефалита, бешенства, туляремии, лептоспироза, птичьего гриппа и пр. А если так, то и вкладывать средства на глобальном, региональном и локальном уровнях в охрану природы не нужно.

Четвертое – появление дополнительных экологических рисков, возникающих в связи с пандемией COVID-19 и быстро мутирующим коронавирусом. С одной стороны, это эколого-эпидемиологические проблемы утилизации дополнительных медицинских и бытовых отходов (инфицированного мусора – масок, перчаток, использованных предметов и тары, продуктов жизнедеятельности от карантинных больных, находящихся вне стационаров, где налажена утилизация инфицированного материала). Нельзя допускать, чтобы происходило рассеивание инфекции и молекулярно-генетического материала, географически разнородного, образовавшегося в процессе жизнедеятельности от больных на разной стадии лечения. С другой стороны, большой комплекс дополнительных проблем, связанный с отношением к переносчикам коронавирусных и иных инфекций и местами их обитания, в том числе имеющих разный природоохранный статус. Так, те же рукокрылые (крыланы, летучие лисицы и подковоносы), хищные млекопитающие и водоплавающие птицы, переносчики многих вирусных инфекций, включены в многочисленные Красные книги – международные, национальные, региональные, а их местообитания имеют высокий природоохранный статус, как, например, охраняемые водно-болотные угодья, объекты Всемирного природного наследия ЮНЕСКО, биосферные резерваты, национальные парки, заповедники и пр. Кроме того, реальные экологические риски возникают в сфере охоты, биотехники и традиционного природопользования, торговли объектами дикой природы, функционирования международной и национальных карантинных служб, экотуризма и пр.

Выявляемые экологические риски особо остро могут проявляться именно в период после пандемии, когда выход из экономического кризиса допускает принцип «любой ценой», в том числе за счет экологических издержек.

Например, вспышки энцефалита 1930-х гг. сопровождалась не только созданием вакцины и массовой вакцинацией прибывающих в тайгу работников, но и химической акарицидной обработкой лесных территорий в местах скопления населения, после которой отмечались и гибель других групп животных, нарушение трофических цепей в таежной экосистеме.

При вспышке африканской чумы свиней начала XXI в. осуществлялся массовый отстрел кабанов. В сезон 2019–2020 гг. охотничьим хозяйствам рекомендовалось снижение плотности животных [Распоряжение... 2017]. По сути, речь идет о депопуляции кабана в отдельных регионах и о разрушении экосистем, так как кабан – не только пищевой объект для крупных хищников, но и вид с высоким средообразующим качеством.

Другой пример XXI в. – практика профилактического отстрела диких водоплавающих птиц вокруг птицеводческих хозяйств при вспышках птичьего гриппа. Он стимулируется муссированием в СМИ опасности птичьего гриппа для человека и необходимости регуляции численности уток и гусей в период их сезонных миграций. Последнее постоянно лоббируется охотничьими организациями, для которых «безличная позиция» – «утки» и «гуси» и «весенняя охота на водоплавающую дичь» – не изменилась и до сих пор. Достаточно вспомнить рекомендации Россельхознадзора и Роспотребнадзора «О дополнительных мерах по недопущению распространения гриппа птиц», в которых нет слов о необходимости отстрела птиц, но есть не менее «острая» и бестолковая рекомендация – отпугивания птиц для снижения распространения вируса гриппа А (H5N1) в радиусе 3–10 км от населенных пунктов «бригадами охотников» в период гнездования [Комментарии...].

Пятое – новое понимание роли экологических факторов в росте патогенности и контагиозности инфекций, носителями которых являются дикие животные, в том числе по отношению к человеку. Так, дикие водоплавающие птицы считаются природным источником практически всех вирусов группы А и носителями вирусов подтипов H5 и H7, но не в столь патогенной форме, как это проявилось в последней эпидемии гриппа H5N1. Зимовки и сезонные миграции водоплавающих птиц под влиянием потепления существенно изменились и по срокам, и по географии. Происходит глобальный генетический обмен, позволяющий вирусам мутировать, становиться опасными для человека и порождать пандемии. По видимому, кроме продолжительного потепления и изменения состояния водоемов на зимовках и на пути миграций, повышенной мутагенностью обладает загрязнение среды тяжелыми металлами и органическими загрязнителями, а также генетическое загрязнение, в том числе возникающее в процессе пандемий, борьбы с вирусными эпидемиями, генной инженерии и разработки биологического оружия. В итоге спектр экологических факторов, сопровождающих вирусные эпидемии и последующий период выхода из кризиса, существенно расширяется.

Международные конвенции – один из механизмов снижения экологических рисков.

Вопрос о достаточности существующих глобальных международных механизмов решения экологических проблем при вирусных эпидемиях и пандемиях, вызываемых инфекциями, передающимися от диких животных, практически не обсуждается. Большинство из этих инфекций, в первую очередь коронавирусные,

имеют трансграничный характер, а это значит, что экологические аспекты здесь всегда носят глобальный характер и должны регулироваться международными соглашениями. В случае с пандемией COVID-19 таковыми могут быть следующие международные конвенции:

Международные медико-санитарные правила ВОЗ (1969) – с расширенным в последующие годы списком (2005). Регулирует на глобальном уровне распространение опасных инфекций, в том числе и вирусных антропоозоонозных.

Конвенция о биологическом разнообразии (1992) с Картахенским протоколом (2000) по биобезопасности и Нагойским протоколом (2010) регулирования доступа к генетическим ресурсам. Собственно конвенция регулирует сохранение дикой флоры и фауны и мест их обитания *in-situ* (в природе) и *ex-situ* (в неволе, в условиях культивирования).

Картахенский протокол по сути имеет прямое отношение к ситуациям с коронавирусом и его носительством в популяциях рукокрылых и, возможно, мелких млекопитающих провинции Хубэй (Китай). Угрозы биобезопасности здесь связаны с возможным обменом чуждых вирусных генов, продуктами генной терапии, а также с соблюдением норм биобезопасности при работе с инфекционными агентами.

Нагойский протокол в условиях пандемии важен для обеспечения равного доступа к генетическим ресурсам, в данном случае – исходного штамма COVID-19, для тех, кто занимается разработкой вакцины и лекарственных средств против инфекции. Генетические ресурсы здесь рассматриваются более широко, чем коронавирус конкретной популяции рукокрылых *Rhynophorus* г. Ухань (Китай), тем более что генетический обмен между дикой природой и урбанизированными территориями постоянен.

Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры (1975), находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС). С самого старта пандемий SARS 2002–2003 гг., а затем и COVID-19, исследователи обратили внимание на то, что носителями инфекции являются представители дикой фауны – объекты международной охраны и торговли (летучие мыши *Rhynophorus*, панголины *Manis javaisca* и циветты *Viverra* и др.) и одновременно – традиционной азиатской «дикой кухни». К этой проблеме примыкает и проблема монопольного экспорта Китая для целей традиционной медицины и кухни чешуи и мяса панголинов *Manis gigantea* и *M. tricuspis* из Африки в Азию. Соответственно может происходить и экспорт инфекции.

Практически все вирусные и бактериальные эпидемии XXI в., имевшие антропоозоонозную (зооантропоозоонозную) природу, среди носителей имели и имеют представителей дикой фауны, в том числе объектов международной торговли. Конвенция СИТЕС должна существенно расширить свою эпидемическую, эпизоотическую и эпифитотическую составляющую и определить регламенты глобальной торговли объектами дикой природы. Как показывает опыт последних десятилетий, карантинные службы, фитосанитарный и ветеринарный пограничный контроль не справляются со своей задачей, чем многократно повышают экологические риски, а также риски эпидемий, эпизоотий и эпифитотий.

Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местобитаний водоплавающих птиц (1971), или

Рамсарская конвенция. Ее главная цель – остановить наступление человека на водно-болотные угодья, которые служат естественными местообитаниями водоплавающих птиц и являются экосистемами с наиболее высоким биоразнообразием и объемом экосистемных услуг [Constanza *et al.* 1997]. Водоплавающие птицы мигрируют и многократно пересекают границы, то есть должны рассматриваться как «общий» глобальный ресурс человечества, а значит, и все, что птицы переносят в своем организме, в том числе патогенные микроорганизмы, – общее.

В связи с распространением вируса птичьего гриппа, лихорадки Западного Нила, орнитозов и других инфекций, опасных для домашней птицы и для человека, Рамсарскую конвенцию можно рассматривать как глобальный механизм регламентации контакта птиц – носителей вируса и человека. Сеть Рамсарских угодий, несомненно, должна быть расширена, особенно в России, через которую проходят основные миграционные пути птиц, гнездящихся в Северной Евразии – Западноевропейский, Восточноевропейский, Индо-азиатский (Центральноазиатский) и Восточноазиатский. Не все из них обеспечены достаточным количеством и площадью Рамсарских угодий, что повышает риск возникновения зоонозных болезней.

Снижение рисков развития эпидемий и эпизоотий с использованием механизмов Рамсарской конвенции может осуществляться в следующих направлениях:

- организация эпизоотологического мониторинга за переносом опасных для человека и домашней птицы инфекций водоплавающими и околотовными птицами в ключевых угодьях каждого из глобальных миграционных путей; включение российских модельных Рамсарских угодий в международную сеть эпизоотологического мониторинга;

- продолжение сплошного обследования водных, водно-болотных и околотовных комплексов для полного выявления и расширения сети Рамсарских угодий в России (угодий, обеспечивающих сохранение до 1 % популяции мигрирующих видов – критерий конвенции) и оценки их эпидемиологической и эпизоотической опасности; на настоящий момент таких выявлено уже 166, и они могут служить основой для расширения сети Рамсарских угодий [Водно-болотные... 2000];

- совершенствование законодательной базы территориальной охраны природы в отношении создания «временных» («сезонных») особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и акваторий (установление заповедного режима на период концентрации птиц в период отдыха на пролете); это существенно дополнит сеть ООПТ и снизит риски распространения инфекций от водоплавающих и околотовных птиц;

- совершенствование системы размещения птицеводческих хозяйств и организации охоты на водоплавающих птиц для минимизации риска передачи инфекций.

Территориальная охрана природы как механизм снижения риска эпидемий

Исходно территориальная форма охраны природы развивалась как ресурсная [Тишков 2017; Чибилев, Тишков 2018], но получила развитие и в других направлениях, в том числе и как гуманитарная – для будущих поколений. В последние

десятилетия к ним присоединилось направление, в котором доминирует выполнение ООПТ глобальной климаторегулирующей функции – когда охраняемые экосистемы эффективно участвуют в глобальном регулировании баланса углерода (заповедывание углеродоемких экосистем – тундр, болот, тайги, степей в соответствии с рекомендациями Парижского соглашения). Расширение защитных функций ООПТ, снижающих риск поражения и причинения вреда здоровью человека, обеспечивают так называемые радиационно-экологические заповедники, ограничивающие посещение и использование территорий с высоким уровнем радиации – Восточно-Уральский радиационный заповедник в России, Чернобыльский радиационно-экологический заповедник на Украине, Полесский государственный радиационно-экологический заповедник в Беларуси. По такому же принципу возможно создание крупных ООПТ, на которых устанавливается режим, исключающий возможность контакта человека с инфицированными животными. Необходимость создания таких ООПТ, где регламентируется их посещение по эпидемиологическим показателям, оправдана. В то же время они призваны сохранять не только природное разнообразие организмов, но и уникальный молекулярно-генетический материал разных штаммов вирусов, бактерий, форм патогенных простейших (в зависимости от циркулирующей природно-очаговой инфекции и предназначения ООПТ), который может использоваться в качестве платформы для создания лекарств, вакцин и других материалов для борьбы с инфекциями.

Другой сюжет в отношении ООПТ как механизма снижения экологических рисков возникновения и развития эпидемий как раз был рассмотрен выше в отношении создания «временных» ООПТ на местах отдыха, а соответственно, и скопления мигрирующих животных по пути миграций. Например, это крупные скопления гусеобразных в отдельных регионах Европейской России во время весенних миграций, места концентрации некоторых копытных при трансграничных сезонных миграциях (дикого северного оленя, сайгака, дзерена и др.) и пр. Создание рекомендуемой новой категории ООПТ в данном случае актуально и с эпидемических, и с эпизоотических позиций.

Эколого-гуманитарные аспекты развития пандемии COVID-19

Выше отмечалось, что позитивный образ дикой и домашней фауны требует этических и законодательных мер защиты (вплоть до специальных поправок в Конституцию Российской Федерации о гуманном отношении к животным, как это инициировано сейчас в отношении статьи 114 новой редакции Конституции) в связи с пандемией и представленной в СМИ информацией об источнике возникновения инфекции COVID-19 (рынок дичи для традиционной кухни в Ухани, Китай). Издержки пандемии коснулись и домашних животных, которые стали объектом избегания контактов как с возможным источником инфекции. Участились случаи, когда горожане отказываются от своих питомцев из-за боязни заразиться от них коронавирусом [Москвичи... 2020]. ВОЗ даже выступил с разъяснением этой ситуации [Рекомендации... 2020], хотя, отмечая трансмиссивный характер COVID-19 – от диких животных к человеку, китайские ученые еще в феврале 2020 г. доказали невозможность инфицирования кошек и собак вирусом COVID-19 и нахождения его у других зверей [Latest... 2020].

Позитивные и негативные экологические эффекты развития COVID-19

А теперь о позитивных и негативных экологических эффектах пандемии COVID-19. Их осознание, балансовое сопоставление потерь и приобретений для природы должны помочь правильному выходу из «коронавирусного кризиса» [Тишков 2020]. Здесь следует понять, что мечты Греты Тунберг о сокращении добычи углеводородов, летающих самолетов и автомобилей на дорогах, закрытии заводов, выбрасывающих в атмосферу CO₂, и т. п. во время пандемии приобрели осязаемый образ. Но, как показывает текущий анализ глобальных экологических проблем, происходящее в экономике лишь временно сказалось на состоянии природы, а климатическая система, развивающаяся по своим законам, на столь масштабные, но все же малоэффективные изменения никак не отреагировала.

Позитивные экологические эффекты – это чистая вода в каналах Венеции, чистый воздух городов Китая, снижение фактора беспокойства для наших животных (дикие животные все чаще стали появляться в городах, больше птиц гнездится в парках), сокращение рекреационных нагрузок на природные экосистемы и др. Люди находятся дома на самоизоляции. На карантине, если верить цифрам СМИ, к маю 2020 г. было уже почти полтора миллиарда населения Земли. Сигналы поступают из разных уголков планеты: сокращаются объемы личного потребления и количества бытового мусора, в крупных городах с объявлением самоизоляции произошли перемены в сторону улучшения состояния парков и лесопарков – снизилось воздействие так называемого фактора беспокойства и рекреационные нагрузки, а следовательно, стало больше птиц, улучшилось состояние растительности, отдыхает газон; с отменой весенней охоты и карантином меньше людей в лесах и на водоемах, а это значит – больше будет водоплавающей, полевой и боровой дичи; отдохнут и наши южные курорты от огромных рекреационных нагрузок, особенно Крым и Черноморское побережье Кавказа, воспрянет вытоптанная растительность, очистятся гектары замусоренных территорий и морских акваторий, в конце концов, курортная канализация несколько месяцев передохнет. Действительно, получается, что прогноз для дикой природы положительный.

А *негативные* эффекты – они, скорее, из области эколого-гуманитарных, социально-экологических и экономико-экологических проблем, и определяют экологический вектор выхода из «коронавирусного кризиса» – с потерями или без потерь. На мой взгляд, рано говорить COVID-19 спасибо за сохраненную природу. Да и так ли масштабно она стала отдыхать от человека и его воздействия? Например, в России, как и в большинстве стран G20, к сожалению, это не так. В мире остановились далеко не все экологически опасные отрасли, да и уровень потребления, определяющий в конечном итоге «экологический след» стран в развитых странах, практически не сократился. А снижение активности населения мегаполисов не всегда можно экстраполировать на государство. Падение цен на углеводороды оказалось временным и мало сказалось на выбросах энергетического сектора (вклад авиаперевозок здесь не превышает нескольких процентов). Бытового мусора, может быть, и убавилось, а медицинского – прибавилось.

Кроме того, уровень доходов населения стал падать, число безработных растет, особенно в провинции, в малых городах. Традиционно в этом случае начина-

ет расти уровень браконьерства, и позитивные для природы эффекты в регионах определенно сойдут на нет [Тишков 2006]. Потери в доходах компенсируются обычно «дарами природы», получаемыми в результате незаконной охоты, рыбалки, заготовки древесины и пр. COVID-19 проник, как спрут, в систему жизни населения – «заякорив» последнее на карантине, мы автоматически увеличили человеческую нагрузку на прилегающие к жилью территории (те самые пресловутые «100 метров от дома»).

А такая простая цепочка, касающаяся аграрного производства, – недополученная продукция в одном регионе должна быть компенсирована вовлечением в производство новых земель в другом. Уже ясно, что наметился спад в мировом производстве продуктов питания, в ООН заговорили о грядущем «мировом голоде» [В ООН... 2020]. Это может сказаться на состоянии наших степей, особенно потенциальных производителей твердой пшеницы – так называемых постцелинных земель, на которых восстановились типичные и засушливые степи. Да и чистое небо над городами – это краткосрочный эффект «перед бурей», когда экономика сорвется в «поствирусный» рост, на полную мощность заработают электростанции, заводы и начнут летать самолеты.

В балансе экологических плюсов и минусов пандемии приоритет за последними, негативными, издержками, которые на старте выхода из кризиса становятся очевидными.

Первое – это конъюнктурность в оценках глобальных экологических проблем. Мир очень легко, что называется, «на раз», забыл об угрозах человечеству из-за глобального потепления и других глобальных проблемах. Традиционная глобальная экология ушла куда-то на третий план с ее призывами сохранять фауну, спасать китов, ругать Китай за грязное небо над Пекином и выбросы в атмосферу.

Второе – девальвация некоторых экологических приоритетов развития стран и их политических и экономических союзов (например, концепций зеленой экономики и устойчивого развития). Никто в такой острый для планеты период и ввиду очевидной угрозы сохранения человечества не отказался от гонки вооружения, которая была и остается самым главным фактором деградации природной среды. Получается, что глобальные экономические издержки эпидемии COVID-19 – суть ее экологических издержек, связанных и с масштабным ресурсозатратным выходом из кризиса с ростом антропогенных нагрузок на природу.

Третье – очень значительные мировоззренческие потери в локальных решениях по охране живой природы. В национальные стратегии сохранения биоразнообразия, несомненно, вмешается фактор обличения «переносчиков особо опасных инфекций». Остается открытым вопрос о корректировке реализации международных конвенций в области охраны живой природы – по торговле редкими видами (СИТЕС), по охране водоплавающих птиц (РАМСАР), о биоразнообразии (КБР) и др. Образ летучей мыши и панголина, ставших символами «всемирного моря» в случае с COVID-19 и SARS-CoV, напоминает пресловутый «образ врага», такой желанный для «спуска пара» и перекладывания ответственности. «Под шумок», как это было при эпидемии птичьего гриппа с водоплавающими птицами, могут пострадать переносчики того первичного штамма COVID-19 – летучие мыши (не только в Китае). Теперь милые сюжеты телевидения с их миграциями в городах Европы уже не будут появляться на экране.

Напомним, что мы имеем дело с вырвавшейся на свободу природно-очаговой болезнью, которая никуда не уходит, а остается с нами, и будет ли эпидемия, зависит от нас. Таких болезней в природе много. Уже в XXI в. в связи с потеплением климата и ростом миграционной активности населения в России, например, появляются и другие болезни из южных краев – лихорадка Денге, желтая лихорадка и др. Они не имеют в нашей стране природных очагов, но это не мешает им охватывать целые области и заражать тысячи людей. Лихорадка Западного Нила уже в нашем веке сформировала природные очаги в Волгоградской, Астраханской областях, Краснодарском крае – и продвигается на север.

Помимо клещей и комаров у вирусных болезней много переносчиков из числа млекопитающих и птиц, в том числе из массовых и редких видов. Профилактика и правильное поведение человека в природе – вот главное в решении этой глобальной проблемы, фауна здесь не виновата. А то можно дойти и до кампании по истреблению воробьев, как в Китае 1950-х гг., и уничтожения циветт, которые подозревались в предыдущей эпидемии SARS-CoV. Да и чисто экологическая проблема «посткоронавирусного» периода – быть «ближе к природе» или оставаться в мегаполисе? «Ближе к природе» – это и ближе к природным очагам многих болезней!

Заключение

По мере развития «ковидного кризиса» возникает все больше аргументов для осмысления возможных экологических последствий. Мир переживает самый страшный эпидемический кризис за последние 100 лет – после знаменитой эпидемии гриппа (испанки) 1918–1920 гг., когда переболело около 30 % населения планеты, а умерло от 1 до 5 %. Тогда вопрос о взаимосвязи эпидемических, экономических и экологических последствий не стоял. А сейчас глобальный характер происходящего (к концу мая 2020 г. практически все страны включились в борьбу с COVID-19) позволяет говорить о глобальном характере последствий и его глобальных экологических эффектах [Latest... 2020]. Все больше пандемия напоминает механизм глобальной биотической регуляции, возникший в связи с избыточной нагрузкой человечества на природу [Горшков 1995] и ориентированный на «исправление» демографической диспропорции – трендов глобального старения планеты [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020].

Во-первых, все признают, что экономические последствия этой пандемии значительные, особенно для развивающихся стран, чьи макроэкономические показатели, уровень бедности и доходы населения оказались уязвимыми и с позиций последующего роста нагрузок на природу. То есть пандемический кризис может непропорционально сильно ударить по странам с низким и средним уровнем дохода, поскольку большинство из них не имеют достаточно ресурсов и возможностей для преодоления системного пандемического шока. Известно, что их крупный неформальный сектор ориентирован на нерегламентированное использование природных ресурсов (в том числе ресурсов дикой природы). Это создает для бедных стран высокие экологические риски посткоронавирусного периода,

связанные с ростом нагрузок на биоресурсы и с расширением площади осваиваемых земель.

Во-вторых, оказалось, что исполнение мечты Греты Тунберг, вернее, тех, кто направлял ее искренние помыслы, не принесло радости ни экологам, ни всему человечеству. Чистота воды в каналах Венеции или снижение концентрации выхлопных газов на автотрассах Европы не вызывают оптимизма. Ведь сохранение природы на Земле – не для самой природы, а для человека, его здоровой окружающей среды. Все модели будущего мы строим для человека.

В-третьих, мировоззренческие издержки, которые несет с собой пандемия COVID-19, будут мультиплицироваться, каскадно охватывать страны, постепенно вовлекать все новых и новых адептов «вины дикой природы» в наиболее опасных болезнях человека. ЕС и США, создающие технократические модели окружающей природной среды своих стран – «стерильной дикой природы», получают дополнительные аргументы в пользу такой экологической стратегии будущего. Важнейшие аксиомы фундаментальной экологии о связанности каждого вида с каждым, о сохранении всех компонентов экосистемы и др. не просто нарушаются, но под отказ от них подводятся «гуманистические» аргументы – «во имя здоровья человека!». Возможно, будут подлежать уничтожению и регулированию численности многие виды животных – носители природно-очаговых инфекций, «вредители» сельского хозяйства и пр. В этих странах пандемия укрепила позицию, что «экологическая стерильность», содействующая экономике, – это плюс. Животных можно делить на «вредных» и «полезных», «нужных» и «ненужных», тех, которых надо охранять, и которых охранять не надо. Избавление от природно-очаговых болезней здесь происходило исторически путем именно такой дифференциации – отказывалось в жизни тем видам, которые «не пришлись ко двору», особенно хищным, врагам животноводства, грызунам – вредителям посевов и пр. Переносчики болезней в их числе. Но здесь акцент теперь не на западноевропейские или североамериканские виды (которые уже давно или уничтожены, или имеют сокращенный ареал и встречаются только на ООПТ), а на азиатские и африканские. То, что, например, в России сохраняется Великий Евразийский природный массив (около 60 % территории страны), как раз демонстрирует иную модель развития и отношения к экологическим проблемам, в том числе и к сохранению биоразнообразия с учетом эпидемической опасности его компонентов.

В-четвертых, логичная мысль о трудностях в период пандемии и карантина сохранять природу конкретно, непрерывно, на локальном уровне. В отношении решения экологических проблем будем мыслить глобально! Это так! А вот действовать локально многие месяцы мы (а это 20–25 % населения планеты, «задетого» мерами по ограничению распространения коронавируса) из-за карантина не можем. Лесные пожары не тушим, браконьера за руку не ловим, разливы нефти не остановим, заслон на пути сточных вод в реку не поставим, беззащитных покровительственно не защитим. «Сидим дома» – спасаем себя, близких, соседей. А природу? Спасем ли? Еще долго будем и маски носить, и осторожничать при встрече с людьми. Это в отношении нового менталитета человека. Но как бы не

потерять интереса и личную мотивацию к сохранению природы. Мы ведь только и думаем, как бы экономику освободить от пут вируса, а там – гори все огнем. Кризис все спешит. Развитие в ущерб природе – вот этого надо бояться.

Литература

Водно-болотные угодья, внесенные в Перспективный список Рамсарской конвенции – «Теневой список» водно-болотных угодий, имеющих международное значение. 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://fesk.ru/tom/3/html> (дата обращения: 14.05.2020).

В ООН предупредили об угрозе мирового голода из-за пандемии коронавируса [Электронный ресурс] : РИА Новости. 2020. 22 апреля. URL: <https://ria.ru/20200422/1570384430.html> (дата обращения: 14.05.2020).

Горшков В. В. Физические и биологические основы устойчивой жизни. М. : ВИНТИ, 1995.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Глобальное старение и будущее глобального мира // Век глобализации. 2020. № 1(33). С. 3–21.

Комментарии Ассоциации любителей птиц по поводу рекомендаций Россельхознадзора и Роспотребнадзора «О дополнительных мерах по недопущению распространения гриппа птиц» [Электронный ресурс]. URL: <http://veterinarian.ru/kommentarii-associacii-lyubiteley-ptic> (дата обращения: 14.05.2020).

Москвичи отказываются от собак из-за коронавируса. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/other/43976312-moskvichi-otkazyvayutsya-ot-sobak-iz-za-ko-ronavirusa/> (дата обращения: 20.05.2020).

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.09.2017 № 2048-р «Об утверждении плана действий по предотвращению заноса на территории Российской Федерации африканской чумы свиней и ее распространения» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420377777> (дата обращения: 14.05.2020).

Рекомендации ВОЗ для населения в связи с распространением нового коронавируса (2019-nCoV): мифы и ложные представления. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public/q-a-coronaviruses> (дата обращения: 20.05.2020).

Тишков А. А. Биоразнообразие и проблема бедности в России // Природопользование и устойчивое развитие. М. : Тов-во научных изданий КМК, 2006. С. 198–229.

Тишков А. А. Сто лет методологии территориальной охраны природы (к 100-летию заповедного дела) // Известия РАН. Сер. геогр. 2017. № 1. С. 8–19.

Тишков А. А. Экологические последствия эпидемии COVID-19. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://biodat.ru/doc/lib/pgripp3.htm>. (дата обращения: 27.04.2020).

Чибилев А. А., Тишков А. А. История заповедной системы России. М. : Минприроды России, РГО, Постоянная Природоохранительная комиссия, 2018.

Costanza R., d'Arge R., de Groot R., Farber S., Grasso M., Hannon B., Limburg K., Naeem S., O'Neill R. V., Paruelo J., Raskin R. G., Sutton P., van den Belt M. The Value of the World's Ecosystem Services and Natural Capital // Nature. 1997. Vol. 397. Pp. 253–280.

Latest Information Provided by the OIE Delegate for the People's Republic China on 5 February 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oie.int/fileadmin/Home/eng/>

Our_scientific_expertise/docs/pdf/COV-19/China_update_COVID-19.pdf (дата обращения: 20.05.2020).

Tishkov A. Conservation of Biodiversity in Russia // Geography. Environment. Sustainability. 2014. No. 3. Pp. 125–136.

Settle J., Diaz S., Brondizio E. To Reduce the Risk of Future Pandemics, Measures to Encourage Recovery from COVID-19 should Include Saving Lives, Protecting Livelihoods, and Conserving Natural Resources. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://ipbes.net/sites/default/files/2020-04/COVID19%20Stimulus%20IPBES%20Guest%20Article.pdf> (дата обращения: 27 апреля 2020).

References

Vodno-bolotnye ugod'ja, vnesennye v Perspektivnyj spisok Ramsarskoj konvencii – “Tenevoj spisok” vodno-bolotnyh ugodij, imejushhijh mezhdunarodnoe znachenie [Wetlands Added to the Ramsar Perspective List – the “Shadow List” of Wetlands of International Importance]. URL: <http://fesk.ru/tom/3/html> (accessed: 14.05.2020).

V OON predupredili ob ugroze mirovogo goloda iz-za pandemii koronavirusa [The UN Gave a Warning of the Threat of World Hunger due to the Coronavirus Pandemic] : RIA Novosti. 2020. April 22. URL: <https://ria.ru/20200422/1570384430.html> (accessed: 14.05.2020).

Gorshkov V. V. Fizicheskie i biologicheskie osnovy ustojchivoj zhizni [Physical and Biological Foundations of Sustainable Life]. Moscow : VINITI.

Grinin L. E., Grinin A. L. Global'noe starenie i budushhee global'nogo mira [Global Aging and the Future of the Global World] // Age of Globalization. 2020. No. 1(33). Pp. 3–21.

Kommentarii Associacii ljubitelej ptic po povodu rekomendacij Rossel'hoz-nadzora i Rospotrebnadzora “O dopolnitel'nyh merah po nedopushheniju rasprostraneniya gripa ptic” [Comments of the Association of Bird Lovers on the Recommendations of Rosselkhoz-nadzor and Rospotrebnadzor “On Additional Measures to Prevent the Spread of Avian Influenza”]. URL: <http://veterinarian.ru/kommentarii-associacii-lyubiteley-ptic> (accessed: 14.05.2020).

Moskvichi otkazyvajutsja ot sobak iz-za koronavirus [Muscovites are Giving up Dogs Because of Coronavirus]. URL: <https://news.rambler.ru/other/43976312-moskvichi-otkazyvayutsya-ot-sobak-iz-za-koronavirusa/> (accessed: 20.05.2020).

Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30.09.2017 № 2048-r “Ob utverzhdenii plana dejstvij po predotvrashheniju zanosa na territorii Rossijskoj Federacii afrikan-skoj chumy svinej i ee rasprostraneniya” [Order of the Russian Government Dated September 30, 2017 No. 2048-r “To Approve an Action Plan to Prevent the Carrying of African Swine Fever in the Russian Federation and its Spread”]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420377777> (accessed: 14.05.2020).

Rekomendacii VOZ dlja naselenija v svjazi s rasprostraneniem novogo koronavirusa (2019-nCoV): mify i lozhnye predstavlenija [WHO Recommendations for People in Connection with the Spread of the New Coronavirus (2019-nCoV): Myths and Misconceptions]. URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public/q-a-coronaviruses> (accessed: 20.05.2020).

Tishkov A. A. Bioraznoobrazie i problema bednosti v Rossii [Biodiversity and the Problem of Poverty in Russia] // Prirodopol'zovanie i ustojchivoe razvitie [Nature Manage-

ment and Sustainable Development]. Moscow : The KMK Partnership of Scientific Publications, 2006. Pp. 198–229.

Tishkov A. A. Sto let metodologii territorialnoy okhrany prorody (k stoletiyu zapovednogo dela) [One Hundred Years of Methodology of Territorial Nature Protection (to the 100th Anniversary of the Nature Reserve)] // *Izv. RAN. Ser. geogr.* 2017. No. 1. Pp. 8–19.

Tishkov A. A. Ekologicheskie posledstviya jepidemii COVID-19 [Ecological Consequences of the COVID-19 Epidemic]. URL: <http://biodat.ru/doc/lib/pgripp3.htm>. (accessed: 27.04.2020).

Chibilev A. A., Tishkov A. A. Istorija zapovednoj sistemy Rossii [History of the Russian Nature Reserve System]. Moscow : Ministry of Ecology and Natural Resources of Russia, Russian Geographical Society, Permanent Environmental Commission, 2018.

Costanza R., d'Arge R., de Groot R., Farber S., Grasso M., Hannon B., Limburg K., Naeem S., O'Neill R. V., Paruelo J., Raskin R. G., Sutton P., van den Belt M. The Value of the World's Ecosystem Services and Natural Capital // *Nature*. 1997. Vol. 397. Pp. 253–280.

Latest Information Provided by the OIE Delegate for the People's Republic China on 5 February 2020. URL: https://www.oie.int/fileadmin/Home/eng/Our_scientific_expertise/docs/pdf/COV-19/China_update_COVID-19.pdf (дата обращения: 20.05.2020).

Tishkov A. Conservation of Biodiversity in Russia // *Geography. Environment. Sustainability*. 2014. No. 3. Pp. 125–136.

Settle J., Diaz S., Brondizio E. To Reduce the Risk of Future Pandemics, Measures to Encourage Recovery from COVID-19 should Include Saving Lives, Protecting Livelihoods, and Conserving Natural Resources. 2020. URL: <https://ipbes.net/sites/default/files/2020-04/COVID19%20Stimulus%20IPBES%20Guest%20Article.pdf> (accessed: 27.04.2020).

СЛОЖИЛАСЬ ЛИ В АМЕРИКЕ РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ?*

Гринин Л. Е.**

В данной статье автор не просто рассуждает о последних событиях в США, но пытается понять с точки зрения современной теории революции, насколько сложившаяся ситуация в этой стране соответствует условиям для революции. В США уже с конца 2016 г. идет гибридная гражданская война, которая ведется в разных формах, и в настоящее время она стала принимать революционные формы. А поскольку революционная активность развивается в рамках усиливающейся гибридной гражданской войны между двумя главными группировками американской элиты, это придает событиям значительное своеобразие по сравнению с классическими революциями. В известной мере это случай, который еще не был описан в теории революции.

Ключевые слова: США, демократия, революционная ситуация, революция, националисты, глобалисты.

In the present article the author not only considers the recent events in the USA but also tries to interpret within the frames of modern theory of revolutions to what extent the current situation in this country meets the conditions for revolutions. Already from the end of 2016, there unfolds a hybrid civil war in the USA which takes different forms and at present has started to acquire revolutionary traits. And since the revolutionary activities develop within the frame of increasing hybrid civil war between two major groups of the American elite, the events become considerably peculiar in comparison with classic revolutions. To a certain extent this is a case that has not been yet described by the theory of revolutions.

Keywords: USA, democracy, revolutionary situation, revolution, nationalists, globalists.

Глубокий раскол элиты, на мой взгляд, – это главная особенность сегодняшней ситуации в США. Такого явного раскола в стране не было очень давно, и он продолжает усиливаться. Другая особенность – демократия снизу (которая способствовала избранию Трампа), то есть это давно устоявшая демократия, хотя и клонящаяся к упадку. Третья особенность – раскол населения по штатам, есть устойчиво республиканские и устойчиво демократические штаты. Наконец, четвертая особенность – наличие довольно многочисленного цветного населения, объединенного общей ментальностью, направленной против белого большинства, ясными антропологическими признаками (цвет кожи) и относительно компакт-

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №18-18-00254).

** Гринин Леонид Ефимович – д. ф. н., в. н. с. Института востоковедения РАН, г. н. с. Научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ. E-mail: leonid.grinin@gmail.com.

ным расселением. И это меньшинство достаточно сплоченное, так как имеет свою идеологию, идеологов и собственные организации, способно быстро организовываться. Пятая особенность – возможность государства относительно легко эмитировать средства в бюджет, что способствует погашению недовольства населения. Все эти особенности, конечно, требуют большой гибкости при приложении теории революции к ситуации в США, тем не менее многое данная теория может и прояснить. В настоящей статье для опоры на теорию революции использованы (из очень большого количества работ по теории революции) только следующие работы: [Tilly 1975; 1978; Goldstone 1991; Halliday 1999; Beck 2011; Mitchell 2012; Sanderson 2016; Хантингтон 2004; Голдстоун 2006; 2015; Скочпол 2017; Гринин 2017а; 2018; Гринин, Коротаев 2020].

Как уже было сказано, в США с 2016 г. идет гибридная война между двумя частями элиты. Революционного типа выступления чернокожих являются частью этой войны. Налицо перестановка классической последовательности, так как обычно гражданские войны не предшествуют революциям, а следуют за ними [Голдстоун 2006; 2015; Скочпол 2017]. Но гибридная гражданская война, конечно, нечто иное, чем горячая гражданская война. Если вспоминать в чем-то похожие ситуации, то я бы привел пример Северной Ирландии в 1969–1998 гг. Там был раскол населения по религиозному признаку, но гражданская война на этой территории велась перманентно (и с помощью террора в том числе), при этом ее постоянно прерывали всякого рода революционные акции [см., например: Mitchell 2006]¹. Ситуация в США также в известной мере напоминает феодальные гражданские войны, например, в Англии в XII в., когда шел спор между двумя наследниками умершего короля Генриха I, элита делилась на две враждующие части и втягивала в это противостояние народные массы, особенно горожан.

Возникновению революции обычно предшествует революционная ситуация [Sanderson 2016; Хантингтон 2004; Голдстоун 2006; 2015; Скочпол 2017; Гринин 2017б]. Но не каждая революционная ситуация перерастает в революцию.

Революции – это всегда материализация недовольства, которое достигло уровня, превышающего допустимый для данного общества; это также концентрация недовольства в определенном месте и времени; сама возможность такой материализации и концентрации, а равно канализации ее под чьим-либо руководством и определяет возможность перерастания кризиса в революцию.

Многие помнят три признака революционной ситуации, которые сформулировал В. И. Ленин [см., например: Ленин 1981: 69]: 1) низы не хотят жить по-старому; 2) верхи не могут управлять по-старому; 3) обострение нужды и бедствий народных масс сверх обычного. Последнее – нередкое явление, но не универсальное, рост недовольства выше допустимого может быть вызван и иными причина-

¹ Террор для США в целом нехарактерен, однако стоит вспомнить историю ку-клус-клана (ККК), прежде всего первого (их было три, они возникали один за другим с длительным перерывом). Первый ККК был террористическим и представлял собой форму борьбы побежденной рабовладельческой элиты с победителями, которая сумела привлечь на свою сторону массы людей. Так, уже к концу 1868 г. (то есть через три года после окончания гражданской войны) число его членов достигло 600 тыс. человек. В большинстве своем это были солдаты и офицеры армии южан. Борьба бывших рабовладельцев, несмотря на разгром этой тайной организации в начале 1870-х гг., закончилась некоторым успехом южан, сумевших создать условия, при которых они могли держать освобожденных негров в жесткой узде.

ми. В частности, накануне Майдана в конце 2013 г. на Украине ни о каком обострении нужды и бедствий украинцев и речи не было. В США есть некоторые признаки того, что верхи не могут управлять по-старому (для примера можно привести невиданную эмиссию в этом году и сознательный обвал экономики). Что касается низов, то до недавнего времени они были в основном довольны, но COVID-19 и связанные с этим ограничения и тяготы серьезно меняют ситуацию.

Современные социологи и политологи говорят о следующих условиях как о важных для революционной ситуации:

1) Усиление так называемой депривации [Davies 1969; Gurr 1968; 2015], то есть ощущения неудовлетворенности в связи с, например, относительным обнищанием, когда в целом условия жизни терпимые, но разрыв в уровне жизни с другими слоями населения растет. Для более или менее богатых стран это более важно, чем обострение нужды. Сказанное хорошо иллюстрирует ситуация в нынешних Соединенных Штатах, где верхняя часть среднего класса в целом улучшает свои условия, а нижняя – ухудшает, не говоря уже о слоях ниже среднего класса.

2) Очень важным условием является раскол элит [Годстоун 2006; 2015], особенно наглядно проявляющийся в США. Раскол очень сильный, очевидный, никак не оспариваемый и в определенной степени политически оформленный по партийной принадлежности. Раскол элит позволяет революционному движению оформиться. Кроме того, важно, что элиты имеют престиж, организационный опыт, определенные структуры и огромные ресурсы. Все это повышает шансы революций. Вспомним, что даже крестьянские войны порой организовывались именно элитой (такой была, в частности, крестьянская война Ивана Болотникова в начале XVII в. в России). Некоторые политологи, например Дж. Годстоун, даже считают, что в большинстве случаев именно элиты мобилизуют население и помогают ему свергнуть режим. Если протесты чернокожих утихнут, можно будет организовать иные.

3) Важное условие революционного подъема и начала революции – мобилизация масс [Tilly 1975; 1978]. С этим в США тоже, кажется, все в порядке. Элиты, оттесненные от политической власти и каких-то «кормушек», умеют очень быстро организовывать протестную активность масс, тем более управляя всеми СМИ. Эти элиты используют различные организации и большой опыт мобилизации масс и технологии организации протестов. При этом важно, что есть возможность организовать протесты по всей стране, поскольку партийные группы и ячейки, а также ячейки различных неправительственных организаций имеются в огромном количестве мест. Мало того, эта элита способна поднять протестующих по всему миру. «Когда чихает Париж, простужается Европа», – говорили в середине XIX в. Сегодня в Соединенных Штатах только подумают чихнуть, а у всех уже насморк.

В отношении США, очень условно говоря, борьба идет между националистами (представителями национального производства и капитала) и глобалистами. Последние представляют симбиоз разных сил, во многом направляемых узкой, но исключительно влиятельной группой крупнейших финансовых и иных международных корпораций или других игроков, поддерживающих, в частности, их курс политических партий. При этом глобальные игроки не афишируют свои истинные

стремления, стараются сохранить анонимность, скрывают свои действия за действиями тех движений (в частности, цветных, женщин, сексуальных меньшинств, левых и т. п.), политиков, СМИ и т. п., которыми они управляют или на которые могут влиять. И эта борьба принимает все более острые формы, грозя Соединенным Штатам внутренними смутами.

Для глобалистов использование могущества США, их имперских и геополитических амбиций – главный источник их силы. Ослабление помощи американского государства в осуществлении их планов (тем более если американское государство начнет притеснять эти компании) способно сильно ослабить и мощь этих глобальных групп. И это одна из главных причин того, что борьба за президентство в США сегодня столь остра. Демократы обычно более склоняются к глобалистам, чем республиканцы, которые больше тяготеют к националистам и консерваторам.

Классическая революция возникает обычно в результате формирования кризисной ситуации вследствие проигранной войны, перенапряжения финансов и финансового кризиса правительства, ухудшения материального положения части или всего населения, превышения уровня несправедливости и т. п. [см., например: Скочпол 2017; Sanderson 2016]. Вспомним Великую французскую революцию, причиной которой стал жесточайший финансовый кризис, русские революции, которые возникли в результате проигранных войн. Но в США главный мотор движения к революционной ситуации связан с глубоким расколом элит. И здесь события развиваются по сценарию древнегреческих полисов, где было много революций, так как почти в каждом полисе постоянно враждовали демократы и аристократы, время от времени какая-то партия побеждала, тогда представители другой партии нередко покидали город и основывали новые колонии.

Революционная ситуация в целом свидетельствует о жестком расколе населения (всего населения, а не только элит) по политическим, идеологическим и другим убеждениям. Однако в США идет раскол не по классическому сценарию, когда недовольные (народные массы и часть среднего класса) составляли основную массу населения, поэтому общество разделялось на большинство и относительно небольшое меньшинство. Именно относительная малочисленность сторонников старого режима во многих революциях и обеспечивала первичный успех революций². В США же раскол идет по идеологическому принципу (который в значительной степени еще коррелирует с расовой принадлежностью и признаком коренных-некоренных жителей, а также приверженностью религии): общество можно условно разделить на консерваторов, в том числе и бедных, которые считают, что либералы (синоним левых в США) довели страну до плачевного состояния; и демократов, которые считают, что надо поощрять всякие меньшинства. И раскол этот, как свидетельствуют выборы, разделил страну по количеству населения практически пополам (но число штатов у красных-республиканцев и синих-демократов, конечно, различается, так как штаты очень сильно различаются по числу жителей) [Сабитова и др. 2016]. Собственно, и Гражданская война в США

---

² Но впоследствии в результате эксцессов революции к этому меньшинству начинали при-
мыкать колеблющиеся сторонники революции.

в 1861 г. также расколола страну пополам (если рассматривать по числу штатов; по количеству населения северян было существенно больше, хотя и сочувствующих южанам на Севере было немало). Интересно отметить, что это деление во многом сохраняется (то есть потомки южан голосуют за Трампа и республиканцев, а потомки северян – за демократов). Большинство южных и многие западные штаты – за Трампа. Конечно, есть изменения, которые связаны с заселением Запада (в 1861 г. он был практически не заселен) и тем, что в последние семьдесят лет возникли иммигрантские штаты. Но, напомним, на более глубоком уровне идет борьба между элитами, больше поддерживающими национальные аспекты развития и национальный капитал, и элитами, склонными к поддержанию глобальных интересов финансового капитала и различных сил, связанных с ним или находящихся у него на содержании.

Отметим еще несколько имеющих место в Америке моментов, которые характерны как для периода нарастания революции, так и для формирования революционной идеологии, а также ритуалов, которые возникают уже в ходе революции. В США, как уже говорилось, из-за существенных особенностей все перемешалось, некоторые моменты опережают общее развитие событий.

На что следует обратить внимание:

- Рост социалистических настроений, которые пока крепнут не только за счет собственно левого и социалистического крена ряда политиков (и общего сдвига влево), их программ и риторики, но и благодаря активной деятельности ветвей власти. Коронавирус и последующая раздача денег, собственно, резко усилили левый тренд в обществе. Он все заметнее будет овладевать массами. При этом попытки свернуть с этого пути будут восприниматься значительной частью населения как недопустимые. Таким образом, наряду с расколом общества по вопросам толерантности к ЛГБТ, цветным, иммигрантам, отношению к религии, абортам и прочему, что не является судьбоносным для большинства людей, будет усиливаться раскол по отношению к социалистическим требованиям. А это, если не будет постоянного и все возрастающего роста национального долга, может привести к обострению проблемы налогов. Если не будет напечатанных денег, то требования «раскулачить» богатых, тот самый 1 % (а это прежде всего глобалисты-финансисты), о котором все время говорят, станут звучать все чаще³. А постоянный рост долга, если ФРС будет его скупать, чреват ростом инфляции.

- Подрыв авторитета властей. Конечно, в США никого не удивишь критикой президента, на этом основана американская политика, но процесс в последнее

---

³ Можно напомнить, что в древних Афинах граждане не платили налоги, но там имели место так называемые литургии, то есть обязанность богатых членов полиса платить за какие-либо общие дела, обычно празднества или военные нужды, или на свои средства что-либо делать: чинить и строить корабли, что-то ремонтировать и т. п. После поражения от Спарты в IV в. до н. э. Афины обеднели, в результате необходимость финансировать литургии усиливалась, так что богатые все больше жаловались на эту обязанность. Причем был введен институт особых шпионов (сикофантов), которые доносили, если кто-то пытался приbedниться или уклониться от литургий. Существуют опасения, что когда-нибудь налоговое и иное бремя на богатых (например, меценатство и пожертвования) в США резко возрастет. Хотя сегодня они и сами, пока их гигантские состояния поддерживают усилия ФРС, иногда выступают с такими заявлениями.

время усугубился. Спецслужбы замараны и стали откровенно ангажированными. Американские военные грозят неповиновением президенту (недавно прозвучали заявления, что армию нельзя использовать для ликвидации беспорядков). И, наконец, последние требования прекратить финансирование полиции, роспуск полицейского департамента в Миннеаполисе и тому подобное – все это тревожные звоночки. Вообще в последних лозунгах протестующих, которые активно подхватили демократы и левые, очень явно проступают анархистские мотивы. Это обычно характерно для уже побеждающей революции (но в США все идет собственным путем, хотя в известной мере черные и побеждают). Массы наступают под лозунгом «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...». Что бывает затем, всем известно. Но стремление ломать все старые институты, которые охраняют общество, часто захватывает и интеллигенцию, которая потом первая начинает жаловаться на революционные эксцессы.

- Резкая смена поведения представителей элиты происходит во время революционной волны, когда элита все заметнее сочувствует угнетенным, ощущает свою вину за праздную и несправедливую жизнь, начинает рассматривать революционеров (среди которых масса всевозможных темных личностей) как героев, выражает солидарность с протестующими. Это явный признак утраты элитами инстинкта самосохранения, о котором сказано в Приложении к статье. Поскольку в США волну нагоняет оппозиционная элита, это очень заметно по риторике СМИ и тех политиков, которые стремятся либо приспособиться к волне, либо избежать критики.

- Связанное с вышесказанным распространение революционных ритуалов и принуждение к революционным формам поведения. После февраля 1917 г., например, некоторые члены царской семьи надели красные банты. В Советской России и позже в СССР, а также в нацистской Германии (где, по сути, также произошла революция, но только власть была захвачена мирным путем) были распространены принуждения к различным формам революционных приветствий и ритуалов, а также самокритика, разоружение перед революцией, пролетариатом, партией, фюрером и т. п. В США вставание на колени, в том числе политиков и полиции, стало массовым, как и ритуальное осуждение «глупого» расизма, а также всякого рода присяги мертвым героям (кстати, Украина – очень хороший пример принуждения к революционным ритуалам типа «Героям слава!»). Вызвала бурную реакцию и информация о том, что в Америке белые полицейские омыли ноги чернокожим пасторам и покаялись за расизм. Вспомним, что и на Майдане полицейских ставили на колени, чтобы они калялись. Отметим, что снос памятников и усиление цензуры – это весьма распространенные ритуалы и революционного подъема. В США это стало частью гибридной войны. Налицо также усиление цензуры (которая по факту давно введена), борьба с инакомыслием, жесткие репрессии против любого человека (бизнесмена, спортсмена, актера), если он говорит то, что не нужно, по мнению контролирующих органов, а также идеологизация общественной жизни.

- Действия черных и белых радикалов в США сегодня напоминают поведение хунвейбинов, которых власть натравливала на социально чуждые элементы

и которые, кстати, также заставляли профессоров просить прощения на коленях за идеологические ошибки. И эта знаменитая «культурная революция» также была вызвана отчасти борьбой внутри правящей элиты в коммунистическом Китае в начале 1960-х гг. Отношение к темнокожим и всепрощенчество также во многом напоминают нам перевоспитание хулиганов в СССР, выходки которых объяснялись трудным детством и тем, что коллектив не проявил к ним внимания.

Словом, в США наблюдается довольно много признаков и черт, характерных для революционного подъема.

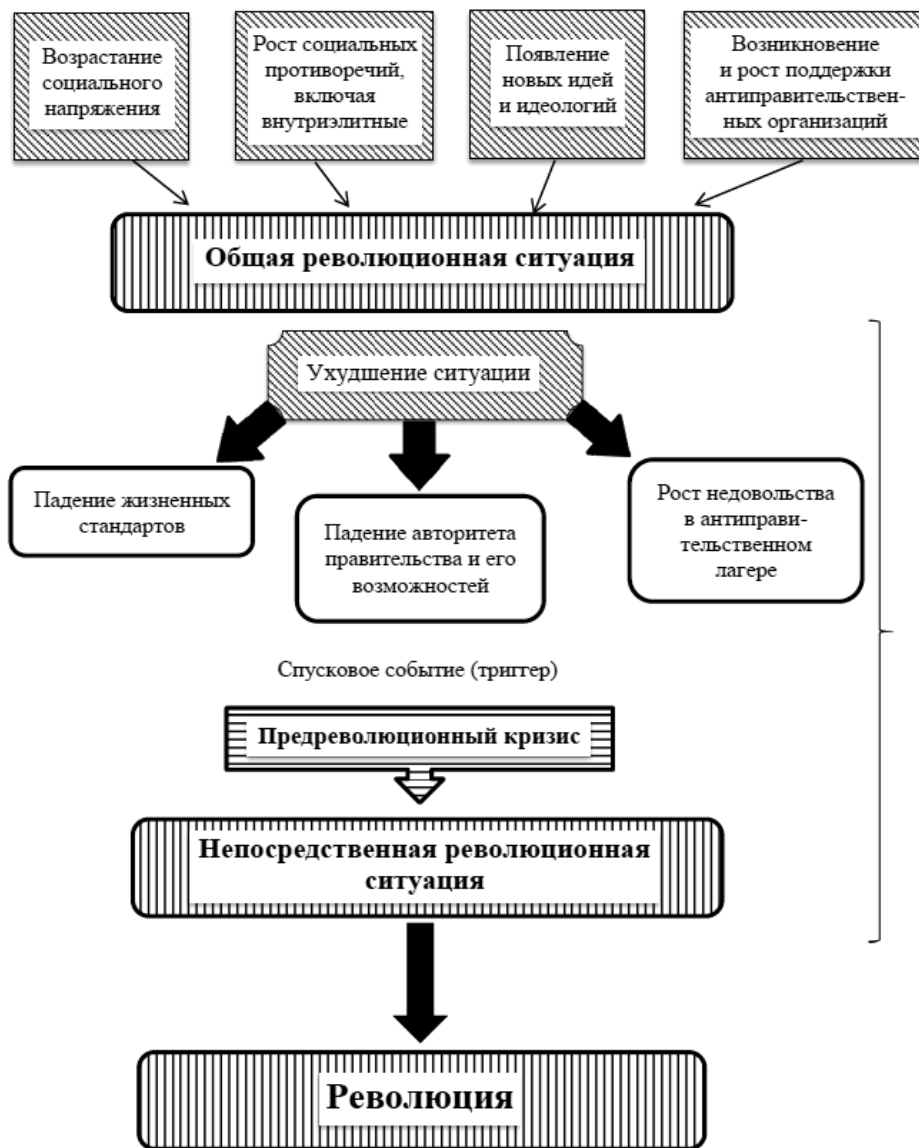
Теперь обратимся к описанию того, что можно назвать революционной ситуацией. В теории здесь далеко не все просто, но для облегчения восприятия мы приводим собственную схему, показывающую определенный путь от роста недовольства и проблем к революции. Если вы посмотрите на схему, то увидите, что путь до революции не такой быстрый. Сначала под влиянием различных указанных противоречий и факторов (см. схему на рис. ниже) должна сложиться общая революционная ситуация, в результате которой создается ситуация устойчивого раскола общества и стремления одной ее части изменить ситуацию в свою пользу тем или иным путем, причем не обязательно легитимным.

Такая ситуация может существовать довольно долго, то обостряясь, то затухая. Но в какой-то момент ухудшение обстановки ведет к возникновению предкризисной ситуации, в процессе которой то или иное событие может вызвать лавину (триггерное событие), тогда возникает непосредственная революционная ситуация, от которой путь к революции уже, несомненно, ближе.

Одними из условий для возникновения непосредственной революционной ситуации являются: 1) негибкость (неуступчивость) поведения правящей элиты как фактор, в итоге ведущий к революционной дестабилизации. В данном случае элита США пока ведет себя достаточно гибко; 2) режим должен терять авторитет и быть недостаточно репрессивным, опасаться репрессий. А у протестующих такое поведение власти, напротив, вызывает чувство победы, ощущение вседозволенности, отсутствие страха. И в результате революционное движение может резко усилиться. Данная черта в последних протестах проявилась очень ярко. Республиканцы боятся репрессий и жесткого подавления бунтов (а там, где такие попытки предпринимаются, они оказываются неэффективными). Демократы же и вовсе явно выступают против этого. «Понять, простить и каяться» – вот их слоган.

Для формирования непосредственной революционной ситуации, то есть накопления горючего материала в обществе в большом количестве, нужно, чтобы «из искры возгорелось пламя». Иными словами, требуется эта самая «искра», триггер, то есть повод, причина, случай, который разжигает недовольство. При накоплении недовольства неудивительно, что им может стать почти любое событие. Но тем не менее такой триггер не всегда появляется в нужное время и в нужном месте. Вот почему революционеры нередко прибегают к провокациям, чтобы создать повод для протестов.

Рис.

По нашему мнению, после прихода к власти Д. Трампа в США настолько обострились внутриэлитные противоречия, что страна довольно быстро приближается к вступлению в стадию общей революционной ситуации, что означает уже постоянный раскол общества, постоянную его поляризацию с «перетягиванием одеяла». Если Трамп пойдет на второй срок, можно считать, что страна вступила в общую революционную ситуацию, в процессе которой она начнет приближаться к предреволюционному кризису. Если Трамп проиграет, то противоречия внутри элиты перестанут принимать столь острые формы, поскольку, по нашему

мнению, республиканцы не способны так наступать на оппонентов по всем фронтам, как демократы (с подачи глобалистов).

В последнее время обозначился механизм, с помощью которого можно пытаться оспорить выборы и значительно затянуть оглашение окончательных результатов. Это так называемое голосование по почте, к которому из-за пандемии предлагают присоединиться многим миллионам людей (условно, в целях личной безопасности). В результате сторонники демократов, которые выступают за этот способ, уже говорят о том, что объявление результатов выборов 4 ноября 2020 г. на следующее утро или даже через день невозможно, а следует говорить об «избирательном месяце», чтобы посчитать все бюллетени. А с учетом того, что результаты можно оспаривать в каждом штате, процесс может затянуться надолго. И вот это состояние неясности вполне может спровоцировать тот триггер, о котором сказано выше и который может подтолкнуть страну к революционной ситуации.

Как мы уже говорили, в США внутренняя борьба приняла характер гибридной гражданской войны: это будет ослаблять страну, делать ее внешнюю политику все большей заложницей внутривнутриполитической борьбы.

Таким образом, в США имеются важные условия для формирования революционной ситуации, и далее ситуация будет, по-видимому, усугубляться. Чем больше американцев будут сочувствовать «обездоленным» и «обиженным» меньшинствам, тем легче будет «расшатать» порядок. В то же время тем больше будет кровавых эксцессов, поскольку значительная часть людей не намерена жертвовать своей собственностью в угоду погромщикам.

Однако в современной теории революций есть убеждение, что в развитой демократической стране (тем более с высоким уровнем жизни) революций произойти не может, так как острые вопросы могут решаться законным путем и при помощи выборов. Действительно, в подобных странах революций не было. Однако в них наблюдались движения революционного типа, в 1968 г.⁴, в 2019 г. во Франции и Гонконге, а также имелись и национальные (национально-конфессиональные): в Северной Ирландии, части Великобритании. Но отметим, что ни в одной из развитых стран не наблюдалось такого раскола элит, как в США. Поэтому революция при резком ухудшении материального положения в стране возможна. Пока эти проблемы решаются с помощью денег, долговых и напечатанных. Однако цветное население как революционный авангард будет время от времени поднимать протестную волну, которой, по-видимому, оппозиционная элита будет все активнее пользоваться, разрушая институты общества.

* * *

Итак, резко усилившийся раскол американской элиты представляет сегодня важнейшую черту американской действительности. И если этот раскол будет усиливаться, то Америку ждут серьезные испытания и кризисы. В обществе все больше людей ощущают приближение какого-то сильного кризиса. В таких ситуациях американцы традиционно увеличивают закупки оружия для личной без-

---

⁴ В отличие от Франции, где не было очевидных поводов для волнений, в США протесты 1960-х гг. совпали с недовольством войной во Вьетнаме и убийством Мартина Лютера Кинга.

опасности. В условиях увеличения опасности уличных погромов полки оружейных магазинов в буквальном смысле опустели, возник дефицит оружия, а места в тирах и на стрельбищах расписаны на месяцы вперед. При этом очень характерно, что 80 % покупателей – те, кто ранее не имел оружия.

Ощущение надвигающихся столкновений, возможности насильственного решения вопроса о власти открыто обсуждается в печати. В таком случае недалеко до самосбывающегося пророчества. «Демократы открыто заговорили о том, чтобы устроить в США государственный переворот», – пишет, например, Майкл Энтон [2020]. В связи с его статьей стоит указать на еще один очень важный момент. Для победы революции крайне важна позиция армии (полиции и других силовых структур [см., например: Голдстоун 2015]). Полицию в США сегодня буквально загнали в угол, многие боятся применять силу против погромщиков, и это явно на руку последним. Что касается армии, то ее поддержка откровенно антигосударственных действий пока выглядит маловероятной (хотя тот же Энтон [2020] на это не просто намекает, а вполне конкретно анализирует данный вопрос). Однако вполне вероятно, что армия откажется участвовать в подавлении беспорядков. Она для этого действительно привлекалась крайне редко, обычно беспорядки подавляли с помощью Национальной гвардии. Но всегда ли она будет верна президенту?

Главный вопрос любой революции – вопрос о власти [Ленин 1969: 145]. В США вопрос о власти весьма слабо прикрывается идеологическим флером, и на данный момент он стоит исключительно остро. Отметим, что любая смена власти, даже самая легитимная, неважно, в монархическом или демократическом устройстве, неизбежно ведет к более или менее заметным сбоям в функционировании административно-политической машины. Смена же власти путем революции означает значительно более резкий сбой в работе системы, часто с непредсказуемыми последствиями. Вот почему в целом революции всегда были очень разрушительным и затратным способом социального прогресса. Процесс передачи власти в конце 2020 – начале 2021 г. в США едва ли будет мягким. А это значит, что политическая машина Америки серьезно деформирована, соответственно, цена вопроса передачи власти для общества будет высокой.

И поскольку демократическо-либеральная часть элиты во многом представляет глобалистов и так называемых фининтерн, а республиканско-консервативная часть – антиглобалистов, то перипетии этой борьбы будут отзываться во всех странах, разрушая старый порядок на всех уровнях. А в условиях нового порядка прежней гегемонии США уже явно не будет.

Приложение

Утрата элитой чувства самосохранения

Говоря о современных событиях в Америке, также можно сделать вывод, что нынешние элиты в США теряют чувство самосохранения. Это случается время от времени в определенные сложные периоды, в том числе и на начальных фазах

революции⁵. Элиты не просто оказываются не готовыми к тому, чтобы сплотиться перед лицом надвигающейся угрозы народных волнений и поддержать неустойчивую власть, которая, несмотря на все ее недостатки и пороки, им гораздо ближе. Они и сами либо фрондируют этой власти, либо прямо агитируют против нее, приветствуя революционеров и надвигающуюся революцию, а то и непосредственно в ней участвуют. Прозрение наступает только уже в ходе революции, особенно когда революционная ломка охватывает широкие слои населения и различные институты и для такой ломки привлекается террор, порой и после революции. Так, в феврале – марте 1917 г. все командующие фронтами поддержали революцию в Петрограде, и ни один из них не поддержал императора и главнокомандующего Николая II: напротив, все рекомендовали ему отречься от престола. И только позже они поняли, что революция, с которой они почему-то связывали надежды на активизацию военных действий, ведет Россию к военному поражению и катастрофе.

В 1991 и 1992 гг. лидеры Коммунистической партии СССР и новорожденной КПРФ с легкостью дали разрушить и СССР, и КПСС. В 1993 г. во время противостояния президента и Верховного Совета многие из них за это поплатились.

Однако такая потеря воли к власти и чувства самосохранения характерна не только для России, но и для многих других революционных эпох.

В мае 1789 г. в Париже собрались Генеральные штаты. Выборы происходили по сословному признаку. Однако в итоге очень многие делегаты от дворянства и духовенства присоединились к делегатам третьего сословия, чтобы составить революционное Учредительное собрание, которое своими декретами и начало, по сути, Великую французскую революцию. А ведь дворянство и духовенство во Франции пользовались исключительными льготами⁶.

Отметим, что инстинкт самосохранения, потеря чувства необходимости бороться за власть, за сохранение своих позиций могут утрачиваться и в другие переломные эпохи. Так, поразительно беспомощными и не готовыми ничем жертвовать ради страны выглядели французские военачальники в 1939–1940 гг., сдавшие Францию врагу уже после первого поражения. Это удивительное (после столь мощной активности в Первую мировую войну) малодушие, впрочем, стало заметно уже с середины 1930-х гг., когда Франция сдавала одну свою позицию за другой поднимающейся, но еще достаточно слабой Германии.

Почему происходит такая потеря чувства самосохранения? Этот вопрос требует изучения [о некоторых причинах см. подробнее: Гринин 2017б].

Что касается США, то, по нашему мнению, американская элита после крушения СССР стала терять чувство меры. В результате резко усилилось представле-

---

⁵ С. Хантингтон [2004: 278] также отмечает утрату «прежней элитой воли к власти и способности управлять» перед революцией. Но бывают ситуации, когда элита теряет именно инстинкт самосохранения. К этому также может добавляться стремление подражать более развитым обществам, вводя учреждения и институты, которые не соответствуют интересам элиты и к которым общество не готово. Введение демократических институтов, в результате чего элита может потерять свою власть, – нередкий случай. На нашей памяти это произошло в период правления М. С. Горбачева, при этом никакой особой нужды для такого крутого поворота к демократии не было.

⁶ Характерно, что король все-таки приказал лейб-гвардии разогнать непослушных депутатов, но когда гвардейцы пытались войти в зал «Малых забав», где те собрались, дорогу им со шпагами в руках преградили маркиз де Лафайет и еще несколько оставшихся знатных дворян.

ние о вседозволенности, о том, что американская держава настолько велика и могуча, что допустимо все. Во-первых, допустимо все в отношении других стран. Здесь стоит вспомнить мысль Джавахарлала Неру, который писал: «В истории наций наблюдается три стадии: успех, последствия успеха – высокомерие и несправедливость, а затем уже, как их следствие, – падение» [Неру 1977: 90]. Высокомерия и, добавим, вместе с тем полного невежества многих людей на высоких постах в отношении других стран сейчас в США хоть отбавляй. Санкции сыплются как из рога изобилия, звучат абсолютно бездоказательные обвинения, одно абсурднее другого.

Во-вторых, развитие идет в направлении, предполагающем, что ради власти и своих интересов допустимо все и внутри собственной страны. Как известно, Соединенные Штаты разработали и отточили технологии «цветных революций» в других странах. Теперь, когда на кону главный приз, – президентская власть, эти технологии стали использоваться и внутри самих США. Вместе с тем для победы используется технология разрушения экономики, сродни тому, что происходит в период горячей гражданской войны. Чувство меры и самосохранения окончательно покидает американские элиты.

Литература

Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 58–103.

Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

Гринин Л. Е. Революция в России и трансформация Мир-Системы // Век глобализации. 2017а. № 3. С. 97–112.

Гринин Л. Е. Революции. Взгляд на пятисотлетний тренд // Историческая психология и социология истории. 2017б. № 2. С. 5–42.

Гринин Л. Е. Революции, исторический процесс и глобализация // Век глобализации. 2018. № 4. С. 16–29.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Восток и социальная эволюция (в печати) // Полис. 2020. № 5.

Ленин В. И. О двоевластии / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 31. М. : Полит-издат, 1969. С. 145–148.

Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. М. : Политиздат, 1981. С. 1–104.

Неру Дж. Взгляд на всемирную историю: в 3 т. М. : Прогресс, 1977.

Сабитова А., Тихонов Д., Токарева А. «Мы будем учитывать интересы и других стран» [Электронный ресурс] : Коммерсант. 2016. 8 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3135943>.

Скочпол Т. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая М. : Ин-т Гайдара, 2017.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004.

Энтон М. The American Mind (США): грядущий переворот? [Электронный ресурс] : ИноСМИ. 2020. 6 сентября. URL: <https://inosmi.ru/politic/20200906/248068723.html> (дата обращения: 10.09.2020).

Beck C. J. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention // *Social Science History*. 2011. No. 35(2). Pp. 167–207.

Davies J. C. Toward a Theory of Revolution // *American Sociological Review*. 1962. No. 27(1). Pp. 5–19.

Davies J. C. Toward a Theory of Revolution // *Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective* / ed. by B. McLaughlin. New York, NY : Free Press, 1969. Pp. 85–108.

Goldstone J. A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley : University of California Press, 1991.

Gurr T. A Causal Model of Civil Strife: a Comparative Analysis Using New Indices // *American Political Science Review*. 1968. No. 62(04). Pp. 1104–1124.

Gurr T. *Why Men Rebel*. Abingdon-on-Thames : Routledge, 2015.

Halliday F. *Revolution and World Politics*. Durham : Duke University Press, 1999.

Mitchell C. *Religion, Identity and Politics in Northern Ireland*. Farnham : Ashgate Publishing, 2006.

Mitchell L. A. *The Color Revolutions*. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2012.

Sanderson S. K. *Revolutions. A Worldwide Introduction to Social and Political Contention*. 2nd ed. London : Routledge, 2016.

Tilly C. *Revolutions and Collective Violence* // *Handbook of Political Science* / ed. by F. Greenstein, N. Polsby. Reading, MA : Addison-Wesley, 1975. Pp. 483–555.

Tilly C. *From Mobilization to Revolution*. Reading, MA : Addison-Wesley, 1978.

References

Goldstone J. K. *teorii revoljucii chetvertogo pokolenija* [Toward a Fourth Generation Revolution Theory] // *Logos*. 2006. No. 5. Pp. 58–103.

Goldstone J. *Revoljucii. Ochen' kratkoe vvedenie* [Revolutions. A Very Short Introduction]. Moscow : Gaidar Institute Publishing House, 2015.

Grinin L. E. *Revoljucija v Rossii i transformacija Mir-Sistemy* [The Revolution in Russia and the World-System's Transformation] // *Vek globalizatsii*. 2017a. No. 3. Pp. 97–112.

Grinin L. E. *Revoljucii. Vzglyad na pjatisotletnij trend* [Revolution. A Look at a Five Hundred Year Trend] // *Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii*. 2017b. No. 2. Pp. 5–42.

Grinin L. E. *Revoljucii, istoricheskij process i globalizacija* [Revolutions, Historical Process and Globalization] // *Vek globalizatsii*. 2018. No. 4. Pp. 16–29.

Grinin L. E., Korotaev A. V. *Vostok i social'naja jevoljucija* [East and the Social Evolution] // *Polis*. 2020. No. 5 (in Press).

Lenin V. I. *Detskaja bolezn' "levizny" v kommunizme* [Children's Disease of "Leftism" in Communism] // *Poln. sobr. soch.* [collected works]. 5th ed. Vol. 41. Moscow : Politizdat, 1981. Pp. 1–104.

Lenin V. I. O dvoevlastii [On Dual Power] / V. I. Lenin // Poln. sobr. soch. [collected works]. 5th ed. Vol. 31. Moscow : Politizdat, 1969. Pp. 145–148.

Nehru J. Vzgljad na vseмирnuju istoriju [Look at the World History]: in 3 vols. Moscow : Progress, 1977.

Sabitova A., Tihonov D., Tokareva A. My budem uchityvat' interesy i drugih stran [We Will Take into Account the Interests of Other Countries] : Kommersant. 2016. November 8. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3135943>.

Scopol T. Gosudarstva i social'nye revoljucii. Sravnitel'nyj analiz Francii, Rossii i Kitaja [States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China]. Moscow : Gaidar Institute, 2017.

Huntington S. Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah [Political Order in Changing Societies]. Moscow : Progress-Tradicija, 2004.

Anton M. The American Mind (SShA): grjadushhij perevorot? [The American Mind (USA): A Coming Coup?] : InoSmi. 2020. September 6. URL: <https://inosmi.ru/politic/20200906/248068723.html> (accessed: 10.09.2020).

Beck C. J. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention // Social Science History. 2011. No. 35(2). Pp. 167–207.

Davies J. C. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. 1962. No. 27(1). Pp. 5–19.

Davies J. C. 1969. Toward a Theory of Revolution // Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective / ed. by B. McLaughlin. New York, NY : Free Press. Pp. 85–108.

Goldstone J. A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley : University of California Press, 1991.

Gurr T. A Causal Model of Civil Strife: a Comparative Analysis Using New Indices // American Political Science Review. 1968. No. 62(04). Pp. 1104–1124.

Gurr T. Why Men Rebel. Abingdon-on-Thames : Routledge, 2015.

Halliday F. Revolution and World Politics. Durham : Duke University Press, 1999.

Mitchell C. Religion, Identity and Politics in Northern Ireland. Farnham : Ashgate Publishing, 2006.

Mitchell L. A. The Color Revolutions. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2012.

Sanderson S. K. Revolutions. A Worldwide Introduction to Social and Political Contention. 2nd ed. London : Routledge, 2016.

Tilly C. Revolutions and Collective Violence // Handbook of Political Science / ed. by F. Greenstein, N. Polsby. Reading, MA : Addison-Wesley, 1975. Pp. 483–555.

Tilly C. From Mobilization to Revolution. Reading, MA : Addison-Wesley, 1978.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

К ВОПРОСУ О ГЛОБАЛЬНОМ ГОРОДЕ КАК ИНСТРУМЕНТЕ УНИФИКАЦИИ МИРОВОГО ОБЩЕСТВА

Клепикова Л. В. *

Целью статьи является установить значение феномена глобального города для глобализации современных общественных процессов. Работа носит междисциплинарный характер, так как в ходе исследования используется подход, применяемый в социологических исследованиях, – перспектива повседневности, которая позволяет до определенной степени абстрагироваться от политической роли глобальных городов и взглянуть на них прежде всего как на органическую часть повседневной жизни современного индивида. Рассматривается проблема формирования новой идентичности в рамках глобального города, особый акцент делается на вопросе о том, насколько возможна социокультурная унификация в нынешних условиях. Автор предпринимает попытку проследить основные этапы конструирования нового типа глобальной идентичности и демонстрирует, что абсолютной нормой для социальных процессов глобального города являются постоянные межгрупповые конфликты, происходящие в рамках его культурно-информационного пространства. Вкладом данной работы в исследования по рассматриваемой проблематике является тезис об образовании и сосуществовании в современном мире сразу нескольких глобальных идентичностей, которые имеют равное значение для бытования глобального общества.

Ключевые слова: глобальный город, глобализация, общество, идентичность, информация, локация, миграция.

The objective of the present article is to define the importance of the Global City phenomenon for globalization of modern social processes. This study has an interdisciplinary character since we apply the approach from sociological studies – the everyday life approach which enables to somehow abstract from political role of Global Cities and to consider them as a natural part of the modern human's everyday life. We examine how a new identity is being created within the Global City's space and make emphasis on the extent to which sociocultural unification may be possible in contemporary environment. We try to observe the main phases of creation of the new identity and to show that permanent urban conflicts between diverse groups are normal for the information and cultural space of the Global City. This article contributes to the studies of the considered issue by the idea that in the modern world several types of global identities simultaneously emerge and co-exist and that they have the same influences on the global society existence.

---

* Клепикова Любовь Владимировна – к. ф. н., доцент Российского университета транспорта (МИИТ). E-mail: ledyavy2005@mail.ru.

Keywords: *global city, globalization, society, identity, information, location, migration.*

Глобальный город (Global city) – понятие, впервые использованное географом Саскией Сассен для обозначения всемирно значимого экономического центра. Позднее в другой своей работе она дополнила определение данного понятия, утверждая, что глобальный город – это связной пункт, где различные экономические и социальные тенденции сталкиваются и создают новые политические блоки [Sassen 2006]. Глобальный город подразумевает особую экономико-географическую перспективу, рисуемую глобализацией.

Утверждать, что процесс глобализации и глобальные города находятся в неразрывной связи, будет верно относительно не только экономического аспекта глобализации, но и ее социальных последствий, поскольку глобальные города, во-первых, являются пунктом притяжения для больших миграционных потоков, а во-вторых, представляют собой мощные генераторы глобальной информации.

В настоящее время жизнь общества проходит в глобализированной действительности, которую нельзя представить без глобальных СМИ, глобального рынка, глобальных политических организаций и глобальных городов. Глобальный город – неотъемлемый элемент современной жизни и глобального мира, поэтому его изучение представляет собой актуальную задачу для социальных наук.

В данной статье нас будет интересовать проблема того, в какой степени глобальные города воздействуют на общество и каким образом формируют его. Так как глобализация зачастую ассоциируется с общественной унификацией, мы попытаемся дать ответ на вопрос, является ли глобальный город социально унифицирующим инструментом. На первый взгляд, ответ очевиден, ведь любой город – это прежде всего локация, заключенная в четко обозначенные пространственные рамки. Город – это часть того или иного национального государства, следовательно, проживающий в них социум «обречен» на унификацию. Однако все не так однозначно.

Чтобы дать ответ на поставленный вопрос, во-первых, мы должны определиться, что означает глобальный город в современных реалиях и какими качествами он обладает; во-вторых, необходимо разобраться, какова природа социальных процессов, происходящих в глобальном городе; в-третьих, нужно понять, каким образом эти процессы воздействуют на мировое общество в целом.

Последствия глобализации и неоднозначное влияние, оказываемое ею на общество, давно стали одними из главных объектов изучения для исследователей в области социальной философии и социологии [Билалов 2009; Гидденс 2011; Ильин, Леонова 2015; Мазур, Чумаков; Appadurai 2005; Nederveen Pieterse 1994; Robertson 1996]. В этих исследованиях рассматривается двоякая сущность глобализационных процессов, которые, с одной стороны, провоцируют включенность всего мирового общества в единое культурное и политическое пространство, но, с другой стороны, эти же процессы провоцируют конфликты на глобальном уровне, которые ведут к общественной децентрализации на локальных уровнях. На этой почве возникают не только социальные, но и политические конфликты [Ильин, Леонова 2015]. Особое место в научной литературе занимает проблема культурного взаимодействия и существования идентичности в глобальном мире [Махатов 2017; Салихов 2011; Чумаков 2018].

Глобальный город также неоднократно становился объектом внимания со стороны социологов, культурологов и философов [Eade 1997; Hannerz 2000; Sassen 1996; Yildirim 2013; Махновский 2016], которые отмечали прежде всего его особые качества, связанные с экономическим, социальным, этническим и религиозным разнообразием населяющих его жителей. Этим исследователей интересовали главным образом критерии, по которым можно определить степень включенности города в мировые процессы. Другими словами, насколько тот или иной город может считаться глобальным.

В данной работе мы будем использовать так называемую перспективу повседневности, к которой часто прибегают в современных социально-философских, культурологических и социологических исследованиях [Neal 2013]. Она позволит нам взглянуть на глобальные социальные процессы с позиции их включенности в повседневную жизнь индивидов, которые одновременно и создают эти процессы, и испытывают на себе их воздействие. Кроме того, эта перспектива будет способствовать рассмотрению самого глобального города в качестве составного элемента современной повседневной жизни.

Изучая феномен глобального города, нельзя помещать его исключительно в географические рамки конкретного национального государства. Он стоит выше национальной перспективы благодаря перманентным экономико-культурно-политическим связям с другими географическими локациями, многие из которых находятся на огромных расстояниях от конкретного глобального города. Какими же качествами должен обладать город, чтобы иметь статус глобального или мирового?

Значительный вклад в определение мирового города внес шведский социальный антрополог Ульф Ханнерц. По его мнению, важнейшим атрибутивным признаком такого города, отличающим его от «не-мировых» городов, является его непосредственная включенность в отношения, которые схематично можно обозначить как «периферия – центр – периферия» [Hannerz 2000]. Иными словами, процессы, происходящие в разное время на разных периферийных окраинах, постепенно перемещаются в мировой город, где они взаимовлияют на формирование друг друга и осознаются как общемировые, а затем эти процессы, уже в видоизмененном «глобализированном» виде, вновь возвращаются к очагам своего возникновения.

Глобализация представляет собой совокупность «интеграционных и дезинтеграционных процессов планетарного масштаба в области экономики, политики и культуры» [Мазур, Чумаков]. Но интеграция и дезинтеграция этих процессов немыслима без их непосредственного столкновения. Финансовые, культурные и людские потоки, охватывающие весь современный мир, имеют тенденцию стекаться в мировые города. Попадая в пространственные рамки города, социально-информационные трансформации, вызванные этими потоками, обретают статус общемировых или глобальных. Здесь, на наш взгляд, кроется парадоксальность феномена глобального города, которая заключается в том, что в то время как сама глобализация интерпретируется как явление «суперлокального» (или «сверхлокального») уровня [Robertson 1996], этот уровень немыслим без конкретной локации, которая представлена глобальным городом.

Современная глобализация никогда не отменяла значимости места и локации, без которых было бы невозможно создание и распространение различных культурно-ценностных комплексов [Global... 2013]. Такими локациями стали глобальные города, чья телекоммуникационная инфраструктура и промышленные комплексы закономерно выводят пространство глобальных городов за пределы национальных государств. Глобальные города не просто находятся в центре глобализации – они возглавляют и направляют глобализационные процессы. В рамках глобальных городов, во-первых, создаются специальные услуги, которые предоставляются организациями, чьи штаб-квартиры, филиалы и представительства находятся далеко друг от друга в физическом пространстве (это заводы, офисы, крупные торговые центры, их филиалы и т. д.), во-вторых, создаются финансовые инновации и рынки, необходимые для интернационализации финансовой индустрии [Eade 1997]. Естественным образом для осуществления этих функций глобальный город нуждается в рабочей силе, что и ведет к активной миграции в такие города.

Социолог Энтони Гидденс писал, что глобализация прежде всего способствует метафорическому «растягиванию» пространства и границ [Гидденс 2011]. Если рассматривать глобализацию с этой точки зрения, то глобальный город – это явление, как нельзя лучше подтверждающее подобное представление. Доказательство этому – двойственная сущность глобального города. Он, с одной стороны, представляет собой статичную локальность. Связанные с ним немобильные атрибуты – такие как памятники архитектуры, штаб-квартиры мировых корпораций и политических партий – тоже закреплены на определенной локации. С другой стороны, любой глобальный город перманентно демонстрирует свою включенность в общемировые события. Решения, принятые на его физической территории, будут влиять на деятельность, осуществляемую далеко за его пределами. События, происходящие в глобальном городе, задают векторы развития для всей современной цивилизации. Ключевая и определяющая роль в формировании общемировых процессов позволяет ему находиться «повсюду», то есть на сверхлокальном уровне.

Если вышеупомянутые процессы транслируются через глобальный город, ведет ли это к унификации культурного, экономического и социального ландшафта по всему миру? Некоторые исследователи даже считают, что глобализация не только не унифицирует, но и благоприятствует развитию локализма [Nederveen Pieterse 1994: 5]. Находясь в непосредственном соседстве, отдельные индивиды и целые социальные группы скорее вступают в конфликт, нежели находясь в разных точках земного шара. Глобальный город – это наглядный пример того, как глобализация разворачивается на локальном уровне. Город мирового уровня невозможен без международной миграции. Он – место, где открыто сосуществуют конфликтующие и взаимоисключающие социальные группы, а также производимые ими мнения [Yildirim 2013: 11]. Ключевым словом здесь является «конфликтующие», потому что глобальный город не тождественен «интеграционной машине». Сосуществование далеко не всегда приводит к социальному слиянию, даже большую вероятность будут представлять социальные столкновения и фрагментация [Ibid.: 15].

Так как территориально глобальный город принадлежит национальному государству, на его физической территории всегда будут сильны требования к языковой и культурной ассимиляции. Однако в связи с глобальной природой этого города среди его постоянных резидентов будут не только граждане конкретного национального государства. Это превращает глобальные города в ключевые локации для создания так называемой «глобальной демократии» [Holston 2001]. Гражданин национального государства – это полноправный член сообщества определенной страны. При этом резидент глобального города также является участником всех процессов, происходящих внутри этого города, даже если резидент не располагает официальным гражданством данного государства. Городское пространство образует гетерогенную мозаику, внутри которой взаимодействуют индивиды. Таким образом, само восприятие того, кто является полноправным членом общества, а кто – нет, сильно трансформируется. Зачастую ситуация, когда резидент глобального города и гражданин, проживающий в этом городе, пользуются одинаковой степенью влияния на процессы внутри этого города, воспринимается как социально несправедливая, что приводит к конфликтам. Социальная жизнь в пространстве глобального города – это перманентно возобновляемая ситуация «повседневного сопротивления» (everyday resistance) [Hall 2015], когда одна или несколько групп вынуждены теми или иными способами оспаривать ситуацию неравенства, в которой они оказываются по отношению к остальной части городского населения. Постоянные столкновения и социальное недовольство являются атрибутивной составляющей городской повседневности, частью ее социального и политического развития.

Глобальный город – очень благоприятная почва для генерации разного рода конфликтов. Однако природа любого конфликта такова, что он не только разделяет, но и объединяет социальные группы на основе общности стремлений и взглядов [Nederveen Pieterse 1994: 7]. Глобальный город предоставляет индивиду больше возможностей для осознания себя в рамках двух и более идентичностей.

Складывание новой идентичности обеспечивается средствами массовой информации, культурными репрезентациями, повседневными ритуалами (парады, демонстрации) [Appadurai 2005: 5], создающими для индивида образы и категории для систематизации перманентно меняющегося глобального мира. При этом индивид с разветвленной идентичностью не останется одиноким, так как пребывание в рамках глобального города провоцирует его «транслировать» свою идентичность в окружающую социальную среду. Глобальный город способствует быстрому формированию новых социальных групп, объединенных общим восприятием окружающей их глобализированной реальности. В то же время город предоставляет группе социальные и информационные рычаги для того, чтобы она преобразовалась в структурированную организацию, действующую на сверхлокальном уровне (в пример можно привести политические партии или социальные объединения). Процесс складывания «глобальной» идентичности можно разделить на три этапа, которые переключаются со схемой У. Ханнерца «периферия – центр – периферия».

Сначала социокультурный материал для формирования идентичности попадает в мировой город (центр) с периферий, создавая в нем ситуацию поликультурности. Необходимо отметить, что культурное разнообразие всегда является

отличительным признаком пространства мирового города [Stock 2013: 14]. Его ландшафт представляет собой пестрый коллаж из различных этнических культур, будь то ресторан национальной кухни, музейная выставка или концерт экзотической музыки. Это связано с тем, что этничность была и остается важным ресурсом позднекапиталистического товарного накопления [*Ibid.*: 17]. Экономически окрашенное культурное разнообразие делает город глобальным, придавая ему этническую гетерогенность. Непроизвольно житель такого города оказывается в роли квазитуриста, который «путешествует» и познает культуры без пространственного перемещения на большие расстояния. Но, в отличие от туриста, который всегда останется пассивным наблюдателем, резидент этого города органично включен в процесс умножения и смешивания культур.

Затем материал, прошедший культурно-информационную обработку в рамках городского пространства и ставший его органической частью, становится культурной деталью (набором культурных деталей), из которых любой индивид может конструировать свою идентичность.

После того как идентичность сформировалась в урбанистическом пространстве, ее образ будет распространен за пределы глобального города. Именно в пределах глобальных городов закладываются основы и главные механизмы работы современного глобализованного социума.

Особенность глобальных идентичностей, возникших в условиях мирового города, заключается в том, что индивидам, которые впоследствии примыкают к группе, созданной на основе той или иной идентичности, необязательно физически находиться на территории города. Новая групповая идентичность будет распространяться через СМИ и другие средства связи (например, социальные сети), а доступ к ним возможен из большинства точек земного шара. Но глобальный город является важным составным звеном этой цепи. Без «обработки» в пределах его социально-информационного пространства идентичность не сможет обрести статус глобальной.

На этом основании можно утверждать, что в глобальном городе закладываются основы построения идентичности человека эпохи глобализации. При этом было бы неверно говорить о создании некой стандартной, универсальной идентичности. Конфликты, побуждающие индивидов к объединению в группы, и взаимопереплетение разных идентичностей генерируют очень разные образы идентичности, которые равным образом будут транслированы на глобальном уровне.

Очень важно не упускать из виду важный аспект, что глобальный город – это не только физическая локация. Это перманентно конструируемый культурный продукт, который представляет собой предмет массового потребления. Также необходимо иметь в виду, что этот культурный продукт оказывает непосредственное влияние на то, что называется глобальным обществом. В свою очередь, общество постоянно воздействует на идентичности, возникающие в пределах глобального города, благодаря чему глобальные идентичности имеют динамичную природу.

В заключение мы можем сделать вывод, что, во-первых, глобальные города представляют собой ключевые звенья в цепи складывания идентичности человека эпохи глобализации. Во-вторых, пространство города является своего рода механизмом генерирования новых образов идентичности. В-третьих, социальное про-

странство города состоит из разных социальных групп, перманентно вступающих в разнообразные конфликты, и именно конфликты обеспечивают формирование одновременно нескольких идентичностей. В-четвертых, информационное пространство глобального города распространяет эти идентичности далеко за пределы данного города, и таким образом сразу несколько идентичностей становятся глобальными.

Глобальный город является не просто продуктом глобализации, он – механизм, генерирующий глобализационные процессы в современной социальной сфере. Исследуя любые социальные и культурные процессы, протекающие в глобальных городах, всегда следует иметь в виду, что через некоторый временной промежуток эти процессы займут собственную нишу в информационном пространстве и станут определять жизнь всего мирового общества.

Литература

Билалов М. И. Глобализация культуры и этноса // Вестник ДГУ. Вып. № 5. Махачкала, 2009. С. 232–236.

Гидденс Э. Последствия современности. М. : Праксис, 2011.

Ильин И. В., Леонова О. Г. Тенденции развития глобализационных политических процессов // Век глобализации. № 1. М., 2015. С. 21–35.

Мазур И. И., Чумаков А. Н. Глобалистика [Электронный ресурс] : Глобалистика. URL: <https://www.globalistika.ru/globalistika-1-1-1> (дата обращения: 15.03.2020).

Махаматов Т. М. От эпохи глобализации к неоглобализации: культурно-цивилизационный аспект // Век глобализации. 2017. № 7. С. 55–61.

Махновский Д. М. Глобализация и развитие сети мировых городов // Век глобализации. 2016. № 3. С. 57–70.

Салихов Г. Г. Проблема идентичности в условиях глобализации // Век глобализации. 2011. № 1. С. 122–129.

Чумаков А. Н., Стычинский М. С. Культурно-цивилизационный диалог и его возможность в условиях глобального мира // Век глобализации. 2018. № 3. С. 3–14.

Appadurai A. *Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis : University of Minnesota Press, 2005.

Eade J. *Introduction // Living the Global City: Globalization as a Local Process*. New York; London : Routledge, 1997.

Global City Challenges: Debating a Concept, Improving the Practice / ed. by M. Acuto, W. Steele. New York : Palgrave, Macmillan, 2013.

Hall Suzanne M. *Migrant Urbanism Ordinary Cities and Everyday Resistance* // *Sociology*. 2015. Vol. 3. No. 5. Pp. 853–869.

Hannerz U. *Transnational Connections. Culture, People, Places*. London; New York : Routledge, 2000.

Holston J. *Urban Citizenship and Globalization // Global City Regions: Trends, Theory, Policy* / ed. by A. J. Scott. Oxford; New York : Oxford University Press, 2001. Pp. 325–348.

Neal S., Bennett K., Cochrane A. *Living Multiculture: Understanding the New Spatial and Social Relations of Ethnicity and Multiculture in England* // *Environment and Planning C: Government and Policy*. 2013. No. 31(2). Pp. 308–323.

Nederveen Pieterse J. Globalization as Hybridization // International Sociology. Sage Journals. 1994. June 1. Pp. 1–18.

Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities. London : SAGE Publications Ltd, 1996. Pp. 25–44.

Sassen S. Metropolen des Weltmarkts. Frankfurt am Main; New York : Campus, 1996.

Sassen S. The Global City: Strategic Site/New Frontier [Электронный ресурс] : Way-back Machine. 2006. October 18. URL: <http://www.india-seminar.com/2001/503/503%20saskia%20sassen.htm> (дата обращения: 14.03.2020).

Stock M. Der Geschmack der Gentrifizierung. Arabische Imbisse in Berlin. Bielefeld : Transcript Verlag, 2013.

Yildirim E. Die weltoffene Stadt: Wie Migration Globalisierung zum urbanen Alltag macht. Bielefeld : Transcript Verlag, 2013.

References

Bilalov M. I. Globalizatsiya kultury i etnosa [Globalization of Culture and Ethnos] // Vestnik DGU. 2009. No. 5. Pp. 232–236.

Giddens A. Posledstviya sovremennosti [The Consequences of Modernity]. Moscow : Praxis, 2011.

Il'in I. V., Leonova O. G. Tendetsii razvitiya globalizatsionnykh politicheskikh protsessov [The Trends of the Development of the Global Political Processes] // Vek globalizatsii. 2015. No. 7. Pp. 21–35.

Mazur I. I., Chumakov A. N. Globalistika [Global Studies]. URL: <https://www.globalistika.ru/globalistika-1-1-1> (accessed: 15.03.2020).

Makhmatov T. M. Ot epokhi globalizatsii k neoglobalizatsii: kulturno-tsivilizatsionnyy aspekt [From the Time of Globalization to Neoglobalisation: Cultural-Civilization Point] // Vek globalizatsii. 2017. No. 7. Pp. 55–61.

Maknovskiy D. M. Globalizatsiya i razvitie seti mirovykh gorodov [Globalization and the Development of the World Cities] // Vek globalizatsii. 2016. No. 3. Pp. 55–70.

Salikhov G. G. Problema identichnosti v usloviyakh globalizatsii [The Problem of the Identity in the Conditions of the Globalization] // Vek globalizatsii. 2011. No. 1. Pp. 122–129.

Chumakov A. N., Stychinskiy M. S. Kulturno-tsivilizatsionnyy dialog v usloviyakh globalnogo mira [Cultural Dialogue in the Global World] // Vek globalizatsii. 2018. No. 3. Pp. 3–14.

Appadurai A. Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis : University of Minnesota Press, 2005.

Eade J. Introduction // Living the Global City: Globalization as a Local Process. New York; London : Routledge, 1997.

Global City Challenges: Debating a Concept, Improving the Practice / ed. by M. Acuto, W. Steele. New York : Palgrave, Macmillan, 2013.

Hall S. M. Migrant Urbanism Ordinary Cities and Everyday Resistance // Sociology. 2015. Vol. 3. No. 5. Pp. 853–869.

Hannerz U. Transnational Connections. Culture, People, Places. London; New York : Routledge, 2000.

Holston J. *Urban Citizenship and Globalization // Global City-Regions: Trends, Theory, Policy* / ed. by A. J. Scott. Oxford; New York : Oxford University Press, 2001. Pp. 325–348.

Neal S., Bennett K., Cochrane A. *Living Multiculture: Understanding the New Spatial and Social Relations of Ethnicity and Multiculture in England // Environment and Planning C: Government and Policy*. 2013. No. 31(2). Pp. 308–323.

Nederveen Pieterse J. *Globalization as Hybridization // International Sociology*. Sage Journals. 1994. June 1. Pp. 1–18.

Robertson R. *Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities*. London : SAGE Publications Ltd, 1996. P. 25–44.

Sassen S. *Metropolen des Weltmarkts*. Frankfurt a/M.; New York : Campus, 1996.

Sassen S. *The Global City: Strategic Site/New Frontier* : Wayback Machine. 2006. October 18. URL: <http://www.india-seminar.com/2001/503/503%20saskia%20sassen.htm> (accessed: 14.03.2020).

Stock M. *Der Geschmack der Gentrifizierung. Arabische Imbisse in Berlin*. Bielefeld : Transcript Verlag, 2013.

Yildirim E. *Die Weltoffene Stadt: Wie Migration Globalisierung zum Urbanen Alltag Macht*. Bielefeld : Transcript Verlag, 2013.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦИФРОВЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ РИСКОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Бурьянов М. С.*

В статье содержатся постановка и некоторые подходы к решению проблем, связанных с внедрением глобальных цифровых технологий. Рассмотрены глобальные процессы и их влияние на эволюцию права и государственности. Анализируются правовые аспекты цифровизации права на международном и внутригосударственном уровнях. Делается вывод о необходимости теоретико-правовой разработки и правового закрепления глобальных цифровых прав человека.

Ключевые слова: глобальные процессы, глобальные проблемы, устойчивое развитие, глобальное право, глобальные цифровые права человека.

In the present article the author sets the problems and defines some approaches to their solving connected with introduction of global digital technologies. The global processes and their impact on the evolution of law and statehood are considered. The legal aspects of digitalization of law are analyzed at the international and domestic levels. The conclusion is made on the necessity of theoretical and legal development and legal consolidation of global digital human rights.

Keywords: global processes, global problems, sustainable development, global law, global digital human rights.

Мы живем в новую эпоху, именуемую антропоценом, для которой характерно сильнейшее влияние человека на естественную экосистему Земли посредством индустриализации, колонизации, сжигания горючих ископаемых... Среди знаковых следствий этих влияний можно выделить таяние ледников, вымирание видов, изменение климата, истощение ресурсов, загрязнения и др. Говоря о глобальных проблемах, чаще всего имеют в виду изменение климата и прочие вытекающие из него последствия, губительно влияющие на планетарную экосистему. Но в этом исследовании мы взглянем на глобальные проблемы более системно, отслеживая те глобальные подсистемы, которые привели непосредственно к имеющимся планетарным рискам.

В условиях противоречивого развития глобальных процессов [Buryanov 2018] и отнюдь не однозначной новой глобальной промышленной революции обостряется актуальность теоретико-правового исследования метаморфоз публично-правовых институтов и цифровизации права.

Сегодня цифровые технологии внедряются во все большее количество систем общественных отношений. Но если эти системы являются старыми и неэффективными, то цифровизацией мы лишь негативно усилим их работу. Скорее всего,

---

* Бурьянов Максим Сергеевич – юрист, эксперт Global Shapers Community Moscow, Молодежный посланник Целей устойчивого развития России. E-mail: maksim.burianov@yandex.ru.

за счет «цифровой оболочки» старых иерархических и централизованных форм управления мы не приходим к позитивному будущему, а обрекаем себя на погибель. А ведь мы хотим, чтобы новые технологии помогали и расширяли возможности каждого человека. В реальности в каждую технологию встроены определенные ценности, которые вложены в них с появления первоначальной идеи. Это нужно учитывать, проводя цифровую политику и внедряя ноу-хау без должных на то оснований и без оценки рисков.

По словам Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша, нам необходимо обратить внимание на темную сторону цифровизации, ведь новые технологии развиваются до такой степени стремительно, что мы не успеваем не только отреагировать на них, но даже иногда осознать их сущность и ту агентность, которую они в себе заключают. Помимо того, что цифровые технологии и искусственный интеллект несут колоссальные преимущества, они становятся инструментом тотального контроля, вмешательства в частную жизнь, подстрекательства, распространения ложной информации, эксплуатации людей, а также совершения правонарушений. Крайне серьезной проблемой является перспектива использования роботизированных автономных систем в военных целях.

«Слепая» цифровизация силовых институтов государств способна нивелировать модели прав человека на корню, реализовав в обществе модель паноптикума [Фуко 2002], «всевидящего ока» на государственном уровне, придавая социальной реальности качества прозрачности, но при этом деля сама власть невидимой за счет цифровизации и жесткой властной иерархии. Милитаризация киберпространства в совокупности с боевыми дронами [Scharge 2018] на технологиях Интернета вещей и искусственного интеллекта несет перспективы усиления новой цифровой гонки вооружений [Chamaou 2018], а в итоге – противостояний государств на расстоянии и эпохи дистанционных войн. Так, к примеру, преподаватель этики в американских военных академиях Джей Струозер Бредли называет боевые дроны «гуманитарным оружием» и идеальным средством «справедливой войны», в условиях которой асимметричные боевые действия, не связанные с риском для жизни управляющих беспилотными устройствами, являются этически оправданными [Killing... 2013]. Более того, автономные роботизированные системы совсем скоро могут быть в состоянии самостоятельно принимать решения, касающиеся жизни и смерти людей. Полагаю, что милитаризация 4.0 является негативным феноменом для общества в эпоху формирования взаимозависимого глобального мира.

В ближайшем будущем человечество столкнется с проблемой расслоения и формированием глобального «беспольного класса» с точки зрения политической и экономической системы, так как за счет автоматизации исчезнут миллионы рабочих мест. Монополизация рынка становится одной из угроз, способной усилить неравенство в процессе новой промышленной революции [Schwab 2018]. Сегодня под контролем *Google* находится почти 90 % глобального рынка контекстной рекламы, *Facebook* контролирует 77 % мобильного трафика социальных сетей, *Amazon* – 75 % рынка электронных книг [Taplin 2017].

Усиливая тезис о проблеме монополизации рынка корпорациями, отмечу более сложную и комплексную проблему сверхконцентрации власти и ресурсов, особенно в политической сфере. В данном контексте экономика дисбаланса и не-

устойчивого развития приведет нас к худшему из сценариев и сформирует такие условия для управления общественными отношениями, в которых жесткие иерархии и социальное расслоение отнимут у нас шансы на спасение. Необходима новая экономика знаний, ориентированная на сохранение человека и преодоление неравенства, где ресурсы будут перераспределены равномерно, а цифровые инновации послужат на благо глобального устойчивого развития. Также хрупкий мировой порядок намеренно или неосознанно подрывают социал-дарвинистские иерархии и «большая» политика времен пещерных людей, которая разворачивается на международной арене и в очагах отдельных государств.

Новый 2020 год мог обернуться для человечества исчезновением, старые публично-правовые институты еще ярче демонстрируют свою непригодность во взаимозависимом мире, и это привело к тому, что символические часы Судного дня передвинули до 100 секунд до полуночи. Это известный проект ученых-ядерщиков, оценивающий риски ядерной войны. В ядерной сфере за последний год национальные лидеры прекратили или разорвали несколько крупных договоров по контролю над вооружениями. Этим они сформировали условия, возобновляющие гонку вооружений, способствуя распространению ядерного оружия и снижению барьеров на пути к ядерной катастрофе.

Политические конфликты, связанные с ядерными программами в Иране и Северной Корее, остаются нерешенными и даже обостряются. Российско-американское сотрудничество в области контроля над вооружениями и разоружениями практически отсутствует.

Среди прочего эксперты указывают на риски перехода власти сверхсильному искусственному интеллекту, который учтет всю летопись человеческой истории и может направить нас на аннигиляцию [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2016].

Согласимся с Генеральным секретарем ООН Антониу Гутерришем, который заявил, что видит четырех «всадников Апокалипсиса», угрожающих человечеству в XXI в.: это геостратегическое напряжение, рост глобального недоверия, климатический кризис и темная сторона цифрового мира. В данном контексте усиливается необходимость формирования глобального права и управления, ориентированного на устойчивую реализацию прав человека. Без воздействия на описанные проблемы через рамки прав человека и правовой культуры мы потеряем контроль над скоростями цифровой глобализации, что может привести к планетарной катастрофе.

Проблемы в сфере развития глобальных процессов привели к усилению глобальных вызовов, которые угрожают будущему цивилизации [Чумаков, Штарк 2019]. Глобальные проблемы порождаются неравномерностью развития глобальных процессов, в частности недостаточным развитием политической сферы, что рикошетом провоцирует негативные и хаотичные направленности развития фундаментальных сфер человечества вплоть до рисков уничтожения человека.

Поэтому в данном ключе мы отмечаем необходимость урегулирования глобальных вызовов, ставших следствием неконтролируемых процессов развития. Предлагается не сокращать рост, а дать ему сбалансированное направление, при этом доводя до определенного уровня крайне отстающие политико-правовые сферы глобальных процессов.

Врываясь в глобальный мир, необходимо с позиции современного права и правовой определенности строго описать те понятийные конструкции, которые будут составлять основу инновационного глобального права (как и позитивного развития внутригосударственных правовых систем, с учетом рисков глобальных цифровых процессов и иных подсистем), глобальных прав человека и глобального управления.

Итак, глобализация – объективный эволюционный процесс, затрагивающий все сферы общественных отношений в масштабах планеты и направленный на формирование интегрированной системы. Среди прочего он оказывает влияние на международное право и международные правоотношения. Например, М. Н. Марченко [2009] отмечает интеграционное влияние глобализации на государство и право. Ряд работ, посвященных глобализации права, написал И. И. Лукашук, отмечающий формирование глобальной взаимозависимости и необходимости преодоления глобальных вызовов [Лукашук 2005]. А. Д. Урсул рассматривает перспективы глобального права в увязке с проблемами устойчивого развития [Урсул 2012]. Другие авторы указывают на новые тенденции в сфере международного права [Бурьянов 2016], а также в области глобализации права [Фархутдинов 2004] и образования [Урсул 2015; Чумаков 2019б]. Особого упоминания заслуживают работы по проблематике глобализации юридического образования [Глобальные... 2019; Бурьянов, Кривенький 2018; 2019].

Таким образом контуры общественных отношений обрели масштаб планеты, где внутренней характеристикой данной динамики общественных отношений являются колоссальная взаимозависимость, нелинейность развития глобальных процессов, ризоматическая открытость и взаимодополняемость подсистем.

Мир стал почти глобальным [Чумаков 2019а], но право осталось локальным и многополярно международным, все чаще подменяемым «правом силы». Права человека и их максимальная реализация должны стать предназначением современного права и выводиться из сущности человека и за счет его эмерджентных характеристик, производных из развития материи на планете Земля. Определим права человека как *полученные с рождения существенные возможности для развития человека, дающие доступ к благам цивилизации, которые устанавливаются и обеспечиваются системой норм международного права и внутригосударственного права*. Напомним, что французский ученый и один из авторов Всеобщей декларации прав человека (1948) Рене Кассен отмечал, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и в правах.

Вектор урегулирования глобальных процессов неотделим от перехода к устойчивому развитию, в котором происходит связь основных видов целей – социальных, экологических, экономических, политических, цифровых и ключевых правовых. Итак, устойчивое развитие – *управляемый, сбалансированный с глобальными подсистемами, интегрированный с глобальными правами человека процесс реализации жизненно важных интересов человечества, ориентированный на долгосрочное процветание и неотделимый от биосферы*.

Следуя интуициям Докладов о человеческом развитии в Российской Федерации, а также аналитике Всемирного банка, укажем, что XXI в. существенно меняет представление о том, на что должна быть ориентирована современная экономика. Она должна быть синонимом развития человеческого капитала, построения

экономики знаний, а не экономики потребления и хаоса. В указанном контексте реализация возможностей человека – ключевой ответ на глобальные риски цифровой глобализации. Эти возможности выражены в правах человека, которые были признаны в мировом масштабе со времен принятия Устава ООН 1945 г., Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Пактов 1966 г. и имплементированы в законодательстве современных государств.

Но мир не мог постоянно придерживаться тех стандартов, которые были заложены в середине прошлых веков, и динамично менялся. Велик соблазн считать, что старые и очень эффективные нормы в области прав человека есть тот ответ, который перекроет все всплывающие за счет динамики мира риски. Веку глобализации и новых технологий нужны новые принципы и нормы, имя которым «глобальные цифровые права человека», но пока мы имеем цифровизацию, чаще не ориентированную на человека.

Силы технологической революции (цифровой революции) в некоторой мере распространились на систему права как на национальном, так и на международном уровне.

Международные принципы создания информационного общества и подходы к его созданию определены Окинавской хартией глобального информационного общества (2000), Декларацией принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» (2003), Планом действий Тунисского обязательства (2005) и др.

Таким образом, цифровизация связана с созданием информационного общества. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» стал одним из первых стратегических актов, определивших информационные векторы развития России. Упомянутые траектории движения хоть и были направлены на построение информационного общества, но российский законодатель пошел в обратную сторону, приняв Федеральный закон от 01.05.2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”». Не лишены оснований опасения, что формирование «суверенного Интернета», то есть ограничение доступа России к глобальной информационной сети, станет негативным фактором в эпоху стремительного развития глобальных процессов.

Важно понимать, какие технологические агенты станут локомотивами прогресса в ближайшем будущем [Кашкин 2019], поэтому перечислим некоторые из них: искусственный интеллект и машинное обучение (Artificial Intelligence and Deep Learning), нейросетевые технологии, интернет вещей (Internet of Things), Большие данные (Big Data), технологии на принципах распределенного реестра (Blockchain), аддитивное производство (additive manufacturing), облачные вычисления (cloud computing), виртуальная и дополненная реальность (augmented and additive reality), современные биоинженерные технологии (Biotech), «умные» комплексы и устройства (smart everything), передовые материалы и энергетические технологии, автономные транспортные средства (autonomous vehicles), квантовый компьютер (Quantum computing), системы кибербезопасности (Cybersecurity), технологии Solar Food, цифровые двойники (digital twins), технологиче-

ские алгоритмы (технологии нечетких систем, энтропийного управления, роевого интеллекта, эволюционных вычислений) [Schwab 2018].

Все это создает технологическую основу для формирования принципиально новой нормативно-правовой среды регулирования (ставим акцент на публично-правовом поле регулирования).

Многие из этих технологий находятся в зачаточном состоянии, но они уже достигли точки перегиба в своей эволюции, поскольку их развитие взаимно усиливает эти технологии в результате их слияний в физическом, цифровом и биологических глобальных процессах [Schwab 2017]. Технологические прорывы уже сейчас являются силами глубоких сдвигов в общественных отношениях, кардинально изменяя наши способы взаимодействия и сотрудничества, производства, хранения информации и доступа к знаниям.

Перспективными областями применения и внедрения цифровых технологий являются: глобальное образование и повышение профессиональной квалификации; право и управление; наукоемкое здравоохранение и медицина; цифровые правовые платформы; цифровизация финансового и банковского сектора; интеллектуальная энергетика; публично-правовая система и иные. Развитие новых технологий способно оказать влияние на развитие права и государственности [Бурьянов 2019а].

С позиции права технологиями являются интегрированные объекты, которые объединяют интеллектуальные права как на охраняемые объекты (программы ЭВМ и базы данных, изобретения, ноу-хау, товарные знаки и др.), так и технические знания, навыки, умения и иные конкурентоспособные преимущества, вытекающие из обладания технологией. Современные исследователи отмечают, что «масштаб этих изменений еще только предстоит оценить, но основные направления, по которым они происходят, представляются очевидными уже сегодня» [Пашенцев 2019: 4]. Однако процессы цифровизации имеют перспективы расширить не права человека, а дифференциацию общества [Положихина 2017: 121].

Главным агентом изменений XXI в. может стать искусственный интеллект, который, как подчеркивают футурологи и ученые, способен привести к состоянию технологической сингулярности, то есть переменам, сравнимым с появлением на Земле человека. В целом выделяют три типа искусственного интеллекта в зависимости от направленности его деятельности: узконаправленный искусственный интеллект – это программа, решающая конкретную задачу в определенной области; общий искусственный интеллект – это программа искусственного интеллекта, сопоставимая по мощностям с возможностями человека; и «сверхсильный искусственный интеллект – интеллект, который гораздо умнее лучших человеческих умов практически в любой сфере, включая научное творчество, общую мудрость и социальные навыки» [Bostrom 2014]. Более того, по мнению Ника Бострома, не исключена возможность превращения сверхсильного искусственного интеллекта в доминирующую форму жизни на нашей планете [*Ibid.*].

Следует отметить, что правовая база в данной сфере находится на стадии формирования. На международном уровне выделим Декларацию о сотрудничестве в области искусственного интеллекта (2018), правда, без участия России. В этом документе участники декларируют «сохранение за человеком ключевой роли в процессе развития, применения и принятия решений в отношении ИИ».

Из правовой базы в России выделим Указ Президента РФ № 490 от 10 октября 2019 г. «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», определяющий перспективные направления развития искусственного интеллекта с позиции внедрения информационных технологий в существующую систему управления и общественных отношений. Замечу, что 25 декабря 2019 г. приказами Росстандарта утверждены первые национальные стандарты в области искусственного интеллекта в РФ: ГОСТ Р 58776-2019 «Средства мониторинга поведения и прогнозирования намерений людей. Термины и определения»; ГОСТ Р 58777-2019 «Воздушный транспорт. Аэропорты. Технические средства досмотра. Методика определения показателей качества распознавания незаконных вложений по теневым рентгеновским изображениям».

Представляет интерес документ «Artificial Intelligence Research, Development & Regulation» (2017), раскрывающий рекомендации по поводу развития ИИ от Института электротехники и электроники (IEEE) США. Важны четкое толкование понятий (с точки зрения правовой определенности) и определение юридического статуса ИИ. Одну из наиболее широких инициатив представляет собой работа технического комитета ISO/IEC JTC 1/SC, которая объединяет 22 страны в статусе «участник» (включая Россию) и 14 стран в статусе «наблюдатель».

По нашему мнению, на начальных стадиях развития данных инициатив необходимо заложить принцип сохранения человека и приоритета реализации его прав, дабы субъект глобальных процессов и экономики знаний имел возможность участвовать в формировании своего будущего. Хотя на данном этапе технологического развития мы не имеем мощного искусственного интеллекта, существует тенденция ускорения и наращивания технологических оборотов, которые Рэй Курцвейл назвал законом ускоряющейся отдачи (первая фаза – медленный рост; вторая фаза – ускоренный и стремительный рост, доведение роста до верхних пределов; третья фаза – момент стабилизации достигнутого с колоссальным изменением общественных отношений).

Скорость и широта цифровой глобализации пока еще дает возможность человеку осмыслить лавину изменений, которые приносит новая промышленная революция, что позволяет выстроить приоритеты в направлениях цифровизации. Ключевую роль играет формирование теоретико-правового и нормативно-правового климата, позволяющего каждому человеку иметь доступ к технологиям и благам. И основа для этого имеется. Так, в соответствии со статьей 27 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., «каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами». А статья 19 декларирует, что «каждый имеет свободу в области поиска, получения и распространения информации и идей любыми средствами и независимо от государственных границ». Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. в статье 15 установлено, что «государства признают право каждого человека на участие в культурной жизни и на пользование результатами научного прогресса и их практического применения».

На внутригосударственном уровне России статья 44 Конституции РФ устанавливает, что «каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям». Отметим так-

же, что Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 02.12.2019 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» регулирует отношения, возникающие при «осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; применении информационных технологий; обеспечении защиты информации».

Таким образом, международные договоры и внутригосударственные акты заложили некоторые направления будущих цифровых прав человека и права доступа к соответствующим технологическим благам. Но этого недостаточно для позитивного участия человека в глобальной цифровизации общественных отношений. Ввиду этого колоссальное значение имеет формирование принципов и норм в сфере реализации прав человека в цифровой среде.

Ключевым моментом цифровизации является необходимость правового закрепления новейшего поколения прав человека. С этой целью в нашем исследовании вводится термин *глобальные цифровые права человека*, раскрывающий возможности каждого человека: доступа к цифровым технологиям, а также к продуктам, порождаемым цифровыми технологиями; защиты личной информации в рамках использования цифровых технологий; а также неукоснительной направленности цифровых технологий на расширение возможностей человека и реализацию первых трех поколений и всех видов прав человека. Выделим основные глобальные цифровые права человека: право на доступ к информации; право на доступ к информационно-коммуникационным средствам и технологиям; право на доступ в глобальный Интернет; право на защиту частной жизни и личных данных (персональных и биометрических); право на уважение персональных данных; права, связанные с защитой генетической информации; имущественные права в цифровом имущественном обороте; возможности реализации личных, социальных, экономических, политических и культурных прав на базе технологических платформ; возможности приоритета сохранения и развития человека в контексте создания искусственного интеллекта.

Таким образом, глобальные цифровые права человека являются одновременно оболочкой для первых трех поколений и всех видов прав человека (расширяя вертикально возможности человека), а также новейшей мерой человеческих возможностей (расширяя права человека горизонтально), то есть возможностей, принципиальным образом отличающихся от традиционного понимания прав человека, с учетом развития нейросетевых, биотехнологий, в сочетании с технологией интернета вещей и др.

Кроме того, глобальные цифровые права человека – это важная основа преодоления цифровой и экономической дифференциации общества. Чтобы позитивно урегулировать современные общественные отношения в глобальном цифровом пространстве, необходимо закрепить в формах международного и внутригосударственного права блок глобальных цифровых прав человека с учетом рисков неконтролируемых глобальных процессов.

Отмечу, что в России есть юридическое понятие цифровых прав. Оно определяется Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», и его не следует путать с понятием «глобальные цифровые права человека», поскольку первые регулируют гражданско-правовую сферу,

а вторые, находящиеся на стадии теоретической разработки, нацелены на публично-правовую, от эффективного урегулирования которой зависит преодоление неравенства и цифровых диктатур. Законотворец использовал понятие «цифровые права» в узком и гражданско-правовом ключе, к ним были отнесены лишь имущественные права, имеющие место в информационной системе [Ситдикова, Ситдииков 2018]. В частности, предусмотрены сделки с цифровыми правами, допускаются осуществление и распоряжение цифровыми правами.

Также отмечу, что в современных исследованиях права человека сквозь призму цифровизации понимаются в основном узком смысле – лишь как право на доступ в Интернет и право на забвение или как цифровизация некоторых закрепленных прав [Варламова 2019; Талапина 2019; Карасев и др. 2019]. При этом перспективы цифровизации в контексте четвертой промышленной революции (индустрии 4.0) требуют более современных норм и принципов (в контексте ИИ, интернета вещей, больших данных и прочих, уже нами упомянутых). Не менее важно определить и создать прочную методологию оценки влияния технологии и вероятных мер по управлению существующими и будущими рисками.

Основываясь на трудах К. Шваба [Schwab 2018], обозначим некоторые принципы, которые необходимо учесть при осуществлении цифровизации:

– *глобальные цифровые права человека, а не цифровизация* (цифровые инновации должны быть ориентированы на полное воплощение в жизнь прав человека, а не служить инструментами контроля публично-правовых институтов – ввиду этого первичной основой внедрения технологий в современную жизнь должны стать права человека, а не цифровизация без расчета рисков);

– *права человека по замыслу, а не по умолчанию* (новые технологии способны полностью изменить структуру управления нашим миром, поэтому мы не должны мириться с существующими отсталыми системами управления обществом – технологии способны изменить старые силовые и иерархически ориентированные системы управления и сделать их направленными на интересы каждого человека);

– *формирование инновационных систем, а не только технологий* (формировать необходимо совершенно новые системы, лучше выполняющие свои задачи за счет передовых технологий и направленные на обеспечение благополучия каждого человека – не стоит слепо и без научных оснований внедрять технологии в старые системы и методы управления из прошлых эпох, не вполне эффективные в условиях современной жизни);

– *расширение возможностей человека инновациями, а не ограничение их* (системы на базе новых технологий должны обеспечить людям больше свободы, перспектив и контроля над собственной жизнью – контрпродуктивно без учета рисков внедрять новые технологии, которые способны принимать решения и действовать без управления человеком);

– *технологии не нейтральны, гуманистические ценности необходимо закладывать изначально и проверять на всех этапах создания* (все технологии несут в себе определенные ценности, они не нейтральны, поэтому глобальные цифровые права человека должны быть заложены на уровне кода и сущности технологических систем – на всех стадиях инновационного производства необходимо четко видеть, на реализацию какого права человека нацелена технология, осуществляя

намеренное внедрение глобальных цифровых прав человека, а не только после того, как негативный эффект себя проявит).

Глобальные цифровые права человека в данном исследовании выступают концептом эпохи. Это неукоснительные рамки, призванные не ограничивать возможности человека, а в значительной мере их расширить. Речь идет о коренном изменении мировых общественных отношений и превращении экономики в экономику знаний, хаотичного развития – в устойчивое развитие, права – в синоним свободы, а человека – в главное действующее лицо мировых процессов без асимметрии социума в виде «золотых миллиардов» и «платиновых миллионов».

В этой связи глобальные цифровые права человека – это эра воплощения новых возможностей человека, дающая человеку доступ к цифровым технологиям, закрепляющая человекоориентированные принципы и нормы в разработке, создании и внедрении цифровых технологий, а также закрепляющая недопустимость применения технологий против человека. Далее рассмотрим перспективные пути преодоления глобальных проблем за счет децентрализованной деконструкции публично-правовой сферы с целью реализации глобальных прав человека.

Правовая повестка нового тысячелетия развертывает перед нами самые актуальные вопросы, ответы на которые определяют дальнейший курс эволюции цивилизации: 1) вопросы оптимального использования технологий для процветания мирового человеческого сообщества; 2) реформирование старой правовой системы с учетом децентрализованных правовых протоколов; 3) цифровая трансформация права, как формирование техно-правовых императивов, принципов, норм и платформ; 4) реформирование публично-правовых управленческих институтов; 5) определение того, какие глобальные цифровые права человека нам необходимы, чтобы создать устойчивую глобальную управленческо-правовую систему; и многие другие вопросы.

По нашему мнению, иерархические и централизованные публично-правовые институты в эпоху информационного общества и цифровых технологий необходимо последовательно трансформировать по отношению к новым реалиям [Бурьянов 2019б]. Ускоренные темпы цифровизации поднимают вопрос формирования глобальной цифровой нормативной системы как совокупности принципов и норм, выраженных в форме кода, машинных программ и математических решений, в частности норм, предъявляемых к криптографии с целью защиты прав человека. Новый подход к регулированию цифровых сущностей набирает обороты, начинает выстраиваться цифровая регуляторная система. В частности, появляется ряд понятий, таких как «смарт-контракты», «цифровые транзакции», «цифровое имущество» и иные.

Представляется, что на данном этапе развилки истории еще можно проложить позитивные траектории цифровизации, в частности, за счет использования технологий децентрализованного реестра для формирования новых правовых институтов, с целью улучшения публично-правовой сферы и осуществления сетевой демократии. Здесь представляет интерес технология Big Data как оператора работы с огромными массивами данных для построения новых глобальных социальных, экономических, экологических взаимодействий с целью реализации прав человека. Также в эту систему с целью реализации возможностей человека может быть включен ряд иных технологий: hi-tech индустрия, робототехника, IT-индустрия,

микробиология, генная инженерия, космическая техника и микроэлектроника, биотехнологии.

Необходимо учесть ту лавину изменений, которую приносят с собой наукоёмкие технологические решения. Время ставит целый ряд сложных вопросов. Возможно ли жить в рамках классических правовых категорий и институтов в эпоху глобализации и цифровой децентрализации, когда нарастает влияние глобальных городов, появляются децентрализованные платформы (блокчейн), внедряются цифровые сущности (цифровые двойники, дополненная реальность, искусственный интеллект и др.)? К чему может привести пантеон цифровых технологий, спаянный со старой государственной моделью управления, отрицающей изменения эпохи? Какие перспективы несет цифровая авторитарная модель управления, поддерживающая социал-дарвинистскую иерархию и перечеркивающая возможности человека? Отвечает ли требованиям времени избыток технологий, приводящий к минимуму возможностей для человека?

Ответ на эти вопросы непременно связан с эволюцией государственности, но также для этого необходимо глобальное право, которое имеет перспективы стать эффективным регулятором глобализирующихся общественных отношений в интересах глобального устойчивого развития [Лукашук 2000]. Как мы выяснили выше, очаги глобальных проблем неукоснительно развивают свое влияние на территории всего земного шара, а проблемы способны объединить сообщества. Ввиду этого нам необходимо теоретически осмыслить наиболее эффективный альянс глобального управления для безотлагательных действий, пока еще действия человека способны выровнять дисбаланс глобальных процессов.

Последовательное формирование глобального управления через создание системы глобального права, ориентированного на сохранение и развитие человека, способно заложить новые опоры для распадающегося мира [Чумаков 2010]. В этом ключе важнейшая задача – закрепление на международном уровне глобальных цифровых прав человека с последующим созданием новейших цифровых правовых принципов, норм и платформ, нацеленных на воплощение в жизнь каждого конкретного права человека.

Кроме того, правовая культура не должна служить застывшим «украшением» устаревшим публично-правовым институтам. Она должна развиваться. В центре современной правовой культуры должен стоять человек с новейшими глобальными цифровыми правами. Сегодня в очень значительной мере от развития правовой культуры, включая образование [Павленко 2016] и системное просвещение в области прав человека, будет зависеть выживание человека как вида.

Выводы

Подводя итоги данной работы, отметим, что цифровизация не должна существовать ради самой себя, как самодостаточный и бесчеловечный процесс. Поэтому глобальные цифровые права человека должны закладываться как заранее предписанная цель, внедряя себя как правовой глобальный сверхимперативный принцип для публично-правовых отношений, отклонение от которого недопустимо. Кроме того, они должны быть отражены на уровне кода, алгоритма и языка машинных процессов. Не менее важно, чтобы глобальные цифровые права человека были приняты в качестве образовательного стандарта в эпоху гиперскорост-

ной цифровизации общественных отношений. Цифровая оболочка для прав человека – фундаментальный принцип и отправная точка регулирования современных глобальных процессов, сопровождающихся политическим, техногенным и природным дисбалансом.

Итак, определим глобальные цифровые права человека как *полученные каждым с рождения (и которые государство обязано реализовать) существенные возможности человека, которые устанавливаются и обеспечиваются системой норм международного и внутригосударственного права и предоставляют доступ к общественным благам, вытекающим из цифровых технологий. Глобальные цифровые права человека* должны стать базовым принципом цифровизации, сформировать ориентацию новых технологий на сохранение и расширение возможностей человека. Приоритет прав человека и гуманистические ценности необходимо закладывать изначально на стадии разработки и проверять на всех этапах создания.

В свое время основополагающие международные акты по правам человека были революционны, они заложили фундаментальные принципы и ориентиры для развития мирового сообщества, послужили серьезным агентом краха колониальной системы. И мы не должны допустить нивелирования ценности этих глобальных достижений. Но сегодня, в эпоху глобальной цифровой промышленной революции, упомянутых выше принципов и норм уже недостаточно. Представляется целесообразным закрепление глобальных цифровых прав человека на всемирном уровне в виде деклараций, конвенций и иных международно-правовых договоров.

В качестве финального вывода отметим необходимость теоретико-правовой разработки и правового закрепления нового поколения глобальных цифровых прав человека как важного условия преодоления глобальных проблем и перехода к устойчивому развитию мирового сообщества и отдельных государств, включая Россию. Среди прочих выводов подчеркнем необходимость реформирования публично-правовой сферы в соответствии с взаимозависимым контекстом эпохи, где принципы децентрализации способны воплощаться за счет распределенных реестров, больших данных и иных технологий, встроенных в человекоориентированные правовые системы управления общественными процессами в масштабе планеты. Глобальные цифровые права человека – существенный вклад, способный уменьшить дифференциацию, избавить общество от перспектив цифровых войн и диктатур, проложить дорогу в устойчивое светлое будущее глобального сообщества.

Литература

Бурьянов С. А. Будущее международного права в условиях глобализации общественных отношений через призму творческого наследия Игоря Ивановича Лукашук // Евразийский юридический журнал. 2016. № 7(98). С. 77–81.

Бурьянов М. С. Перспективы развития российской государственности в условиях современных глобальных процессов и вызовов // Актуальные проблемы глобальных исследований: Россия в глобализирующемся мире: сб. материалов VI Всероссийской научно-практической конференции, МГУ имени М. В. Ломоносова, 4–6 июня 2019 г. / под ред. И. В. Ильина. М. : МОСИПНН Н. Д. Кондратьева, 2019а. С. 67–73.

Бурьянов С. А. О необходимости глобального права в контексте проблемы целенаправленного формирования глобальной системы управления в целях устойчивого развития // Век глобализации. 2019б. № 4. С. 129–142. DOI: 10.30884/vglob/2019.04.12.

Бурьянов С. А., Кривенький А. И. Стратегические перспективы развития права и юридического образования в условиях современных глобальных процессов // Основные тенденции и перспективы развития современного права: материалы ежегодной Международной научной конференции памяти проф. Ф. М. Рудинского, 19 апреля 2018 г. / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М., 2018. С. 247–251.

Бурьянов С. А., Кривенький А. И. О состоянии и перспективах формирования глобального образования, включая юридическое // Государство и право. 2019. № 8. С. 95–100.

Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? [Электронный ресурс] : Труды Института государства и права РАН. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-prava-novoe-pokolenie-prav-cheloveka> (дата обращения: 24.01.2020).

Глобальные процессы и формирование глобального образования (междисциплинарное исследование): монография: в 2 кн. / под общ. ред. С. А. Бурьянова, А. И. Кривенького. М. : МГПУ, 2019.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Грядущая технологическая революция и глобальные риски // Век глобализации. 2016. № 4. С. 40–58.

Карасев А. Т., Кожевников О. А., Мещерягина В. А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Антиномии. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-pravoотношений-i-ee-vliyanie-na-realizatsiyu-otdelnykh-konstitutsionnyh-prav-grazhdan-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 24.01.2020).

Кашкин С. Ю. Правовое регулирование применения технологий искусственного интеллекта и робототехники как формирующаяся новая комплексная отрасль права в наиболее репрезентативных государствах и международных интеграционных объединениях: постановка проблемы // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». 2019. № 3. С. 134–144.

Лукашук И. И. Глобализация, государство, XXI век. М., 2000.

Лукашук И. И. Глобализация и право // Государство и право. 2005. № 12. С. 112–115.

Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. М. : Проспект, 2009.

Павленко Е. М. Образование в области прав человека как основа формирования правовой культуры и культуры прав человека в Российской Федерации. М. : Права человека, 2016.

Пашенцев Д. А. Основные тенденции влияния современных цифровых технологий на развитие права // Право и образование. 2019. № 7. С. 4–9.

Положихина М. А. Информационно-цифровое неравенство как новый вид социально-экономической дифференциации общества // Экономические и социальные проблемы России. 2017. № 2. С. 119–142.

Ситдикова Р. И., Ситдилов Р. Б. Цифровые права как новый вид имущественных прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 9. С. 75–80.

Талапина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху [Электронный ресурс] : Труды Института государства и права РАН. 2019. № 3. URL: [https:// cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-prav-cheloveka-v-tsifrovuyu-epohu](https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-prav-cheloveka-v-tsifrovuyu-epohu) (дата обращения: 24.01. 2020).

Урсул А. Д. Глобализация права и глобальное право: концептуально-методологические проблемы // Право и политика. 2012. № 8. С. 1284–1297.

Урсул А. Д. Опережающее образование. От модернизации к футуризации. Saarbrücken : Dictus Publishing, 2015.

Фархутдинов И. З. Международное или глобальное право // Юрист-международник. 2004. № 4. С. 15–23.

Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1. М. : Праксис, 2002.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 1. С. 3–15.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2019а.

Чумаков А. Н. Особенности образования в области глобалистики: актуальные проблемы // Век глобализации. 2019б. № 2. С. 38–48. DOI: <https://doi.org/10.30884/vglob/2019.02.03>.

Чумаков А. Н., Штарк Л. П. Римский клуб: к итогам полувековой деятельности // Век глобализации. 2019. № 4. С. 3–15. DOI: <https://doi.org/10.30884/vglob/2019.04.04>.

Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies Reprint Edition. Oxford : Oxford University Press, 2014.

Buryanov S. A. State Worldview Neutrality in the Context of Deteriorating Imbalances in Globalization. Amsterdam, 2018.

Chamayou G. Théorie du drone. Paris : La fabrique, 2013.

Killing by Remote Control: The Ethics of an Unmanned Military / ed. by J. S. Bradeley. New York : Oxford University Press, 2013.

Scharre P. Army of None: Autonomous Weapons and the Future of War. New York : W. W. Norton & Company, 2018.

Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Crown Business. New York, 2017.

Schwab K. Shaping the Fourth Industrial Revolution. New York : Portfolio Penguin, 2018.

Taplin J. Is it Time to Break up Google? [Электронный ресурс] : New Times. 2017. April 22. URL: https://www.nytimes.com/2017/04/22/opinion/sunday/is-it-time-to-break-up-google.html?mcubz=1&_r=0 (дата обращения: 23.01.2020).

References

Buryanov S. A. Budushcheye mezhdunarodnogo prava v usloviyakh globalizatsii obshchestvennykh otnosheniy cherez prizmu tvorcheskogo naslediya Igorya Ivanovicha Lukashuka [The Future of International Law in the Context of the Globalization of Public Relations Through the Prism of the Creative Heritage of Igor Ivanovich Lukashuk] // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2016. Vol. 7(98). Pp. 77–81.

Buryanov M. S. Perspektivy razvitiya rossiyskoy gosudarstvennosti v usloviyakh sovremennykh global'nykh protsessov i vyzovov [Prospects for the Development of Russian Statehood in the Context of Modern Global Processes and Challenges] // Aktual'nyye prob-

lemy global'nykh issledovaniy: Rossiya v globaliziruyushchemsya mire: sb. materialov VI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, MGU imeni M. V. Lomonosova, 4–6 iyunya 2019 g. [Actual Problems of Global Research: Russia in a Globalizing World. Sat Mat. VI All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, June 4–6, 2019] / ed. by I. V. Ilyin. Moscow : MOOSIPNN N. D. Kondratieva, 2019a. Pp. 67–73.

Buryanov S. A. O neobkhodimosti global'nogo prava v kontekste problemy tselenapravlen'nogo formirovaniya global'noy sistemy upravleniya v tselyakh ustoychivogo razvitiya [On the Need for Global Law in the Context of the Problem of Purposeful Formation of a Global Management System for Sustainable Development] // Vek globalizatsii. 2019b. Vol. 4. Pp. 129–142. DOI: 10.30884/vglob/2019.04.12.

Buryanov S. A., Krivenky A. I. Strategicheskiye perspektivy razvitiya prava i yuridicheskogo obrazovaniya v usloviyakh sovremennykh global'nykh protsessov [Strategic Prospects for the Development of Law and Legal Education in Modern Global Processes] // Osnovnyye tendentsii i perspektivy razvitiya sovremennogo prava: Materialy yezhegodnoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii pamyati prof. F. M. Rudinskogo, 19 aprelya 2018 g. [The Main Trends and Prospects for the Development of Modern Law: Materials of the Annual International Scientific Conference in Memory of Professor Felix Mikhailovich Rudinsky, April 19, 2018] / ed. by D. A. Pashentsev. Moscow, 2018. Pp. 247–251.

Buryanov S. A., Krivenky A. I. O sostoyanii i perspektivakh formirovaniya global'nogo obrazovaniya, vklyuchaya yuridicheskoye [On the State and Prospects of the Formation of Global Education, Including Legal] // Gosudarstvo i pravo. 2019. Vol. 8. Pp. 95–100.

Varlamova N. V. Tsifrovyye prava – novoye pokoleniye prav cheloveka? [Digital Rights – A New Generation of Human Rights?] // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2019. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-prava-novoye-pokoleniye-prav-cheloveka> (accessed: 24.01.2020).

Global'nyye protsessy i formirovaniye global'nogo obrazovaniya (mezhdistsiplinarnoye issledovaniye) [Global Processes and the Formation of Global Education (Interdisciplinary Research)]: in 2 vols. / ed. by S. A. Buryanov, A. I. Krivenky. Vol. 1. Moscow : MGPU, 2019.

Grinin L. E., Grinin A. L. Gryadushchaya tekhnologicheskaya revolyutsiya i global'nyye riski [The Upcoming Technological Revolution and Global Risks] // Vek globalizatsii. 2016. No. 4. Pp. 40–58.

Karasev A. T., Kozhevnikov O. A., Meshcheryagina V. A. Tsifrovizatsiya pravootnosheniy i yeye vliyaniye na realizatsiyu otdel'nykh konstitutsionnykh prav grazhdan v Rossiyskoy Federatsii [Digitalization of Legal Relations and Its Impact on the Implementation of Individual Constitutional Rights of Citizens in the Russian Federation] // Antinomii. 2019. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-pravootnosheniy-i-ee-vliyanie-na-realizatsiyu-otdelnykh-konstitutsionnykhprav-grazhdan-v-rossiyskoy-federatsii> (accessed: 24.01.2020).

Kashkin S. Yu. Pravovoye regulirovaniye primeneniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta i robototekhniki kak formiruyushchayasya novaya kompleksnaya otrasl' prava v naiboleye reprezentativnykh gosudarstvakh i mezhdunarodnykh integratsionnykh ob'yedineniyakh: postanovka problemy [Legal Regulation of the Application of Artificial Intelligence and Robotics Technologies as an Emerging New Integrated Branch of Law in the Most Representative States and International Integration Associations: Problem State-

ment] // Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya "Chelovek i obshchestvo". 2019. No. 3. Pp. 134–144.

Lukashuk I. I. Globalizatsiya, gosudarstvo, XXI vek [Globalization, State, 21st Century]. Moscow, 2000.

Lukashuk I. I. Globalizatsiya i pravo [Globalization and Law] // Gosudarstvo i pravo. 2005. No. 12. Pp. 112–115.

Marchenko M. N. Gosudarstvo i pravo v usloviyakh globalizatsii. M. : Prospekt, 2009. [Marchenko M. N. State and Law in the Context of Globalization. Moscow : Prospekt, 2009.]

Pavlenko E. M. Obrazovaniye v oblasti prav cheloveka kak osnova formirovaniya pravovoy kul'tury i kul'tury prav cheloveka v Rossiyskoy Federatsii [Human Rights Education as the Basis for the Formation of a Legal Culture and a Culture of Human Rights in Russian Federation]. Moscow : Human Rights, 2016.

Pashentsev D. A. Osnovnyye tendentsii vliyaniya sovremennykh tsifrovyykh tekhnologii na razvitiye prava [The Main Trends in the Influence Of Modern Digital Technologies on the Development of Law] // Pravo i obrazovaniye. 2019. No. 7. Pp. 4–9.

Polozikhina M. A. Informatsionno-tsifrovoye neravenstvo kak novyy vid sotsial'no-ekonomicheskoy differentsiatsii obshchestva [Informational-Digital Inequality As a New Type of Socio-Economic Differentiation of Society] // Ekonomicheskiye i sotsial'nyye problemy Rossii. 2017. No. 2. Pp. 119–142.

Sitdikova R. I., Sitdikov R. B. Tsifrovyye prava kak novyy vid imushchestvennykh prav [The Digital Rights as a New Type of Property Rights] // Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. 2018. No. 9. Pp. 75–80.

Talapina E. V. Evolyutsiya prav cheloveka v tsifrovuyu epokhu [The Evolution of Human Rights in the Digital Era] // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2019. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-prav-cheloveka-v-tsifrovuyu-epokhu> (accessed: 01.24.2020).

Ursul A. D. Globalizatsiya prava i global'noye pravo: kontseptual'no-metodologicheskiye problemy [Globalization of Law and Global Law: Conceptual and Methodological Problems] // Pravo i politika. 2012. No. 8. Pp. 1284–1297.

Ursul A. D. Operezhayushcheye obrazovaniye. Ot modernizatsii k futurizatsii [Advanced Education. From Modernization to Futurization]. Saarbrücken : Dictus Publishing, 2015.

Farkhutdinov I. Z. Mezhdunarodnoye ili global'noye pravo [International or Global Law] // Yurist-mezhdunarodnik. 2004. No. 4. Pp. 15–23.

Foucault M. Intellektualy i vlast'. Izbrannyye politicheskiye stat'i, vystupleniya i interv'yuu. Chast' 1 [Intellectuals and Power. Selected Political Articles, Speeches and Interviews. Part 1]. Moscow : Praxis, 2002.

Chumakov A. N. Global'nyy mir: problema upravleniya [Global World: The Problem of Management] // Vek globalizatsii. 2010. No. 1. Pp. 3–15.

Chumakov A. N. Global'nyy mir: stolknoveniye interesov [Global World: Clash of Interests]. Moscow : Prospect, 2019a.

Chumakov A. N. Osobennosti obrazovaniya v oblasti globalistiki: aktual'nyye problemy [Features of Education in the Field of Global Studies: Current Problems] // Vek globalizatsii. 2019b. No. 2. Pp. 38–48. DOI: <https://doi.org/10.30884/vglob/2019.02.03>.

Chumakov A. N., Shtark L. P. Rimskiy klub: k itogam poluvekovoy deyatel'nosti [Chumakov A. N., Shtark L. P. Club of Rome: On the Results of Half a Century of Activity] // *Vek globalizatsii*. 2019. No. 4. Pp. 3–15. DOI: <https://doi.org/10.30884/vglob/2019.04.04>.

Bostrom N. *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies* Reprint Edition. Oxford : Oxford University Press, 2014.

Buryanov S. A. *State Worldview Neutrality in the Context of Deteriorating Imbalances in Globalization*. Amsterdam, 2018.

Chamayou G. *Théorie du Drone*. Paris : La fabrique, 2013.

Killing by Remote Control: The Ethics of an Unmanned Military / ed. by J. S. Bradeley. New York : Oxford University Press, 2013.

Scharre P. *Army of None: Autonomous Weapons and the Future of War*. New York : W. W. Norton & Company, 2018.

Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Crown Business. New York, 2017.

Schwab K. *Shaping the Fourth Industrial Revolution*. New York : Portfolio Penguin, 2018.

Taplin J. *Is It Time to Break Up Google?* // *New Times*. 2017. April 22. URL: https://www.nytimes.com/2017/04/22/opinion/sunday/is-it-time-to-break-up-google.html?mcubz=1&_r=0 (accessed: 23.01.2020).

НАСЕЛЕНИЕ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ: РЕСУРС РАЗВИТИЯ ИЛИ УГРОЗЫ СТАБИЛЬНОСТИ?*

Зинькина Ю. В.**

Продолжающийся рекордно быстрый рост численности населения в странах Африки южнее Сахары и специфика возрастной структуры населения (а именно – чрезвычайно высокая доля молодежи) неизбежно будут оказывать значительное влияние практически на все процессы социального, экономического и политического развития стран этого макрорегиона. В статье анализируется восприятие этих факторов в литературе, посвященной развитию Африки. Выявлено, что зачастую преобладает позитивное восприятие (возможность получения странами демографического дивиденда). Лишь в последние годы на повестку дня наконец вышли факторы, препятствующие получению дивиденда (отсутствие у значительной части молодежи навыков и умений, востребованных на рынке труда). Риски социально-политической дестабилизации, сопряженные с «молодежными буграми», фактически игнорируются, хотя частично уже наблюдаются во многих странах региона и могут оказать сильное отрицательное влияние на перспективы их развития в ближайшем и среднесрочном будущем.

Ключевые слова: Африка южнее Сахары, перспективы развития Африки, рост населения, возрастная структура населения, «молодежный бугор», демографическое давление, безработица молодежи, социально-политические риски.

The ongoing record-breaking population growth in sub-Saharan Africa and the specific age structure of the population (namely, the extremely high proportion of young people) will inevitably have a significant impact on almost all the processes of social, economic and political development of the countries of this micro-region. The article analyzes the perception of these factors in the literature considering the African development. It has been revealed that positive perception (the possibility of countries receiving a demographic dividend) often prevails. Only in recent years have factors on the agenda finally come to an obstacle to receiving a dividend (a significant part of young people lacks the skills and abilities demanded in the labor market). The risks of socio-political destabilization associated with the youth bulges are virtually ignored, although partially already observed in many countries of the region and can have a strong negative impact on their development prospects in the near and medium term.

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 17-78-20096.

** Зинькина Юлия Викторовна – к. и. н., старший научный сотрудник Международной лаборатории демографии и человеческого капитала Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: zinkina-yv@ranepa.ru.

Keywords: *sub-Saharan Africa, African development prospects, population growth, age structure of the population, youth bulge, demographic pressure, youth unemployment, socio-political risks.*

Введение: демографическая ситуация в Африке южнее Сахары

Африка южнее Сахары остается к настоящему времени единственным макро-регионом мира, где практически во всех странах продолжается чрезвычайно быстрый рост населения – согласно последней серии прогнозов численности населения стран и регионов мира, выполненной Отделом народонаселения ООН в 2019 г., население Африки южнее Сахары практически удвоится за ближайшие 30 лет – с почти 1,1 млрд человек в 2020 г. (оценка ООН) до более 2,1 млрд человек в 2050 г. [World... 2019]. Это связано со значительным отставанием большинства стран этого макрорегиона (за немногочисленными исключениями, в основном относящимися к Южноафриканскому региону) в прохождении демографического перехода, а именно второй его фазы – перехода рождаемости, подразумевающего ее снижение примерно до уровня простого воспроизводства населения.

Более ранние прогнозы динамики численности стран Тропической Африки до 2050 г., сделанные специалистами ООН еще до 1990-х гг., были основаны на предположении, что к 2050 г. рождаемость во всех странах мира, включая государства Тропической Африки, опустится до уровня 2,1 ребенка на женщину, соответствующего режиму простого воспроизводства населения. Однако стагнация рождаемости на высоком уровне во многих странах вынудила Отдел народонаселения ООН пересмотреть прогнозы, практически все – в сторону существенного увеличения прогнозных значений. Сравнение последней серии прогнозов (2019 г.) с прогнозами, выполненными в 2000 г., позволяет примерно оценить, во сколько «дополнительных» людей к каждому году прогнозного периода обойдется каждой стране период отсутствия снижения рождаемости. Например, Нигерии отставание в снижении рождаемости обойдется как минимум в 120 млн «дополнительных» людей к 2050 г. – прогноз численности населения увеличен с 280 млн до 400 млн человек. Прогноз по Танзании увеличен более чем вдвое – ранее ООН предполагало численность населения в этой стране 60 млн человек к 2050 г., однако, согласно последнему прогнозу, число танзанийцев к середине века достигнет 130 млн. Причем в данном случае сравниваются два средних варианта прогноза – в высоких вариантах эти числа будут заметно больше.

В текущем среднем варианте прогноза ООН наибольшее увеличение населения прогнозируется для Нигера – самой отсталой страны мира в плане осуществления демографического перехода, в которой переход рождаемости, по сути, не начался до сих пор. К 2050 г. население здесь вырастет более чем в 2,7 раза по сравнению с уровнем 2020 г. Несомненно, рост населения почти в три раза за три десятилетия сопряжен с колоссальными рисками для социально-экономического развития и политической стабильности страны, которая и сейчас находится на последних местах в мире по многим важнейшим показателям развития. На втором месте по прогнозируемому относительному приросту населения находится Ангола – здесь прогнозируется увеличение населения почти в 2,4 раза к 2050 г. по сравнению с уровнем 2020 г. Отметим, что средний прогноз для всех стран предполагает снижение рождаемости, причем более высокими темпами,

чем наблюдалось в последние годы, – иными словами, если снижение рождаемости не выйдет на траекторию, закладываемую в основу расчета среднего сценария, рост населения может оказаться еще большим. Двукратное (и более) увеличение населения предполагается еще в целом ряде стран субсахарского макрорегиона, а именно в Сомали, ДРК, Танзании, Мали, Бурунди, Замбии, Мозамбике, Буркина-Фасо, Чаде, Гамбии, Экваториальной Гвинее, Бенине, Малави. Увеличение, близкое к двукратному (в 1,9–2,0 раза), прогнозируется в Сенегале, Гвинее, Уганде, Мадагаскаре, Нигерии, Кот-д’Ивуаре, Республике Конго, Камеруне.

Разительный контраст здесь представляют южноафриканские государства – Намибия, Эсватини, Лесото, Ботсвана, Южная Африка. Эти страны дальше всех в Африке южнее Сахары продвинулись в демографическом переходе. Однако даже в ЮАР, наиболее преуспевшей в снижении рождаемости (к 2011 г. суммарный коэффициент рождаемости составил здесь примерно 2,5 ребенка на женщину), прогнозируется увеличение населения на 27 % к 2050 г.

Однако помимо относительного роста численности населения необходимо уделить внимание и его прогнозируемому абсолютному увеличению, которое будет поистине колоссальным во всех крупных странах Африки южнее Сахары за единственным исключением ЮАР. Население самой крупной страны, Нигерии, к 2050 г. увеличится примерно на 200 млн человек по сравнению с уровнем 2020 г. Взрывообразный абсолютный рост численности населения прогнозируется также в ДРК (на 105 млн), Эфиопии (на 90,5 млн человек), Танзании (на 70 млн), Анголе (на 45 млн), Уганде (на 44 млн) и Нигере (на 41 млн).

Таким образом, очевидно, что демографический фактор, а именно относительный и абсолютный рост численности населения в результате отставания в снижении рождаемости и накопленной демографической инерции, будет для Африки южнее Сахары фактором поистине «космического» масштаба, оказывающим влияние практически на все процессы социального, экономического и политического развития – и, соответственно, должен учитываться во всех программах и прогнозах развития на ближайшую и среднесрочную перспективу. Рассмотрим, так ли это, проанализировав некоторые ключевые документы международных структур развития, посвященные перспективам развития данного макрорегиона.

Экономическая динамика Африканского региона: рост и развитие или «рост ради роста»?

Последние два десятилетия многие представители научных кругов и международных структур, занимающиеся различными вопросами развития в Африке, назвали временем «африканского подъема». Сравним, к примеру, общие утверждения о динамике и перспективах африканского развития в «Африканских экономических обзорах» 2013 и 2020 гг.:

«Со времен “потерянных” 80-х и начала 90-х африканское экономическое состояние значительно улучшилось, и континент начал догоняющее развитие. С 1996 г. до 2010 г. средние ежегодные темпы роста ВВП в Африке составляли около 5 %, а ВВП на душу населения ежегодно увеличивался в среднем на 2,5 %. В результате в 2010 г. африканский уровень подушевого дохода превысил значение 1995 г. на 46 %. Догоняющее развитие широко распространилось среди

африканских экономик, за исключением лишь нескольких стран» [OECD *et al.* 2013: 22].

«Экономические перспективы Африки продолжают улучшаться. По прогнозам, ее реальный рост ВВП в 2019 г. составит 3,4 %, в 2020 г. он ускорится до 3,9 %, а в 2021 г. – до 4,1 %. В десятку самых быстрорастущих стран мира входят шесть государств: Руанда, Эфиопия, Кот-д’Ивуар, Гана, Танзания и Бенин. Основы роста также улучшаются с постепенным переходом от частного потребления к инвестициям и экспорту. И впервые за десятилетие инвестиции составили более половины роста континента, а личное потребление – менее одной трети» [African Development Bank 2020: iii].

По мнению различных экономистов, быстрый рост наблюдался во многих секторах экономик африканских стран, включая промышленное производство, банки и финансовый сектор, коммуникации и информационные технологии, торговлю, строительство и развитие инфраструктуры, коммерческое сельское хозяйство и др. [Radelet 2010; Yes... 2011].

Однако среди многочисленных утверждений, что континент находится на подъеме, имея высокие темпы роста и, предположительно, улучшения в системах управления и экономической политики, встречаются и альтернативные мнения, согласно которым условный «подъем» Африки на самом деле способствует усилению отсталости и зависимости континента. Ряд исследований выявляет, что этот «подъем» преимущественно основан на усиленной добыче ресурсов, вследствие чего имеет место рост ради роста, а не рост ради развития, поскольку такая модель приводит к росту неравенства и не способствует продвижению африканских стран вверх по глобальной производственной цепочке. Как отмечает И. Тейлор, «вместо этого отмечается и укрепляется нынешнее “сравнительное преимущество” Африки как основного экспортера товаров» [Taylor 2016: 8].

Зачастую такая модель сопровождается деиндустриализацией – или, как минимум, отсутствием промышленного роста. Действительно, вклад добавленной стоимости, генерируемой промышленным сектором, в ВВП Африки южнее Сахары оставался в 2012 г. на уровне около 10 % – то есть практически на том же уровне, что в 1970-х гг. Более того, за два десятилетия относительно высоких темпов экономического роста практически не произошло смещения рабочей силы из низкопроизводительных секторов в сектора с высокой производительностью [Newman *et al.* 2016: ix, 3]. Действительно, если еще раз обратить внимание на представленный выше перечень экономических секторов, испытывавших наиболее быстрый рост, бросается в глаза тот факт, что на все эти сектора приходится лишь небольшая часть всей занятой рабочей силы, притом сконцентрированы эти сектора будут, скорее всего, преимущественно в городах, в то время как в сельской местности (где до сих пор проживает значительная часть африканского населения, а в некоторых странах – абсолютное большинство) значительная часть работников до сих пор занята в крайне низкопроизводительном натуральном сельском хозяйстве.

При такой неоднозначности текущих оценок и перспектив развития африканских стран вызывает удивление тот факт, что непропорционально мало внимания уделяется одному из самых мощных факторов, динамика которого в ближайшие десятилетия будет неминуемо оказывать сильное (хотя, разумеется, не исключи-

тельное) влияние на реализацию тех или иных сценариев развития – а именно демографическому фактору.

С учетом того, что в большинстве стран из-за накопленной демографической инерции удвоение населения в ближайшие 30–40 лет является неизбежным при любом сценарии развития, представляется несколько парадоксальным тот факт, что вплоть до недавнего времени рост населения осознавался в парадигме развития африканских стран через призму демографического дивиденда и потенциальных плюсов для экономики, которые несет в себе это явление, хотя получение пресловутого дивиденда для экономики от одного лишь факта наличия значительной доли населения в трудоспособном возрасте отнюдь не является гарантированным. При этом продолжающийся рост численности населения и демографического давления стал осознаваться как препятствие для получения демографического дивиденда в частности и достижения целей развития в целом лишь в последнее время. Так, в «Африканском экономическом обзоре» 2019 г. относительно Египта отмечалось, что «продолжающийся рост населения не позволяет Египту извлечь выгоду из демографического дивиденда в среднесрочной перспективе» [African Development Bank 2019: 147].

Однако Египет по сравнению со многими странами Африки южнее Сахары значительно раньше и дальше продвинулся в демографическом переходе – и, соответственно, хотя проблемы, которые Египет испытывает в связи с ростом населения, вполне реальны, их масштаб несопоставим с масштабом аналогичных проблем во многих странах, к примеру, Восточной или Центральной Африки. В этом плане показателен пример Уганды, в отношении которой отмечается, что страна, переходя к экономике услуг, сталкивается с низкой производительностью и недостаточно быстрым созданием новых рабочих мест. Экономика Уганды стала в целом более производительной, но различия в производительности между промышленностью, услугами и сельским хозяйством по-прежнему велики. «Производительность в промышленности в семь-восемь раз выше, чем в двух других секторах, но промышленный сектор не может поглотить 600 000 молодых людей, выходящих на рынок труда каждый год» [Idem 2020: 187]. Проблема усугубляется тем, что практически в каждой стране Африки южнее Сахары отмечаются острая нехватка именно квалифицированной рабочей силы и несоответствие квалификаций и навыков, имеющихся у молодых соискателей, требованиям рынка труда.

«Молодежные бугры» как фактор дестабилизации

Согласно прогнозам, численность населения трудоспособного возраста в Африке вырастет с 705 млн в 2018 г. до почти 1 млрд к 2030 г. По мере выхода миллионов молодых людей на рынок труда будет усиливаться давление на экономику в плане обеспечения этих молодых людей достойными рабочими местами. При нынешних темпах роста рабочей силы Африке необходимо создавать около 12 млн новых рабочих мест каждый год, чтобы предотвратить рост безработицы [African Development Bank 2019: xvi].

В своей классической работе Н. Чукри утверждает, что если «молодежные бугры» совпадают с периодами серьезного экономического спада, такая молодежь будет особенно уязвима для безработицы (поскольку среди молодых людей, толь-

ко выходящих на рынок труда, безработица в целом выше, чем среди более старших трудоспособных возрастов). Чукри [Choucri 1974: 73] считает, что такая ситуация вызывает отчаяние среди молодых людей и разрушает их веру в государство, что подталкивает их к использованию насилия.

Со времен этого классического исследования целый ряд работ подтвердил наличие связи между высокой долей молодежи в обществе и рисками различных проявлений политической нестабильности. Так, результаты исследования К. Мескиды и Н. Винера подтверждают мнение о том, что рост доли молодых людей в обществе вносит важный вклад в периодичность насильственных конфликтов. Исследователи делают важный вывод – присутствие в обществе высокой доли молодых мужчин является необходимым условием возникновения насильственных конфликтов, даже если оно не является достаточным условием [Mesquida, Wiener 1999].

Известный американский политолог Дж. Голдстоун называет целый ряд демографических факторов, способных привести к социально-политическим конфликтам и даже подорвать стабильность политического режима – в частности, «давление на землю» при растущем населении и концентрации значительной части земель в руках крупных землевладельцев; рост городского населения, опережающий экономический рост и соответствующее расширение рынка труда; несоответствие «слишком высокого» уровня образования значительной части населения имеющимся возможностям на рынке труда. Однако Голдстоун подчеркивает, что даже без увеличения высшего образования быстрый рост молодежи может подорвать существующие политические коалиции, создавая нестабильность. Он приходит к тому же выводу (хотя и в более осторожной формулировке), что Мескида и Винер – исторические данные, по его мнению, свидетельствуют о том, что «молодежные бугры» вполне могут быть необходимым, даже если и недостаточным, условием для возникновения крупномасштабных насильственных конфликтов [Goldstone 2002: 13].

Два крупных исследования причин гражданских войн не выявили значимой роли фактора «молодежных бугров» [Fearon, Laitin 2003: 86; Collier, Hoeffler 2004: 588]. Однако есть предположение, что это было связано с особенностями измерения «молодежных бугров» в этих исследованиях. Действительно, практически одновременно в исследовании С. Стейвтейг доля молодежи во всем населении не оказалась значимым предиктором гражданских войн (как начавшихся с восстания, так и прочих), однако доля молодежи во взрослом населении и такой специфический показатель, как отношение молодежной когорты к взрослой трудоспособной когорте (доля лиц в возрасте 15–29 лет относительно лиц в возрасте 30–54 лет), оказались сильными предикторами риска начала гражданской войны [Staveteig 2005: 15].

В 2006 г. норвежский исследователь Х. Урдал выдвинул гипотезу о том, что «молодежные бугры» с большей вероятностью могут выступать фактором риска скорее политического насилия низкой интенсивности, нежели крупномасштабных гражданских войн. Для проверки своей гипотезы Урдал провел исследование, в котором поставил цель эмпирически определить, могут ли «молодежные бугры» увеличить риск трех различных видов политического насилия: вооруженных конфликтов, терроризма и беспорядков. В этом исследовании, охватывавшем все

страны и политически зависимые территории (с населением не менее 150 тыс. человек в 1995 г.) за период 1950–2000 гг., Урдал обнаружил, что наличие «молодежных бугров» (измеренных как доля молодежи 15–24 лет во всем взрослом населении 15 и более лет) значительно повышает риск возникновения всех трех типов политического насилия, даже при контроле за такими факторами, как уровень развития стран, демократия и история конфликтов [Urdal 2006].

«Молодежные бугры» в мультиэтничном обществе: конфликты «детей земли»

Следует отметить, что риски, сопряженные с «молодежными буграми», в среде многоэтничного населения африканских стран могут создавать дополнительные факторы и сценарии дестабилизации, помимо вышеописанных. Так, Ж.-К. Девез утверждает, что «растущая плотность населения создает нагрузку на землю, пастбища и лесные ресурсы в определенных районах и таким образом вызывает напряжение, которое может ухудшить обстановку и стать источником конфликта, как это уже наблюдалось в Руанде, Кот-д’Ивуаре, Кении или Дарфуре» [Devèze 2011: 3].

Описываемая им ситуация укладывается в концепцию конфликта «детей земли» (в англоязычной терминологии “sons of the soil”), возникающего на стыке факторов нехватки земель, внутренней миграции молодежи и многоэтничности населения. Как показывают Дж. Фирон и Д. Лейтин, на конфликты такого типа приходится почти треть всех этнических гражданских войн в период с 1945 по 2008 г. [Fearon, Laitin 2011]. Несмотря на наличие заметных различий от одного конкретного случая к другому, конфликты «детей земли» обычно противопоставляют членов этнически и регионально определенного меньшинства относительно недавним и этнически отличным внутренним мигрантам [Mitchell 2018]. Наиболее типичны такие конфликты для некоторых азиатских стран, а также для стран Африки к югу от Сахары, где в последнее время рост населения и низкий уровень урбанизации стимулировали внутреннюю миграцию сельской африканской молодежи из одних сельских районов в другие, что нередко приводило к возникновению конфликта между «сынами местной земли» и «пришлыми» из-за земельных ресурсов [Côté, Mitchell 2017].

Согласно наблюдениям Э. Грина, низкая плотность населения в Африке в доколониальную эпоху способствовала созданию системы общинных прав на землю, отсутствию прав частной собственности, высокой стоимости рабочей силы и интенсивной миграции. В колониальный период подавляющее большинство земель на континенте были переданы вождям племен, которые управляли предположительно этнически однородными районами с жестко контролируруемыми миграционными потоками. В период независимого развития африканских стран из-за отставания в демографическом переходе, породившем чрезвычайно быстрый рост населения, плотность его в некоторых регионах выросла до такой степени, что многие сельские африканцы попросту лишились доступа к достаточному количеству земли в своих «родных» районах (то есть устойчиво ассоциирующихся с данным конкретным племенем) [Green 2012].

Таким образом, миграция становилась все более практичным вариантом для многих африканцев – особенно миграция в другие регионы, в которых все еще

были доступны сельскохозяйственные угодья хорошего качества. Это порой вызывало возмущение, а иногда и восстания среди коренного населения. Поскольку эти коренные жители в разных местах называли себя «сыновьями земли», такое же наименование получили конфликты из-за земельных ресурсов между коренными жителями и переселенцами. В качестве примеров подобных конфликтов Э. Грин приводит гражданскую войну в Кот-д'Ивуаре, насилие на выборах в Кении, гражданское насилие в Нигерии, гражданский конфликт в западной части Уганды, а также Суданскую гражданскую войну в Дарфуре с 2002 г. и гражданскую войну в восточной части ДРК с 1996 г. В целом Грин утверждает, что говорить о прямой неомальтузианской связи между ростом населения и конфликтами такого типа едва ли целесообразно, однако при этом игнорирование демографических факторов препятствует полноценному и разностороннему пониманию африканских конфликтов [Green 2012].

Рост численности населения и перспективы роста и развития стран Африки южнее Сахары

В африканских странах проживает самое молодое и быстрорастущее население в мире. За последнее десятилетие население Африки в возрасте до 20 лет увеличилось на 25,6 %, что является самым быстрым показателем роста населения, когда-либо зафиксированным в мире. Влияние этого фактора на перспективы развития макрорегиона Африканский банк развития характеризует следующим образом: «Это молодое население представляет собой важный ресурс для Африки. Однако, чтобы извлечь выгоду из демографического дивиденда, африканские страны должны пересмотреть свои системы образования, чтобы гарантировать, что это молодое население станет производительной силой в экономиках, которые трансформируются в результате изменения характера работы» [African Development Bank 2020: 83].

Настрой на вовлечение наблюдаемой демографической динамики в развитие африканских стран в качестве положительного фактора, безусловно, похвален. Однако неясно, почему практически не уделяется внимания серьезным рискам для развития и сохранения стабильности, связанным со столь быстрым ростом населения в целом и «молодежными буграми» в частности. Так, в «Африканском экономическом обзоре» 2020 г., а именно в его разделе, посвященном рассмотрению перспектив и ограничений развития каждой страны макрорегиона, ни слова не говорится о влиянии каких-либо демографических факторов вообще и роста численности населения в целом и молодого населения в частности относительно таких стран, как Ангола, Габон, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, ДРК, Кот-д'Ивуар, Малави, Нигер, Нигерия, Республика Конго, Сьерра-Леоне, Того, Замбия, Зимбабве, Экваториальная Гвинея, Эритрея – хотя многие из этих стран, как было отмечено в первом разделе настоящей статьи, возглавляют перечень стран региона по ожидаемому относительному (Нигер, Ангола, ДРК, Замбия) и абсолютному (Нигерия, ДРК, Ангола, Нигер) приросту численности населения.

В целом среди всех стран демографическое давление напрямую названо фактором риска (среди других факторов) лишь для одной страны – Чада. Еще для нескольких стран упоминаются проблемы, связанные с ростом численности населения в целом и молодежи в частности, однако сам этот рост и его темпы пробле-

мой не признаются. К примеру, в Камеруне сохраняются ограничения в удовлетворении потребностей в образовании, здравоохранении и занятости, они удерживают страну от использования потенциала демографического дивиденда [African Development Bank 2020: 143]. В Бенине отмечаются высокие темпы роста населения (2,8 %) и слабые показатели в плане охвата населения образованием, здравоохранением, социальным обеспечением [*Ibid.*: 138], но связи между этими явлениями не проводится. В Либерии эти факторы рассматриваются исключительно как потенциал для получения демографического дивиденда, реализовать который в настоящее время не позволяют иные, не связанные с демографией факторы (низкий уровень образования и технических навыков, недостаточный человеческий и институциональный потенциал) [*Ibid.*: 162].

Можно отметить, что в некоторых странах демографическое давление на инфраструктуру уже отмечается – хотя и без прямого указания роли именно демографического давления. Так, в Сенегале «экономика сталкивается с ограничениями, связанными с распределением энергии, контролем над водой, развитием базовой инфраструктуры (особенно в сельском хозяйстве) и доступом к земле, что ограничивает производительность и снижает конкурентоспособность» [*Ibid.*: 176]. В Танзании с демографической нагрузкой, по всей видимости, перестает справляться образовательная инфраструктура – зачисление в среднюю школу для молодежи в возрасте 15–24 лет снизилось с 30,0 % до 24,7 % [*Ibid.*: 184].

В целом ряде стран уже отмечается высокая и растущая безработица среди молодежи – в ЦАР около 58 % ищущих работу находятся в возрасте 20–29 лет, в Эфиопии безработица молодежи в городах достигает 25 %, в Мозамбике безработица молодежи в целом достигла уровня 30 %, в Гамбии – 41,5 %, в Эсватини еще выше – 47,4 %. Рост молодежной безработицы фиксируется также в Сенегале и Руанде. Однако крайне редко это явление в явном виде связывается с «молодежными буграми» (лишь для одной страны – Кении – указано, что из-за «молодежного бугра» предложение рабочей силы велико, но навыки и предпринимательская деятельность ограничены, то есть и здесь риски, напрямую связанные с «молодежным бугром», проигнорированы) и ростом абсолютной и относительной численности молодежи.

Пожалуй, в явном виде проблема обозначена всего для двух стран: Мали и Мозамбика. Так, в Мали «в основном молодое население (67 %) растет на 3,1 % в год. Количество рабочих мест, создаваемых каждый год (44 520 рабочих мест), не может поглотить предложение рабочей силы (300 000). Низкая квалификация рабочей силы усугубляется несоответствием между обучением и требованиями рынка труда» [African Development Bank 2020: 166]. Что касается Мозамбика, он «зарегистрировал 20,7 % безработицы в 2015 г., с безработицей среди молодежи на уровне 30 %. ... Низкий уровень квалификации препятствует занятости и производительности, в то время как быстро растущее население повышает уровень безработицы, особенно среди молодежи» [*Ibid.*: 170].

Лишь для Нигерии указано, что высокая безработица может создать социальную напряженность – однако отсутствует указание на темпы роста населения и «молодежный бугор» как факторы, несомненно, способные существенно повысить безработицу, создавая колоссальное давление на рынок труда, который с высокой вероятностью окажется не в состоянии создавать требуемое количество

новых рабочих мест ежегодно. При этом социальная напряженность в самой крупной стране макрорегиона может привести к социально-политической и экономической дестабилизации не только в самой Нигерии, но и во многих менее крупных близлежащих странах, чьи экономики тесно связаны с нигерийской.

Заключение

Таким образом, один из главных международных институтов развития, чьим фокусом внимания является именно Африканский макрорегион, как представляется, в своем анализе перспектив развития африканских стран существенно недооценивает риски, связанные с высокими темпами роста численности населения и уже сформировавшимися «молодежными буграми», которые продолжают расти в ближайшем будущем. Хотя риски, связанные с «молодежными буграми», относятся в первую очередь к социально-политической стабильности, они затрагивают и целый ряд аспектов развития экономики – как минимум потому, что страна с сильными проявлениями социально-политической нестабильности становится значительно менее привлекательной для инвесторов, проявления нестабильности могут негативно влиять на деятельность целых экономических секторов (к примеру, через забастовки или целенаправленное разрушение критической инфраструктуры – электросетей, трубопроводов и т. д.) и уровень жизни населения. Соответственно, упущение из виду рисков, связанных с демографическим давлением и «молодежными буграми», при анализе перспектив развития африканских стран представляется критическим и придает этим перспективам избыточно оптимистический характер, не заостряя внимания на необходимости выработки мер снижения социально-политических рисков, связанных с демографическим давлением и «молодежными буграми» практически во всех странах макрорегиона.

Literature/References

African Development Bank. African Economic Outlook 2019 [Электронный ресурс]. Abidjan : African Development Bank Group, 2019. URL: https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/2019AEO/AEO_2019-EN.pdf (дата обращения/ accessed: 21.03.2019).

African Development Bank. African Economic Outlook 2020: Developing Africa's Workforce for the Future [Электронный ресурс]. Abidjan : African Development Bank Group, 2020. URL: <https://www.afdb.org/en/documents/african-economic-outlook-2020> (дата обращения/ accessed: 21.03.2019).

Collier P., Hoeffler A. Greed and Grievance in Civil War // Oxford Economic Papers. 2004. Vol. 56(4). Pp. 563–595.

Côté I., Mitchell M. I. Deciphering 'Sons of the Soil' Conflicts: a Critical Survey of the Literature // Ethnopolitics. 2017. Vol. 16(4). Pp. 333–351.

Choucri N. Population Dynamics and International Violence: Propositions, Insights, and Evidence. Lexington, MA : Lexington Books, 1974.

Devèze J.-C. Challenges for African Agriculture. Washington, D.C. : Agence Française de Développement and the World Bank, 2011.

Fearon J. D., Laitin D. D. Ethnicity, Insurgency, and Civil War // *American Political Science Review*. 2003. Vol. 97. No. 1. Pp. 75–90.

Fearon J. D., Laitin D. D. Sons of the Soil, Migrants, and Civil War // *World Development*. 2011. Vol. 39(2). Pp. 199–211.

Goldstone J. A. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict // *Journal of International Affairs*. 2002. Vol. 56. No. 1. Pp. 3–21.

Green E. The Political Demography of Conflict in Modern Africa // *Civil Wars*. 2012. Vol. 14(4). Pp. 477–498.

Mesquida C. G., Wiener N. I. Male Age Composition and Severity of Conflicts // *Politics and the Life Sciences*. 1999. Vol. 18(2). Pp. 181–189.

Mitchell M. I. Migration, Sons of the Soil Conflict, and International Relations // *International Area Studies Review*. 2018. Vol. 21(1). Pp. 51–67.

Newman C. *et al.* Made in Africa: Learning to Compete in Industry. Washington, D.C. : The Brookings Institution, 2016.

OECD *et al.* African Economic Outlook 2013: Structural Transformation and Natural Resources [Электронный ресурс]. Paris : OECD Publishing 2013. URL: <https://doi.org/10.1787/аео-2013-ен> (дата обращения/ accessed: 21.03.2019).

Radelet S. Emerging Africa: How 17 Countries are Leading the Way. Washington, D.C. : Center for Global Development, 2010.

Staveteig S. The Young and the Restless: Population Age Structure and Civil War // Environmental Change and Security Project Report. 2005. Vol. 11. Pp. 12–19.

Taylor I. Dependency Redux: Why Africa is not Rising // *Review of African Political Economy*. 2016. Vol. 43(147). Pp. 8–25.

Urdal H. A Clash of Generations? Youth Bulges and Political Violence // *International Studies Quarterly*. 2006. Vol. 50. No. 3. Pp. 607–629.

World Population Prospects 2019. Total Population – Both Sexes / United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Dynamics [Электронный ресурс]. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (дата обращения/ accessed: 21.03.2019).

Yes Africa Can : Success Stories from a Dynamic Continent / ed. by P. Chuhan-Pole, M. Angwafo. Washington, D.C. : The International Bank for Reconstruction and Development & The World Bank, 2011.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЭКОЛОГИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМся МИРЕ

Лисеев И. К.*

Статья посвящена анализу глобализации экологической науки под влиянием глобализационных тенденций современного мирового развития. Показано, что глобализирующийся мир ведет к появлению новых направлений науки, к расширению предмета науки в уже существующих научных направлениях. Обосновывается, почему экология как биологическая наука со своим устоявшимся предметом и методами исследования дополняется социальной и другими направлениями экологии. Рассматриваются трансформации предмета различных направлений экологии, законы и закономерности их функционирования. Анализируются основные идеи отечественных ученых, изучающих эти проблемы: Э. В. Гирусова, В. А. Кобылянского, Ю. В. Трусова, Е. Т. Фаддеева, Э. С. Кульпина. Показано, как экология человека, формирующаяся в рамках общей большой экологии, становится центром, стимулирующим научно-практические и фундаментальные экологические проблемы. Выявляется вклад В. П. Казначеева в развитие этих идей. Ставится вопрос о необходимости трактовки глобализированной экологии в русле современной всеобщей организационной теории.

Ключевые слова: экология, биоэкология, социальная экология, экология человека, глобализация, натурсоциоэкосистема, экологическое взаимодействие, экологическое производство, экологическая антропология.

The article is devoted to the analysis of globalization of environmental science under the influence of globalization trends of modern world development. It is shown that the globalizing world brings the emergence of new areas of science, to the expansion of the subject of science in existing scientific areas. It justifies why ecology as a biological science with its well-established subject and research methods is complemented by social and other areas of ecology. Transformations of the subject of various areas of ecology, laws and patterns of their functioning are considered. The basic ideas of Russian scientists studying these problems are analyzed, namely, of E. V. Girusov, V. A. Kobylyansky, Yu. V. Trusov, E. T. Faddeev, E. S. Kulpin. It is shown how human ecology, which is being formed within the framework of a general large ecology, becomes a center that stimulates scientific, practical and fundamental environmental problems. The author reveals the contribution of V. P. Kaznacheev to the development of these ideas. And he also raises the question of the necessity to interpret globalized ecology in line with the modern universal organizational theory.

---

* Лисеев Игорь Константинович – д. ф. н., профессор, действительный член РАЕН и РЭА, г. н. с. Института философии РАН. E-mail: lik6841@mail.ru.

Keywords: *ecology, bioecology, social ecology, human ecology, globalization, natural-socioecosystem, environmental interaction, environmental production, environmental anthropology.*

Молодое российское государство, возникшее на рубеже XX и XXI вв., настойчиво ищет собственный путь цивилизационного развития. Задача эта, с одной стороны, очевидна, с другой стороны, весьма сложна: надо учесть многовековую традицию былой российской государственности, воспринять мировой опыт цивилизационного развития и при этом найти свой эксклюзивный цивилизационный выбор, отвечающий традиции и вызовам современности. Путь здесь широк и многообразен, но одна из основных задач при этом – обратиться к исторической памяти наших предшественников и разобраться с проблемами сегодняшнего дня. Безусловно, осознать их можно только на основе глубокой философской рефлексии.

Иммануил Кант, размышляя о принципах, лежащих в основании человеческого познания, полагал, что существует два типа подобных принципов: конститутивные и регулятивные. Конститутивные принципы отражают реальную онтологическую предметность, фактологические эмпиричные формы бытия сущего. Регулятивные – выступают как стратегические предпосылки для формирования научно-исследовательских программ, обеспечивают инновационную функцию в познании фундаментальных социальных и природных закономерностей [Кант 1998].

История развития науки раскрыла возникновение и функционирование различных регулятивных принципов, на основе которых организовывалось научное знание, возникла соответствующая картина мира. Среди них – регулятивы целостности, развития, системности. Во второй половине XX в. ведущим становится регулятив организации. Он ориентирует на исследование высочайшей и все возрастающей взаимозависимости и взаимосвязи экономик различных стран мира, изучение единой системы мирохозяйственных связей планетарного масштаба, геополитические и конфессиональные проявления глобализации. Но не только на это. Глобализирующийся мир предъявляет требования также к пониманию процесса роста и накопления научного знания, появлению новых направлений науки или расширению традиционного понимания предмета уже существующих научных направлений.

Ярчайшим примером функционирования подобного регулятива стала осуществленная буквально на глазах ныне живущего поколения глобализация предмета такой науки, как экология. Экология как закономерная отрасль биологической науки – относительно молодая наука, насчитывающая чуть более 150 лет своего существования. Э. Геккель в 1866 г. предложил термин «экология» для определения науки, изучающей всеохватность отношений между видами живых существ и окружающей их органической и неорганической средой [Naaskel 1866]. Целью экологии как науки с этого времени стало формулирование принципов законов и закономерностей совместного существования организмов в среде их обитания. Таким образом, можно сказать, что экология выступает прежде всего как наука об организации. Формулировки же этой новой науки весьма заметно расходились. Данила Ж. Маркович определяет экологию как науку, предметом изучения которой является отношение живых существ к их среде, их взаимоотношения в среде и влияние среды на живые существа [Маркович 1991: 6].

Ю. Одум в своей фундаментальной монографии «Основы экологии» делит экологию на аутэкологию и синэкологию.

Аутэкология изучает индивидуальные организмы или отдельные виды. При этом особое внимание уделяется жизненным циклам и поведению как способам приспособления к среде. Синэкология изучает группы организмов, составляющих определенные единства [Одум 1975].

В дальнейших исследованиях в понимании структуры экологии как биологической науки, как правило, закрепилось ее трехчастное деление. К аутэкологии и синэкологии добавилось понимание экологии не как биогеоценологии, которая выступает как учение об экосистемах: биоценозах, геоценозах в их единстве и взаимоотношениях [Реймерс 1992].

Таким образом, биоэкология сформировала свой предмет и методы анализа, разработала понятийный аппарат и стала успешно разрабатывать свою сферу исследования живой природы. Но уже с первых шагов развития этой отрасли науки стало нарастать понимание того, что биоэкология – это не обычная естественная наука, а наука синтетическая, которая не может существовать без объединения естественной и гуманитарной науки. Ибо объекты ее изучения теснейшим образом связаны как с закономерностями развития живой природы, так и с социальными закономерностями антропогенного пресса хозяйствующих субъектов. Все яснее и все настоятельнее стала звучать идея о необходимости расширения предмета экологии и на закономерности взаимодействия природы и общества. Одними из первых о подобном расширении заговорили американские социологи из Чикагской социологической школы в двадцатые годы XX в. (Э. Берджесс, Р. Парк и др.). Это вызывалось необходимостью понимания воздействия техногенно урбанизированной среды обитания человека на жизнь человека в обществе.

В Советском Союзе последовательным сторонником формирования социальной экологии стал Э. В. Гирусов. С его точки зрения предметом социальной экологии становится изучение взаимодействия общества с глобальной природной средой во всем многообразии ее антропогенных преобразований. Социальная экология разрабатывает теорию нормализации этого взаимодействия и предотвращения опасного для общества разрушения биосферы. Одной из главных задач социальной экологии является разработка предельно допустимых биосферой нормативов природопользования, от выбросов загрязняющих веществ и исходящего тепла и вплоть до количества изымаемых из природы ресурсов [Гирусов 2006: 1160].

В социальной экологии изучается воздействие производственной деятельности человека на состав и свойства окружающей среды. Причем среды не только природной, но и социальной: города, заводы, вся инфраструктура хозяйственной деятельности. Раскрытие этих закономерностей и законов развития индустриального общества в их воздействии на природную и социальную среду – также одна из важнейших задач социальной экологии.

В. А. Кобылянский, размышляя о проблеме выявления взаимной связи природы и общества, полагал, что взаимоотношения природы и общества способствуют формированию новой особой области знаний, основной задачей которой должны стать создание развернутой теоретической картины взаимодействия природы

и общества и выработка на этой базе научно обоснованных рекомендаций по оптимизации указанного взаимодействия [Кобылянский 1983: 31].

В своих работах, посвященных исследованию данной проблемы, В. А. Кобылянский анализирует такую сложную систему, каковой выступает ныне натурсоциосистема как единство и взаимодействие природы и общества. Он рассматривает каждый из аспектов этой системы по отдельности и в их единстве; раскрывает характер функционирования природы как области действия слепых, бессознательных сил и специфику очеловеченной природы; показывает зависимость очеловеченно-природного процесса от действия стихийных сил природы. В контексте исследования натурсоциосистемы обозначает принципиально неприродный характер общественных отношений и рассматривает проблемы развития и гармонизации общественной жизни. Весь этот накопленный и проанализированный материал дает возможность автору перейти к рассмотрению единства, взаимопроникновения и соподчиненности природы и общества, что дает возможность доказать целостность этого процесса.

Действительная потребность в социальной экологии как качественно особой («социоестественной») науке возникает только тогда, когда объектом исследования выступает само взаимодействие природы и общества, реально осуществляющееся в деятельности людей. Именно социальная экология одновременно должна стать и «естественной» наукой о человеке, и «общественной» наукой о природе, то есть она должна стать пограничной наукой между дисциплинами сугубо естественного и общественного цикла. Она должна быть единой наукой в том смысле, что природное и общественное отражается ею в непосредственном единстве, слитности, как такое особое специфическое явление, которое имеет однокачественный природно-общественный характер [Его же 2004: 269–270].

Продолжая разрабатывать проблематику социальной экологии, отечественные ученые обращают все большее внимание на необходимость ухода от чисто эмпирического материала к поиску общетеоретических оснований становления этой новой отрасли науки. Ю. В. Трусов приходит к выводу, что экологическое взаимодействие – это взаимодействие центрального объекта системы и окружающей его среды. Экологический подход – не конкретная наука, а своего рода способ ориентирования в объективном мире, который может быть применен к рассмотрению любых систем.

В общественном виде экология может быть определена как наука об экологических взаимодействиях. Она должна иметь определенные философско-методологические основы, аппарат общих экологических понятий и законов. Должны быть выявлены предельные философско-методологические основания общей экологической теории. Любой «центральный» объект в экосистеме с термодинамической точки зрения – существенно открытая ее подсистема, способная к прогрессивному развитию.

Экологический подход, выявляемый в своем общенаучном и философском значении, побуждает к исследованию конкретных особенностей и значений экологического взаимодействия в различных сферах и проявлениях материального мира.

Все составляющие окружающей среды, с которыми взаимодействует центральный объект, являются экологическими факторами, обуславливающими существование данного центрального объекта.

Основной принцип экологии: существование и реальные возможности и формы проявления «центрального» объекта существенно зависят от целого комплекса экологических факторов, качественных и количественных характеристик [Трусов 1983: 79–93].

Когда начинается обсуждение проблем социальной экологии, тогда речь идет о взаимоотношениях с окружающей средой именно общества, человечества, то есть социального образования. Поэтому представляется необходимым во всем комплексе усилий, направляемых на выработку требуемой жизнью глобально-экологической стратегии, не упустить и особых социально-производственных аспектов. Е. Т. Фаддеев выносит на обсуждение проблему экологического производства. Он пишет, что в обществе нельзя отказаться от материального производства. Возврат к его прежним допромышленным стадиям бессмыслен. Развитие производства вызывает и развитие самого человека. Идея отказа от развития материального производства утопична и антигуманна.

Продолжение роста производства закономерно. По мере роста производственной сферы возникает надобность в новых формах и методах ее организации, изобретаются новые орудия и средства, позволяющие создавать, воспроизводить и развешивать эти формы и методы. Рост и расширение производства ведет к удлинению фронта соприкосновения человека с природой, что стимулирует создание новых технологий, отраслей и видов трудовой деятельности.

Экологизация производства – это подчинение производства ряду конкретных экологических ограничений: безотходные технологические циклы, экологически безвредная техника, рациональное использование ресурсов и др.

На основе своих теоретических размышлений автор предлагает некоторые контуры экологического производства как отрасли производства, призванной создать небывалые ранее средства для жизни и работы людей, отличные от данных природой и отвечающие новым нуждам прогрессирующего общества. Это нечто противоположное экологизации, которая направлена на приспособление производственной сферы к определенным экологическим требованиям. Экологическое производство, полагает Е. Т. Фаддеев, это преобразование целостных природных комплексов, выступающих в качестве сред от макро- до мегауровней [Фаддеев 1983: 288–309].

Вполне естественно, что подобные проекты выглядят ныне весьма утопично. Высшим достижением на данном этапе представляется хотя бы гармонизация отношений развивающегося индустриального общества и изменяемой им природы.

Интересным развитием идей социальной экологии является направление исследования проблем социоестественной истории, созданное Э. С. Кульпиным-Губайдуллиным. С 1992 г. он проводил ежегодные международные конференции «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории». Человек на этих конференциях рассматривался как часть системы «неживая природа – живая природа – общество». Полагая эту систему единой, последователи Э. С. Кульпина искали единые принципы этой системы и вытекающие из них законы, определяющие характер ее функционирования [Кульпин 2008].

Наконец, третьей составляющей формирующейся ныне большой экологии становится экология человека. Предмет ее изучения – взаимодействие человека и среды его обитания. Экология человека выступает как комплексное междисциплинарное направление, изучающее пути и закономерности воздействия на человека среды его обитания и формы адаптации человека к воздействиям внешней среды.

Пионерные разработки этой проблематики в отечественной науке были проведены академиком АМН В. П. Казначеевым. Экология человека, по его мнению, есть комплексная наука, призванная изучать закономерности взаимодействия людей с окружающей средой, вопросы развития народонаселения, сохранения и развития здоровья людей, совершенствования физических и психических возможностей человека [Проблемы... 1986: 141]. Экология человека в настоящее время все более становится центром, вокруг которого группируются фундаментальные и научно-практические проблемы исследования как глобальной, так и региональных экологий. В этой связи весьма ценным становится соображение В. П. Казначеева о том, что учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу получает значение теоретического естественно-научного фундамента как экологии человека, так и космической антропологии [Казначеев 1985: 79]. Ибо биосферные и техносферные системы, защищающие людей от действия космических факторов, свидетельствуют о дальнейшем качественно новом развитии экологии человека, выходящей на космический уровень, превращающейся в важнейший раздел комплексной науки – космической антропоэкологии. Таким образом предмет экологии человека также глобализируется, включая в себя, кроме вышеназванных, направления, изучающие закономерности адаптации человека к условиям среды, воздействие на человека природных констант (климатических, температурных, атмосферных, высотных и др.), направления, изучающие воздействие на человека генетических, психологических и культурных особенностей его развития. Но и это еще не все. В проблематику экологии человека в последние годы активно включается проблема перестройки разума человека под воздействием компьютерных и коммуникационных технологий. Человечество, пишет Е. В. Петрова, «должно научиться вырабатывать новые адаптационные механизмы или пытаться как-то видоизменить уже существующие, чтобы успешно адаптироваться в среде, пронизанной новыми технологиями. Причем речь идет как о социальной, так и о природной адаптации, т. к. эти процессы нераздельно связаны. Процесс адаптации – целостный процесс, и природная и социальная стороны могут быть выделены в нем как аспекты, взаимосвязь которых можно анализировать, но четко разграничить, разорвать их нельзя, да и не нужно» [Философия... 2018: 46].

Этот анализ вновь возникающих ныне региональных экологий можно продолжить и дальше. Сейчас говорят об экологии культуры, экологии творчества, экологии духа и т. д. Но это мало что дает в концептуальном плане. Во всех этих региональных направлениях практически изучается взаимодействие центрального объекта исследования и среды его существования. Это все нужные, полезные исследовательские направления, но недостаточные для полного выявления всеобщих организационных принципов взаимодействия объекта и среды его обитания в рамках всеобщей концепции.

История науки знает немало примеров таких обобщающих концепций. Это и кибернетика Н. Винера и его последователей, и общая теория систем Л. фон Бергаланфи, и синергетика Г. Хакена, и диатропика С. В. Мейена. В начале XX в. А. А. Богданов создал свою всеобщую организационную науку, тектологию, где, опередив свое время, сформулировал основные принципы организации систем [Богданов 1989].

Это было гениальное прозрение, но исполненное все же в соответствии с возможностями того времени.

Ныне глобализировавшаяся под влиянием запросов нашего времени экология требует своего осознания и в рамках современной организационной теории. Попытки поиска таких теоретических обобщений ведутся и в нашей стране, и за рубежом. Изложенный выше материал также свидетельствует об этом. Но все это еще только подходы к созданию новой организационной теории, которая приведет к пониманию возникновения и функционирования инновационных порождающих механизмов современной организационной структуры мира.

Литература

Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука: в 2 кн. М. : Экономика, 1989.

Гирусов Э. В. Экология социальная // Глобалистика. Международный энциклопедический словарь. М.; СПб.; Нью-Йорк, 2006.

Казначеев В. П. Учение о биосфере. М. : Знание, 1985.

Кант И. Критика чистого разума. М. : Наука, 1998.

Кобылянский В. А. К проблеме разграничения и выявления взаимной связи природы и общества // Философские проблемы глобальной экологии. М. : Наука, 1983.

Кобылянский В. А. Философия социозкологии. Новосибирск, 2004.

Кульпин Э. С. Социоестественная история – ответ на вызовы времени // Историческая психология и социология истории. 2008. № 1. С. 196–207.

Маркович Д. Ж. Социальная экология. М. : Просвещение, 1991.

Одум Ю. Основы экологии. М. : Мир, 1975.

Проблемы экологии человека / под ред. В. П. Казначеева. М. : Наука, 1986.

Реймерс Н. Ф. Концептуальная экология. М. : Россия молодая, 1992.

Трусов Ю. П. О предмете и основных идеях экологии // Философские проблемы глобальной экологии. М. : Наука, 1983.

Фаддеев Е. Т. Проблемы экологического производства // Философские проблемы глобальной экологии. М. : Наука, 1983.

Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий / под ред. И. К. Лисеева. М.; СПб., 2018.

Haackel E. *Generelle Morphologie der Organismen*. Berlin, 1866.

References

Bogdanov A. A. *Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka: v 2 kn.* [Tectology: General Organizational Science: in 2 vols.]. Moscow : Ekonomika, 1989.

Girusov E. V. *Ekologiya sotsial'naya* [Social Ecology] // Global Studies. International Encyclopedic Dictionary. Moscow; St. Petersburg; New York, 2006.

Kaznacheyev V. P. *Ucheniye o biosphere* [The Doctrine of the Biosphere]. Moscow : Znaniye, 1985.

Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Criticism of Pure Reason]. Moscow : Nauka, 1998.

Kobylyansky V. A. *K probleme razgranicheniya i vyyavleniya vzaimnoy svyazi prirody i obshchestva* [To the Problem of Delimiting and Revealing the Mutual Connection of Nature and Society] // *Filosofskiye problemy global'noy ekologii* [Philosophical Problems of Global Ecology]. Moscow : Nauka, 1983.

Kobylyansky V. A. *Filosofiya sotsioekologii* [Philosophy of Socioecology]. Novosibirsk, 2004.

Kul'pin E. S. *Sotsioyestestvennaya istoriya – otvet na vyzovy vremeni* [Socio-natural History – an Answer to the Challenges of Time] // *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 2008. No. 1. Pp. 196–207.

Markovich D. J. *Sotsial'naya ekologiya*. [Social Ecology]. Moscow : Prosveshcheniye, 1991.

Odum Yu. *Osnovy ekologii* [Fundamentals of Ecology]. Moscow : Mir, 1975.

Problemy ekologii cheloveka [Problems of Human Ecology] / ed. by V. P. Kaznacheyev. Moscow : Nauka, 1986.

Reimers N. F. *Kontseptual'naya ekologiya* [Conceptual Ecology]. Moscow : Rossiya molodaya, 1992.

Trusov U. P. *O predmete i osnovnykh ideyakh ekologii* [On the Subject and Basic Ideas of Ecology] // *Filosofskiye problemy global'noy ekologii* [Philosophical Problems of Global Ecology]. Moscow : Nauka, 1983.

Faddeyev E. T. *Problemy ekologicheskogo proizvodstva* [Problems of Ecological Production] // *Filosofskiye problemy global'noy ekologii* [Philosophical Problems of Global Ecology]. Moscow : Nauka, 1983.

Filosofiya sotsioprirodnogo vzaimodeystviya v vek konvergentnykh tekhnologiy [The Philosophy of Social-Natural Interaction in the Age of Convergent Technologies] / ed. by I. K. Liseev. Moscow; St Petersburg, 2018.

Haackel E. *Generelle Morphologie der Organismen*. Berlin, 1866.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЫНКА КРИПТОВАЛЮТ

Мосакова Е. А.*

В статье исследуются состояние криптовалютного рынка, его региональные особенности, а также перспективы развития. Изучены основные подходы к определению криптовалют, динамика развития рынка криптовалют. Особое внимание уделено вопросам регионального регулирования криптовалюты и деятельности, связанной с ней. Обосновывается вывод о том, что в среднесрочной перспективе криптовалюта может претендовать на роль мировой валюты и заменить фиатные деньги.

Ключевые слова: криптовалюта, биткоин, блокчейн, криптоиндустрия, капитализация рынка криптовалют, регулирование рынка криптовалют, фиатные деньги, национальная валюта.

The article investigates the state of the cryptocurrency market, its regional peculiarities and potential development. The author studies the approaches to the definition of cryptocurrencies and developmental dynamics of the cryptocurrency market. The special focus is put on the issues of regional cryptocurrency regulation and related activities. The conclusion is substantiated that in the medium-term period the cryptocurrency could fulfil a role of the world currency and replace fiat money.

Keywords: cryptocurrency, bitcoin, blockchain, crypto industry, cryptocurrency capitalization, cryptocurrency market regulation, fiat money, national currency.

Глобализация мировой экономики и развитие IT-технологий в финансовой сфере сделали возможным возникновение нового вида денег – криптовалют – и их последующее стремительное распространение по всему миру. Так, первая криптовалюта (BTC, биткоин) была сгенерирована лишь десятилетие назад – 3 января 2009 г. Но уже сегодня операции с криптовалютами проводятся на биржах, в обменных пунктах и на многих ресурсах в Интернете. Однако национальное законодательство и само общество не успевают за активным развитием информационных технологий. Как следствие, проблема слишком быстрого роста криптоиндустрии выходит на первый план экономической повестки дня многих стран мира.

Появление криптовалют обусловлено созданием технологии блокчейн¹, которая обладает значительными преимуществами, позволяющими криптовалюте

---

* Мосакова Елизавета Александровна – к. э. н., доцент кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: liza-vetam@mail.ru.

¹ Технология блокчейн – вечный цифровой распределенный журнал экономических транзакций, который может быть запрограммирован для записи не только финансовых операций, но и любой информации, имеющей ценность для акторов цифровой экономики.

претендовать на роль мировой валюты в среднесрочной перспективе. К числу наиболее значимых достоинств технологии блокчейн следует отнести, во-первых, защищенность от неправомерного воздействия со стороны третьих лиц или участников сети. Во-вторых, низкие издержки при использовании в качестве платежной системы. В-третьих, снижение стоимости хранения информации. В-четвертых, решение «проблемы безбилетника».

Определение «криптовалюта» произошло от двух слов: криптография и валюта, то есть это валюта, основанная на принципах криптографии. Соответственно, сущность криптовалюты – это код, зашифрованный таким образом, чтобы каждая монета была уникальной. Для того чтобы совершить финансовую операцию, нужно передать этот хешированный код монеты получателю. Хранятся такие деньги либо в виртуальных кошельках, либо в программах-кошельках, установленных на компьютере.

Вопросам появления и функционирования криптовалют в экономической литературе посвящены немногочисленные научные работы, несмотря на чрезвычайную актуальность данной проблематики. К числу исследователей в этой области следует отнести: В. К. Шайдуллину, Д. Д. Буркальцева, Ю. Н. Воробьева, Д. А. Кочергина, Д. С. Вахрушева, О. В. Железова, П. Винья, М. Кейси, П. Вигна, Д. Тэпскотта, Н. Поппера, С. Хобермана и др.

Вследствие малой изученности криптовалют как финансово-экономической категории единое определение мировое научное сообщество пока не выработало [Naumenko, Fakhrutdinova 2019]. Сегодня существует три основных подхода к определению:

– цифровой, в рамках которого выделяется цифровое выражение стоимости: криптовалюта – это «цифровое выражение стоимости, которая может покупаться или продаваться в цифровой форме и функционировать в качестве: средства обмена; счетной единицы; средства сохранения стоимости, но не имеет законного статуса в какой-либо юрисдикции» [Kochergin 2017].

В частности, эксперты ФАТФ² (FATF) определяют виртуальную валюту как «цифровое представление ценности, которое не имеет статуса законного платежного средства ни в одной из юрисдикций» [Обзор... 2017]. Она не эмитируется и не гарантируется ни одним государством;

– бухгалтерский, в рамках которого криптовалюта выступает как финансовый актив, подлежащий финансовому учету. Так, в России, согласно проекту ФЗ РФ «О цифровых финансовых активах», «криптовалюта – это вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций» (ст. 2) [Проект... 2018];

– макроэкономический, в рамках которого криптовалюты рассматриваются как электронные деньги, функционирующие в децентрализованной платежной системе. Криптовалюта – это особая разновидность электронных денег, функционирование которых основано на децентрализованном механизме эмиссии и обра-

---

² ФАТФ – группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег. Членами ФАТФ являются 35 государств, в том числе и Россия.

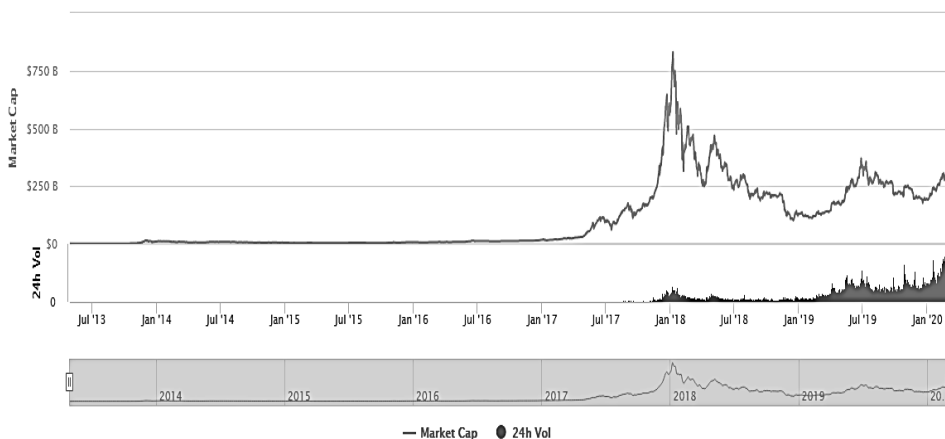
щении, представляющих собой сложную систему информационно-технологических процедур, построенных на криптографических методах защиты, регламентирующих идентификацию владельцев и фиксацию факта их смены [Vakhrushev, Zhelezov 2014].

В целом криптовалюту сегодня можно определить как электронный (цифровой) механизм финансово-экономического обмена, виртуальный цифровой актив, по которому эмиссия и учет транзакций происходят в рамках распределенной компьютерной сети.

Сегодня существует значительное количество видов криптовалют. Наиболее распространенными являются: биткоин (Bitcoin), эфириум (Ethereum), риппл (Ripple), биткоин кэш (Bitcoin Cash), литкоин (Litecoin), кардано (Cardano), нео (NEO), стеллар (Stellar), монеро (Monero).

Суммарная капитализация рынка криптовалют всего за одно десятилетие увеличилась до отметки 263,566 млрд долларов³. Однако в настоящее время на них приходится менее 0,1 % от стоимости наличных денег и ценных бумаг. В ближайшие десять лет данный показатель увеличится как минимум до 1 %, а по отдельным прогнозам – даже до 4 %.

Наиболее значительный рост данного рынка наблюдался в 2017 г., в течение которого объемы рынка увеличились почти в 50 раз – с 17,7 до 828 млрд долларов. Однако уже в следующем году произошла рецессия, и капитализация рынка сократилась до отметки 100 млрд долларов. В дальнейшем наблюдались лишь небольшие колебания рынка криптовалют (рис. 1).

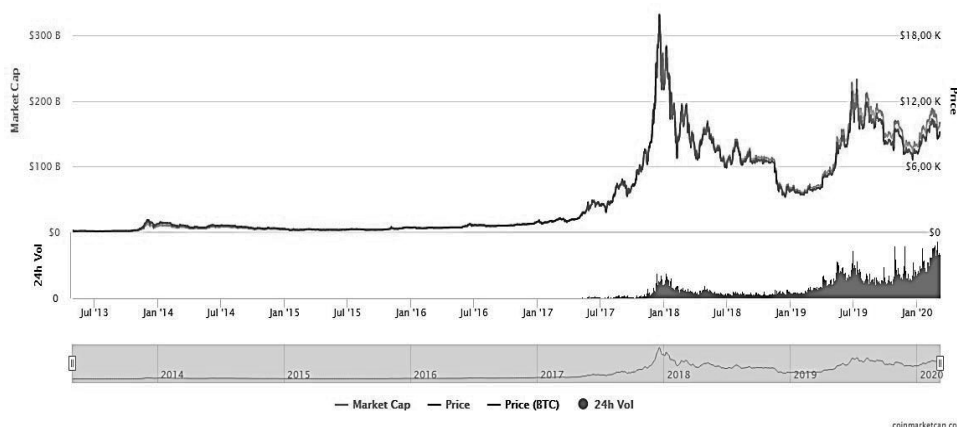

Рис. 1. Суммарная капитализация рынка криптовалют, 2013–2020 гг.

Источник данных: Cryptocurrency Market Capitalization 2020 [Суммарная...].

Динамика курса наиболее распространенной криптовалюты – биткоина (Bitcoin, BTC) – повторяет динамику развития рынка криптовалют в этот период (рис. 2).

³ По состоянию на 7 марта 2020 г.

Рис. 2. Курс криптовалюты биткоин (BTC), 2013–2020 гг.

Источник данных: Cryptocurrency Market Capitalization 2020 [Курс...].

Так, если в январе 2017 г. биткоин стоил чуть менее 1 000 долларов, то уже к январю 2018 г. его курс вырос более чем в 10 раз и колебался в диапазоне 10 000–13 000 долларов. Но уже в следующем году курс биткоина начал стремительно падать и к январю 2019 г. составил 4 000 долларов. Далее наблюдался период относительной стабильности – в январе 2020 г. биткоин стоил чуть более 9 000 долларов [Курс...].

Анализ рынка криптовалют на страновом уровне показывает, что существование разных подходов к определению статуса криптовалюты обуславливает отсутствие единой позиции по вопросам регулирования криптовалюты и связанной с ней деятельности. Поэтому регулирование операций с ней постоянно развивается. Так, в середине 2014 г. ФАТФ был опубликован доклад о криптовалютах, в котором впервые была поднята проблема необходимости регулирования криптовалют со стороны правительств. Направления развития регулирования данного рынка во многом сегодня обусловлены проблемами, касающимися применения криптовалют в теневом секторе экономики [Демидов 2015].

В рамках этого возможно разделение стран современного глобального мира на три группы: страны, принимающие криптовалюту; страны, не принимающие криптовалюту; страны, частично принимающие/запрещающие криптовалюту.

Страны, принявшие криптовалюту, активно пользуются инновациями и новыми технологиями, стремительно развивают свою товарно-денежную систему, выходят на новый экономический порядок и международную торговую площадку. Однако внутри данной группы стран трактовка криптовалют как финансово-экономической категории значимо различается: в Германии это финансовый инструмент (средство оплаты); в США – товар; в Гонконге и Вьетнаме – виртуальный товар; в Швеции – финансовый актив (но не деньги); во Франции это деньги (биткоин) и др.

Особо стоит отметить Венесуэлу, которая стала первой и пока единственной страной в мире, выпустившей свою национальную криптовалюту. В отсутствие наличных денег криптовалюта стала удобным средством оплаты товаров и услуг.

Более того, в результате финансовой реформы, проведенной венесуэльским правительством 20 августа 2018 г., произошло революционное событие – национальная валюта (суверенный боливар) впервые в мире оказалась привязана к национальной криптовалюте (петро).

По данному пути собирается идти и Япония, которая сегодня является эпицентром криптовалютных бирж, ведущим центром криптовалютного механизма: оборот цифровой валюты в стране достигает 60 % мирового объема торгов для биткоинов. Во многом лидерские позиции в этой области обусловлены тем, что в Японии сегодня активно формируется прочная законодательная база для развития криптовалютного процесса. Правительство страны настроено крайне положительно относительно нового финансового инструмента и готово продолжать разрабатывать методы более удобного пользования и внедрения его в повседневную жизнь граждан.

Так, к середине 2020 г. японский банковский холдинг планирует запустить свою собственную национальную криптовалюту J-Coin, стоимость которой будет также привязана к национальной валюте – японской иене.

Следует отметить и Великобританию, которая выбрала свой путь развития, отличный от ЕС, и которая является экономически привлекательной страной для активного развития криптоиндустрии. Кроме того, отдельные острова Соединенного Королевства выступают «налоговыми гаванями» для криптовалютной деятельности.

Наиболее благоприятные условия для развития криптоиндустрии на своей территории создает и Швейцария. В частности, правительство не планирует вводить особые правила для криптовалют или вносить изменения в действующее финансовое законодательство [Ethereum... 2016].

К числу стран, частично принимающих криптовалюту, следует отнести ОАЭ, Тайвань, Вьетнам, Таиланд, Эстонию, Белоруссию и др. Так, например, в Катаре и Бахрейне государство запрещает гражданам участвовать в любых видах деятельности, связанных с криптовалютами, на местном уровне, но позволяет делать это за пределами своих границ.

В Индонезии существует запрет на использование обязательств в криптовалюте в качестве платежных инструментов. Но при этом торговля и добыча криптовалют остаются под госконтролем.

В целом страны, регулирующие криптовалютную деятельность и непосредственно сам рынок криптовалют, хотя и проводят, казалось бы, разную политику регулирования, но на самом деле цель у всех одна – борьба с незаконной легализацией денежных средств с помощью криптовалют, а также с финансированием терроризма посредством цифровых денег.

Запрет на любые транзакции в виртуальных валютах запрещены в Боливии, Бангладеш, Эквадоре, Киргизии, Иордании, Непале, Малайзии, Алжире. В частности, в таких странах, как Египет, Марокко, Пакистан, криптовалютная деятельность запрещена по религиозным мотивам как противоречащая устоям ислама.

Наиболее ярким примером является Китай, в котором располагается 80 % от мировых майнинговых мощностей. И несмотря на это, Китай занимает самую строгую позицию по отношению к криптовалютам среди всех стран мира.

Впервые власти Китая обратили внимание на криптовалюты еще в декабре 2013 г. Народный банк КНР вынес рекомендации торговым компаниям не использовать криптовалюту, но в то же время разрешил ее для частных лиц, а банкам и другим финансовым организациям строго запретил операции с цифровыми валютами [Bitcoin Gets... 2013]. Позже были закрыты все криптовалютные биржи, находящиеся под юрисдикцией КНР, после чего трейдеры перешли на иностранные платформы.

Осенью 2017 г. правительство КНР выпустило закон, согласно которому криптовалюты регулируются в рамках «виртуальной собственности». Более того, крупным китайским обменникам фиатных денег на цифровые Народный банк Китая разрешил возобновить свою деятельность на территории КНР. Отметим, что небольшие транзакции между физическими лицами никогда не попадали под запрет и в будущем не планируется их запрещать.

В Гонконге, административном районе Китая, вопрос регулирования криптовалюты и деятельности с ней до сих пор не решен. В 2013 г. Управление денежного обращения Гонконга указало, что биткоин – это виртуальный товар, и регулировать его не планируется [Bitcoin not Regulated... 2013]. Как видим, законодательство Гонконга не содержит специальных норм относительно операций с криптовалютой.

Таким образом, можно предположить, что криптовалютная деятельность в Китае носит временный характер, до момента разработки законодательства по ее регулированию.

Однако важно отметить, что некоторые страны, в которых ранее действовал запрет, его отменили и начали разработку законодательства относительно регулирования рынка криптовалют. Это касается, например, таких стран, как Малайзия, Нигерия и Таиланд.

Одной из наиболее обсуждаемых сегодня тем как на национальном, так и на международном уровне является перспективы развития криптовалютного рынка. Так, согласно оценкам экспертов, к 2027 г. 10 % всего мирового ВВП будет храниться в сетях блокчейн.

В целом при оценке перспектив развития криптовалют на примере биткоина используется несколько подходов.

Одним из таких подходов является предположение о том, что биткоин поглощает спрос на золото. В соответствии с этой моделью стоимость биткоина к 2022 г. может составлять от 20 000 до 55 000 долларов. В настоящее время рыночная стоимость золота превышает стоимость биткоина более чем в сто раз. Но в связи с тем, что многие столетия ведется интенсивная добыча золота, его предложение постепенно увеличивается, в то время как предложение биткоина всегда стабильно – максимально может быть добыт 21 млн биткоинов. Тем самым создается значительная нагрузка на биткоин, что создает условия для дальнейшего роста его цены.

Другой подход заключается в применении к курсу биткоина принципа закона Мура [Малькова 2018]. Так, академик Гарвардского университета (США) Д. Порто выявил, что закон Мура применим и к курсу биткоина. Соответственно, при сохранении текущего положения к февралю 2021 г. цена одного биткоина будет составлять больше 100 000 долларов [Чос 2018].

Согласно прогнозам МВФ до 2040 г., рынок криптовалют в дальнейшем будет активно развиваться и к 2025 г. его капитализация достигнет 110 трлн долларов, а к 2040 г. – 175 трлн долларов.

Мнения российских экспертов по поводу перспектив развития рынка криптовалют более сдержанные по нескольким причинам. Во-первых, суть цифровой валюты как программного продукта и возможность оперировать ею только через Интернет несут в себе определенные риски [Малькова 2018]. Так, в случае неожиданного отключения сети Интернет или поломки компьютера можно потерять накопления в криптовалюте.

Во-вторых, правительство ни одной страны мира не может оказывать влияние на курс криптовалюты, что, в свою очередь, создает возможности для манипуляций с его курсом, и при этом ни одно государство не будет нести ответственность.

В то же время прогнозируется рост доли основных игроков. Так, наиболее стремительный рост в период 2025–2040 гг. будет наблюдаться в странах ЕАЭС – с 4 % до 20 %, в то время как доля США и Китая стабилизируется (15 % и 20 % соответственно), а доля ЕС даже снизится – с 19 % в 2025 г. до 15 % в 2040 г.

Таким образом, криптовалюта – это новое слово в денежном обращении. Она обладает рядом преимуществ перед фиатными деньгами, что делает возможным ее стремительное распространение по всему миру. Однако до сих пор не выработано определение криптовалюты, а соответственно, нет и единой позиции стран по вопросам ее регулирования.

Тенденции развития криптовалют за текущее десятилетие свидетельствуют о том, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе (несколько десятилетий) криптовалюта имеет огромные шансы стать мировой валютой.

Литература

Демидов О. В. Связанные одним блокчейном: обзор международного опыта регулирования криптовалют // Индекс безопасности. 2015. Т. 21. № 2(113). С. 41–60.

Курс биткоина, 2013–2020 гг. [Электронный ресурс] : Cryptocurrency Market Capitalization. URL: <https://coinmarketcap.com/currencies/bitcoin/> (дата обращения: 07.03.2020).

Малькова Ю. В. Феномен биткоина: регулирование финансовых рынков и прогнозы // Торговая политика. 2018. № 1(13). С. 89–102.

Обзор по криптовалютам, ICO (initial coin offering) и подходам к их регулированию, 2017 (декабрь). [Электронный ресурс] : Официальный сайт ЦБ РФ. 2017. URL: https://cbr.ru/content/document/file/36009/rev_ico.pdf (дата обращения: 09.03.2020).

Проект ФЗ РФ «О цифровых финансовых активах» [Электронный ресурс]: Официальный сайт Министерства финансов РФ. 2018. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810-proekt_federalnogo_zakona_o_tsifrovyykh_finansovykh_aktivakh (дата обращения: 06.03.2020).

Суммарная капитализация рынка криптовалют, 2013–2020 гг. [Электронный ресурс]: Cryptocurrency Market Capitalization. URL: <https://coinmarketcap.com/charts/> (дата обращения: 07.03.2020).

Чос О. А. Блокчейн и криптовалюта в экономике Российской Федерации // Вектор экономики. 2018. № 1(19). С. 23–31.

Bitcoin Gets a Cautious Nod From China's Central Bank [Электронный ресурс] : The New York Times. 2013. November 22. URL: <https://sinosphere.blogs.nytimes.com/2013/11/22/bitcoin-gets-a-cautious-nod-from-chinas-central-bank/> (дата обращения: 07.03.2020).

Bitcoin not Regulated by the Hong Kong Monetary Authority (HKMA) 2013. November 16. URL: <http://news.takungpao.com/paper/q/2013/1116/2042791.html> (дата обращения: 07.03.2020).

Ethereum, a Virtual Currency, Enables Transactions that Rival Bitcoin's [Электронный ресурс] : The New York Times. 2016. March 28. URL: <https://www.nytimes.com/2016/03/28/business/dealbook/ethereum-a-virtual-currency-enables-transactions-that-rival-bitcoins.html> (дата обращения: 07.03.2020).

Kochergin D. A. The Role of Virtual Currencies in the Modern Payment System // St Petersburg University Journal of Economic Studies. 2017. No. 33(1). Pp. 119–140.

Naumenko T. V., Fakhrutdinova L. R. La tecnologia blockchain en América Latina // Iberoamerica. 2019. No. 3. Pp. 28–51.

Vakhrushev S. D., Zhelezov O. V. Cryptocurrency as a Phenomenon of the Modern Information Economy: Problems of Theoretical Comprehension : Science of SCIENCE. 2014. No. 5(24). URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/127EVN514.pdf> (дата обращения: 03.02.2020).

References

Demidov O. V. Svyazannyye odnim blokcheynom: obzor mezhdunarodnogo opyta regulirovaniya kriptovalyut [Associated with One Blockchain: A Review of International Experience in the Regulation of Cryptocurrencies] // Indeks bezopasnosti. 2015. Vol. 21. No. 2(113). Pp. 41–60.

Kurs bitkoina, 2013–2020 gg. [Bitcoin Exchange Rate, 2013–2020] : Cryptocurrency Market Capitalization. URL: <https://coinmarketcap.com/currencies/bitcoin/> (accessed: 03/07/2020).

Mal'kova Y. V. Fenomen bitkoina: regulirovaniye finansovykh rynkov i prognozy [The Phenomenon of Bitcoin: Regulation of Financial Markets and Forecasts] // Torgovaya politika. 2018. No. 1(13). Pp. 89–102.

Obzor po kriptovalyutam, ICO (initial coin offering) i podkhodam k ikh regulirovaniyu, 2017 (Dekabr') : Ofitsial'nyy sayt TSB RF [Overview of Cryptocurrencies, ICO (Initial Coin Offering) and Approaches to Their Regulation, 2017 (December) : Official Site of the Central Bank of the Russian Federation]. URL: https://cbr.ru/content/document/file/36009/rev_ico.pdf (accessed: 09.03.2020).

Proyekt FZ RF «O tsifrovyykh finansovykh aktivakh», 2018 : Ofitsial'nyy sayt Ministerstva finansov RF [Draft Federal Law of the Russian Federation “On Digital Financial Assets”, 2018 : Official Website of the Ministry of Finance of the Russian Federation]. 2018. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810-proekt_federalnogo_zakona_o_tsifrovyykh_f finansovykh_aktivakh. (accessed: 06.03.2020).

Summarnaya kapitalizatsiya rynka kriptovalyut, 2013–2020 gg. [Total Cryptocurrency Market Capitalization, 2013–2020] : Cryptocurrency Market Capitalization. URL: <https://coinmarketcap.com/charts/> (accessed: 07.03.2020).

Chos O. A. Blokcheyn i kriptovalyuta v ekonomike Rossiyskoy Federatsii [Blockchain and Cryptocurrency in the Economy of the Russian Federation] // Vektor ekonomiki. 2018. No. 1(19). Pp. 23–31.

Bitcoin Gets a Cautious Nod From China's Central Bank : The New York Times. 2013. November 22. URL: <https://sinosphere.blogs.nytimes.com/2013/11/22/bitcoin-gets-a-cautious-nod-from-chinas-central-bank/> (accessed: 07.03.2020).

Bitcoin not Regulated by the Hong Kong Monetary Authority (HKMA). 2013. November 16. URL: <http://news.takungpao.com/paper/q/2013/1116/2042791.html> (accessed: 07.03.2020).

Ethereum, a Virtual Currency, Enables Transactions That Rival Bitcoin's: The New York Times. 2016. March 28. URL: <https://www.nytimes.com/2016/03/28/business/deal-book/ethereum-a-virtual-currency-enables-transactions-that-rival-bitcoins.html> (accessed: 07.03.2020).

Kochergin D. A. The Role of Virtual Currencies in the Modern Payment System // St Petersburg University Journal of Economic Studies. 2017. Vol. 33. No. 1. Pp. 119–140.

Naumenko T. V., Fakhrutdinova L. R. La tecnología blockchain en América Latina // Iberoamerica. 2019. No. 3. Pp. 28–51.

Vakhrushev S. D., Zhelezov O. V. Cryptocurrency as a Phenomenon of the Modern Information Economy: Problems of Theoretical Comprehension : Science of SCIENCE. 2014. No. 5(24). URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/127EVN514.pdf> (accessed: 03.02.2020).

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Косиченко А. Г.*

Религиозная идентичность наряду с этнической, гражданской, возрастной и рядом иных идентичностей образует систему взаимосвязанных актов самоопределения человека и общества в целом. Религиозная идентичность хотя и осуществляется в социуме и государстве, но общество и государство – только контекст, в котором реализуется свободный выбор человеком своих отношений с Богом. Влияние глобализации на формирование религиозной идентичности в наибольшей мере проявилось в унификации международного законодательства в религиозной сфере и в экуменизме. В обоих случаях произошло искажение содержания процессов религиозной идентичности, что привело к углублению секуляризации современного мира.

Ключевые слова: человек, религия, глобализация, идентичность, свобода, законодательство, экуменизм.

The religious identity, along with ethnic, civil, age and a number of other identities, forms a system of interrelated acts of self-determination of a person and society in general. The religious identity, although it is realized in society and in the state, but society and the state are only a context in which a person's free choice of the relationship with God is realized. The influence of globalization on the formation of religious identity is most evident in the unification of international legislation in the religious sphere as well as in ecumenism. In both cases, there occurred a distortion of the content of religious identity, which led to the deepening secularization of the modern world.

Keywords: human, religion, globalization, identity, freedom, legislation, ecumenism.

Введение

Глобализация обладает свойством всеобщности; нет ничего, что бы осталось вне ее влияния и что бы она не вовлекала в свою орбиту. Все, что остается пока вне ее воздействия или сопротивляется ей, глобализация рассматривает в качестве излишнего в человечестве, своего рода рудимента. Религия как раз из этого числа. Поэтому она испытывает сильнейшее давление глобализации и какими-то своими гранями поддается этому влиянию: в социально-политических своих проекциях; в системе канонического права; в реализации принципа светскости и невмешательства государства во внутренние дела религии и т. д. Однако в сущности своей религия выше и больше глобализации, что бы мы ни понимали под глобализаци-

---

* Косиченко Анатолий Григорьевич – д. ф. н., профессор, г. н. с. Института философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан. E-mail: anatkosichenko@mail.ru.

ей и как бы ее ни интерпретировали. Этому есть простое объяснение. В религии центральным моментом является Бог, и Он превосходит все возможности глобализма и глобализации. Пока в религии есть Бог, глобализация перед ней бессильна. Однако все дело именно в этом «пока». Здесь не место анализировать, почему так происходит, но надо констатировать, что религия сегодня перестает быть религией во многих своих смыслах и проявлениях, и особенно в главном – быть средством спасения души человека для вечной жизни, для Царства Небесного. Поэтому сегодня Бог как бы и присутствует в религии, но большее ее содержание связано с реалиями человеческого существования в современном мире.

В массе своей люди приходят к вере в процессе ее выбора в наличных социально-политических, образовательных, семейных, возрастных условиях, этот процесс и является предметом данной статьи. В этом случае мы заостряем внимание на активности человека и его свободе в вопросах религиозной идентичности. Но более глубокий уровень понимания религии открывает иное видение веры и религиозной принадлежности. Только сам Бог может привлечь человека к вере, и собственными усилиями человек обрести веру не способен. «Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня...» [Ин. 6:44]. Из этого следует, что религиозная самоидентификация есть лишь предварительное условие вхождения в веру, последнее слово здесь за Богом. И это истина не только христианства; Коран содержит аяты, в которых говорится о «расширении сердца человека» Аллахом как о даровании человеку веры. В статье мы не будем рассматривать этот глубинный уровень религиозной принадлежности, а сосредоточимся на процессах выбора веры человеком в условиях глобализации.

Глобализация в качестве идейного основания имеет постмодернизм и либерализм. Как это сказывается на религии и на процессах религиозной идентичности? «Либерализм настаивает на относительности истины, на плюрализме, равенстве мировоззрений. А религия исходит из абсолютности заповедей, данных Богом, из абсолютности догматов, из ценностного монизма. Либерализм, сталкиваясь с религией, вступает в глубочайшее противоречие с самой собой: он обязан допускать существование религии (как одной из мировоззренческих систем), но не может согласиться с абсолютностью и вечностью религиозных истин. Поэтому либерализм искажает сущность религии (искаженную религию он принимает и одобряет), он относится к религии как к исторически развивающемуся феномену, обязанному меняться в соответствии с новой реальностью и новыми запросами общества. Когда же религия не меняет своих догматических основ (а как она может их менять?), то подвергается жесткой критике со стороны либерализма за догматизм и “отсталость от жизни”» [Косиченко 2013].

Религиозная идентичность

Религиозная идентичность наряду с этнической, гражданской, поколенческой и рядом иных идентичностей образует систему взаимосвязанных актов самоопределения человека и общества в целом. Нет смысла искать, какая из обозначенных идентичностей наиболее значима, все они являются определяющими внутри своих сфер самоидентичности. Этническая идентичность проявляется как самоопределение человека внутри этноса и в отношении этноса, гражданская – в отношении государства, религиозная – в отношении к Богу. Процессы идентичности не

одномерны и могут включать в себя самые разные аспекты и элементы, часто противоположного свойства. Если говорить об идентичности в сфере религии, человек может верить или не верить в Бога, но даже и его неверие есть тоже его, человека, самоидентификация в религиозном отношении.

Различные формы идентификации человека и общества взаимодействуют между собой, существенным образом влияют друг на друга, что и создает отмеченную выше систему идентичностей. Так, религиозная идентичность определяется не только выбором человека в собственно религиозной сфере, но его принадлежностью к этносу, социальной и возрастной группе, определяется религиозной политикой страны, внешней политикой государства и т. д. Следует отметить также, что сами процессы религиозной идентификации оказывают значимое, подчас определяющее влияние на состояние общества и политику государства, как внутреннюю, так и внешнюю. «Поскольку в современных обществах религия часто определяет идентичность, трудно сохранять простое разделение публичного и частного. Более того, эти идентичности являются, как правило, транснациональными и потому не могут быть ограничены национально-государственными границами. Можно сказать, что публичное пространство сакрализовано постольку, поскольку публичные религии играют важную роль в политической жизни» [Тернер 2012].

Однако, несмотря на системность процессов идентификации, в целях особого анализа религиозной идентичности, которые стоят перед нами в данной статье, необходимо отметить следующее. Смешение религиозной и иных форм идентичности камуфлирует собственно религиозный выбор человека. Идентичность – это всегда выбор внутри системы с доминирующим ядром (историческим и ценностным), каковым являются этнос, государство, религия и т. д. Это – центральный момент в понимании сущности идентичности. Идентичность не произвольна, она укоренена в традициях и ценностях. Формирование идентичности, а также ее утрата связаны с ценностной системой, внутри которой идентичность получает свое содержание. «Смысл взаимосвязи формирования идентичности и ценностных ориентаций заключается именно в том, что в случае крушения наших ценностей нам непросто сохранить свою идентичность, точно так же как в случае кризиса идентичности нам сложно сохранить свои ценностные ориентации» [Йоас 2013].

Религиозная идентичность хотя и выступает, как говорилось, в ряду других идентичностей, но существенно от них отличается. Она выстраивается свободно: свободный выбор религии – основное условие этой формы идентичности. Конечно, религиозную идентичность можно навязать, что нередко и делается, но она не будет устойчивой; от насильно навязанной идентичности и люди, и общества, как правило, вскоре отказываются. Религиозная идентичность человека (и – в меньшей степени – общества) есть, по существу, религиозный выбор (веры в Бога или неверия в Него) и тем самым выстраивание отношений человека с Богом. Отнюдь не государство и не общество играют решающую роль в процессах формирования религиозной идентичности. Религиозная идентичность хотя и осуществляется в социуме и в государстве, но общество и государство – только контекст, в котором осуществляется выбор человеком своих отношений с Богом. Вот почему так важна свобода человека при реализации права на религиозное самоопределение. Свобода всегда нужна для истинной и адекватной идентичности. Но идентичность этническая или возрастная предзадана, и хотя правдами и неправдами возможно и здесь

переменить эти типы идентичности (то есть и здесь присутствует свобода), но в случае с религиозной идентичностью без свободного выбора она не осуществляется.

Государство и общество, бесспорно, также влияют на процессы формирования религиозной идентичности. Общество, исходя из своих традиционных ценностей, нередко предопределяет выбор религии человеком через его принадлежность к этносу, исповедующему ту или иную религию. Человек может принять это этническое религиозное исповедание свободно, а может и под давлением общественного мнения. В первом случае его вероисповедание более осознанно и укоренено в сознании, а во втором вероисповедание может и быть глубоким, и не быть им. Когда вероисповедание человека неглубоко и усвоено внешним образом (через давление общества), вера его сомнительна. При этом возникает феномен ложной веры, а в проекции на общество – феномен околорелигиозной среды, которая является объектом воздействия радикалов от религии. Государство, в свою очередь, оказывает влияние на формирование религиозной идентичности посредством выстраивания государственно-конфессиональных отношений и принятия законов, регламентирующих религиозную сферу.

Можно констатировать, что религиозная идентичность и отдельным индивидом, и обществом осуществляется в двух преимущественных формах. Первая из этих форм – непосредственно религиозная идентификация как процесс принятия человеком на себя всей совокупности определенностей, связанных с религией. Только религиозное содержание идентичности (как самоидентичности) имеет место в этом случае. Человек овладевает правилами, нормами, идеалами, ценностями той или иной религии и живет (или пытается жить) в соответствии с нормами религии. Вторая форма религиозной идентичности также напрямую касается самоопределения (или определения принадлежности человека и общества) в отношении религии, но эта форма идентичности нагружена и другими аспектами идентичности – уже не собственно религиозными, а такими как, например, этническая идентичность, гражданская идентичность, возрастная и половая идентичность и т. д.

Влияние глобализации на религиозную идентичность

Содержание религиозных учений деформируется современными глобальными процессами. Отчасти глобализм делает это вполне осознанно, так как ставит перед собой цель снизить влияние религии на современный мир; отчасти это происходит как бы само собой: все усредняя и искажая, глобализация искажает и религию. Но как бы то ни было, результат один и тот же: смысл и содержание религии в ходе глобальных процессов существенно искажаются. И коль скоро содержание религии и ее смысл искажены, то искажены и процессы формирования религиозной идентичности, так как, выбрав искаженную религию, человек, даже будучи верен ей, пребывает в заблуждении относительно своей веры.

На такой идейной основе сегодня базируются многие новые религиозные течения, которые, не будучи религией по существу, тем не менее уверены в своем праве именоваться религией. Почему бы и нет, если суть религии размыта? Адепты таких религиозных течений убеждены своими лидерами в том, что они выбрали правильный путь спасения и находятся на пути в Царство Небесное. Но это самообман. Истинная религия – это «тесный» путь самоограничения, смирения, скорби и покаяния. Всего этого, как правило, нет у новых религиозных течений.

Впрочем, можно добавить, что многие из этих течений и не ставят задачи обретения Царства Небесного, полагая, что цель религии лежит в ином – и здесь имеется великое множество вариантов этих целей.

Подчеркнем, что религиозная идентичность не сводится только к выбору человеком именно истинной (в традиционно религиозном смысле) религии, человек может выбрать какую угодно религию или атеизм. И все это будет иметь отношение к религиозной самоидентификации. Атеист – тоже религиозная идентификация, но отрицающая религию. Человек свободен, он вправе выбрать все что угодно, но ему придется отвечать за свой выбор. Вот чего не хотят понять «верующие» во все что угодно. Религия – довольно жесткая сфера ответственности и четких целей, и все они связаны с «будущим веком» – как неизбежного будущего всякого человека. Если же интерес адепта лежит в сфере обретения духовного могущества, реального – что вряд ли, или мнимого – как правило; если человеку интересен сам процесс приобретения необычных знаний или ему нравится демонстрировать какие-то необычные умения, то так и надо самоопределяться: мистика, эзотерика, сомнительные эксперименты с сознанием. Но не религия.

Огромное значение в снижении роли собственно религии в формировании идентичности как человека, так и общества сыграла секуляризация, понимаемая как процесс глобального вытеснения религии из всех сфер человеческой жизнедеятельности. На это обстоятельство обращают внимание многие религиоведы, которые исследуют и сущность религиозной идентичности, и сущность секуляризма. Так, крупнейший специалист в области последнего Чарльз Тейлор подчеркивает, что секуляризм стал господствующим мировоззренческим трендом в последние несколько столетий в связи с отказом от религиозной интерпретации истоков всего сущего. Тейлор, в частности, пишет: «Одним из способов понимания секулярности является ее интерпретация в терминах публичных пространств. Последние же, как принято думать, в наше время полностью избавились от Бога или от какой-либо связи с высшей реальностью. Или, если взглянуть на проблему с другой стороны: те принципы и нормы, которым мы следуем, те решения, которые мы принимаем, когда действуем в разных областях – экономической, политической, культурной, образовательной, рекреационной – как правило, не имеют отношения к Богу или к каким-либо религиозным верованиям; соображения, которыми мы руководствуемся в своих поступках, определяются собственной, внутренней “рациональностью” каждой из этих сфер деятельности: в экономике это максимальная прибыль, в политике – наибольшая польза наибольшего числа людей» [Тейлор 2017: 3].

Деформация религиозной сферы со стороны глобализации приводит и к такому феномену, как ложная религиозная идентификация. В основе этой ложной идентичности лежит упрощенное понимание религии как феномена гражданского общества. Религию, конечно, можно понимать и таким образом. Но суть ее совершенно иная; в общественном и гражданском ее измерении религия раскрывает лишь небольшой спектр своего содержания. Доверившись такому – гражданскому, общественному или гуманитарному – содержанию религии, человек избирает для себя религию только лишь на основании этих ее ограниченных и весьма далеких от центрального смысла религии проявления. И, приняв часть религии за всю ее полноту, человек совершает ошибку своей религиозной принадлежности. Приведем лишь два, но характерных примера.

В настоящее время, согласно многочисленным социологическим опросам, около половины европейцев считают, что христианские ценности по-прежнему значимы для Европы, но интересно, что признается внешняя для христианства значимость этих ценностей. Так, 48 % европейцев считают, что христианские ценности играют ключевую роль в «развитии диалога между различными культурами и религиями» и «солидарности с бедными». А собственно сакральное значение христианства в массовом европейском сознании утрачивается. Эта подмена сущности религии на одно из ее социальных проявлений и порождает эффект ложной религиозной идентификации. Человек может принять религию, поддавшись этой ее социальной роли, и будет считать себя верующим. Но затем он убеждается, что понравившаяся ему грань религии далеко не основная и не составляет суть религии и что в религии действительно нужно духовно развиваться, подвергая себя прежнего безжалостной критике и принципиальному изменению. Вот эту-то «часть» религии человек не хочет принимать, так как она в высокой степени требовательна, а он не был готов на выполнение условий личной духовной трансформации. Его, человека, помощь бедным или его посильное участие в культурных и нравственных диалогах с представителями иных религий ему по-прежнему нравится, он готов так жить; но вот глубокие изменения в своей личности он совершить не может. Приходится констатировать, что религиозной идентификации такой человек не осуществил, она была ложной. Он слишком либерально понял религию – как осуществление справедливости, как заботу о ближнем, и хотя эта забота обязательна для верующего, к ней далеко не сводится практическое отправление веры.

Второй пример связан с так называемой внеконфессиональной религиозностью. Надо отдавать себе отчет в том, что внеконфессиональной веры нет. Сам феномен внеконфессиональной религиозности сомнителен с религиозной точки зрения. Как, например, можно быть христианином, не будучи католиком, протестантом или православным? Вера в Иисуса Христа требует исполнения целого ряда заповедей, блаженств, участия в таинствах церкви и т. д. Все это возможно только в конфессиональной среде. К примеру, если христианин не причащается, то он и не христианин. Но когда человек верует внеконфессионально, то таинства им не исполняются, и, следовательно, он не христианин. Поэтому совсем не из-за сохранения паствы и не из желания иметь деньги с каждого верующего конфессии утверждают нелегитимность внеконфессиональной веры и внеконфессионального исповедания веры. Очень часто человек говорит: «У меня вера в сердце, я не хожу в храм, в мечеть, но я верю в Бога; а там у вас (в конфессиях) неправда, ложь, любовь к деньгам, мздоимство и прочее». Но такая позиция – не вера; мало ли, что ты знаешь, что есть Бог, и ты в Него веруешь. Апостол Иаков сказал: «...и бесы веруют, и трепещут» (Иа. 2: 19). Внеконфессиональная религиозность есть в лучшем случае самообман якобы верующего человека. Этот самообман не может длиться долго. Верующий, как правило, все же приходит в конфессию; если же нет, то довольно скоро он утрачивает остатки веры.

Можно указать и еще на ряд форм явного влияния глобализации на процессы формирования религиозной идентичности сегодня. Остановимся, однако, на двух из них: искажении религиозной идентификации вследствие унификации международного законодательства в сфере религии и такой форме глобализации в религиозной сфере, как экуменизм; обе этих формы предельно значимы для религиозной идентичности.

Религиозная идентичность и законодательство в религиозной сфере

Глобализация – многогранный процесс, и она имеет возможность влиять на выбор религиозной идентичности через различные механизмы, являющиеся ее «дочерними» формами. Такова, среди прочих, сфера законодательства в области религии. Глобальные международные акты в религиозной сфере доминируют над национальными, и в этом явным образом проявляется глобализация законодательной сферы.

Такой глобализации и унификации в рамках, например, Европейского союза, подверглась вся сфера законодательного оформления функционирования религии. Это одна из самых непосредственных форм влияния глобализации на процессы религиозной идентичности. Характер законодательного пространства, в котором человек или общество избирает или продуцирует религиозную идентичность, является очень действенным фактором религиозного выбора. Не одно и то же, когда законодательство в одном случае оставляет свободным выбор религиозной идентичности, и когда – в другом – законы имеют секулярную направленность и создают пренебрежительный по отношению к религии контекст выбора исповедания. Европейский союз принял множество рекомендаций и постановлений, регламентирующих деятельность религиозных объединений как раз в уничижительном для религии ключе. Обратимся к нескольким наиболее характерным в этом отношении международным документам, задающим тон в законодательной сфере в области религии.

Основополагающим международным документом, регулирующим право на свободу вероисповедания, является Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая еще в 1950 г., но с тех пор многократно дорабатываемая. Статья 9 этого документа постоянно цитируется правозащитниками, она получила широкую известность. «1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов. 2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц» [Конвенция...].

Как видно, в соответствии с либеральным пониманием прав человека он может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, переходить из одной религии в другую и т. д. Эти либеральные принципы в их проекции на религию закреплены во всех международных документах и стали реальностью нашего времени. Но все мировые религии запрещают переход из религии в религию (в мягком варианте – не одобряют). За подобный переход грозит наказание: и в посмертной жизни, и, нередко, в здешней – широко известны факты смертных приговоров мусульманам, перешедшим в христианство (в Пакистане, ряде арабских стран и т. д.).

Европейское законодательство в сфере религии имеет два крупных блока. Первый – национальные законодательства, которые достаточно патронажны в отношении религии (согласно им, почти в каждой стране Европы на конституционном уровне или на уровне специального законодательства оговорено преимущественное право для той или иной религии). Второй блок – международный (общеевропейский или даже общемировой). Именно во втором блоке и принима-

ются законы и иные акты, в ходе реализации которых религия утрачивает свои права. Причем религия специально как бы и не подвергается дискриминации, она, как и всякие другие объединения граждан, напротив, защищается. Но меняется стратегическое видение сущности религии, и уже под это видение принимаются международные документы.

Вот, к примеру, как определяются религии в концептуально очень важном документе – Рекомендации ПАСЕ № 1804 «Государство, религия, светское общество и права человека» (2007). «Парламентская Ассамблея отмечает, что религия является важной характерной чертой европейского общества...» (ст. 1). «Организованные религии как таковые являются неотделимой частью общества и должны рассматриваться как институты, созданные гражданами и для граждан, которые имеют право на свободу религии, а также как организации, являющиеся составной частью гражданского общества со всем своим потенциалом, позволяющим служить ориентиром в этических и гражданских вопросах, и играющие определенную роль в национальном сообществе, будь оно религиозным или светским» (ст. 2). «Совет Европы должен признать такое положение дел и приветствует и уважает религию во всем ее многообразии как форму этического, морального, идеологического и духовного самовыражения части европейских граждан с учетом различий между самими религиями и особенностями каждой из стран» (ст. 3).

Все, что было до этого, – демократический антураж. А вот сущность: «За последние 20 лет религиозный культ претерпел заметный упадок в Европе. Менее одного европейца из пяти посещают религиозную службу не реже одного раза в неделю, тогда как 20 лет назад эта цифра была в два раза больше. В то же время мы наблюдаем усиление мусульманских общин практически во всех государствах – членах Совета Европы» (ст. 6). «Свобода религии защищена статьей 9 Европейской конвенции о правах человека и статьей 18 Всеобщей декларации прав человека. Однако эта свобода не является беспредельной: неприемлема религия, доктрина или обряды которой противоречат другим основным правам» (ст. 16). *«Государства также не имеют права допускать распространение религиозных принципов, которые, будучи воплощенными в жизнь, нарушали бы права человека. Если в этом плане существуют сомнения, государствам следует потребовать от религиозных лидеров занять недвусмысленную позицию в пользу главенства прав человека, изложенных в Европейской конвенции о правах человека, над любым религиозным принципом»* (ст. 17, курсив мой. – А. К.).

«Следует исключить любое вмешательство в религиозные дела, но рассматривать религиозные организации как часть гражданского общества (курсив мой. – А. К.) и призывать их играть активную роль в достижении мира, сотрудничества, терпимости, солидарности, межкультурного диалога и в распространении ценностей Совета Европы» (ст. 23.2). *«Подтвердить принцип независимости политики и закона от религии»* (ст. 23.3, курсив мой. – А. К.). «Не проводить консультации с группами, которые не заявили однозначно о поддержке основных ценностей Совета Европы, а именно прав человека, демократии и верховенства закона» (ст. 23.5.). *«Постепенно исключать из законодательства, если такова воля народа, элементы, которые могут быть дискриминационными с точки зрения демократического религиозного плюрализма»* (ст. 24.2, курсив мой. – А. К.) [Рекомендация... 2007].

Сегодня религию вытесняют из общественной и государственной жизни. Определенные силы (недовольные «живучестью» религии и ее стремлением участвовать в различных общественно значимых процессах) делают это сознательно, другие – отстаивая «права человека» и «гуманистические идеалы». Как бы там ни было, ситуация развивается довольно быстро, и религия теряет социумные позиции. Причем подчас она не может защитить даже свои общепризнанные права.

Несколько лет назад по миру прокатилась череда «карикатурных» скандалов, и когда лидеры религий, подвергшихся осмеянию и оскорблению (оскорблялись и мусульмане, и христиане), подняли этот вопрос на международном уровне, ряд очень ответственных международных структур приняли постановления и рекомендации в пользу свободы слова, при этом оскорбление верующих было признано их частным делом. Так, Парламентская ассамблея Совета Европы приняла Резолюцию 1577 (2007 г.) «На пути к отмене уголовной ответственности за диффамацию», название которой говорит само за себя. А еще раньше, в 2006 г., ПАСЕ приняла Резолюцию 1510 «Свобода слова и уважение религиозных верований», в которой отмечалось: «...в демократическом обществе свобода мысли и свобода выражения должны допускать открытую дискуссию по вопросам, касающимся религии и верований... Современные демократические общества образуют индивидуумы, исповедующие различные убеждения и верования. Нападки на индивидуумов на основе их религии или расы не могут допускаться, однако законы о святотатстве не должны использоваться для ограничения свободы выражения и мысли» (ст. 3). «Святотатство, – подчеркивалось далее, – имеет давнюю историю. Ассамблея напоминает, что законы, наказывающие за святотатство и критику религиозных обрядов и учений, зачастую негативно влияли на научный и социальный прогресс. Ситуация начала меняться по мере развития просвещения и вылилась в отделение церкви от государства. Современные демократические общества тяготеют к светскости и более озабочены свободами личности...» (ст. 7). И наконец: «Ассамблея полагает, что свобода выражения, защищаемая в соответствии со Статьей 10 Европейской конвенции по правам человека, не должна далее ограничиваться с учетом роста чувствительности некоторых религиозных групп» (ст. 12). А религиям было рекомендовано: «В демократическом обществе религиозным общинам разрешается защищаться от критики или осмеяния в соответствии с законодательством и нормами в области прав человека...» (ст. 8) [Резолюция... 2006].

Будут интересными и те рекомендации, которые даются международными структурами в адрес правозащитников в области религии – очень показательный документ. «Защитники свободы вероисповедания оказывают необходимое давление на правительства разных стран, требуя соблюдения международного законодательства, и эта работа приводит к спасению людей от гибели, освобождению их из тюрем, реализации религиозных свобод. ...Если правительство той или иной страны допускает нарушение религиозных прав и свобод, привлекается внимание международных институтов с целью оказания давления на политическом уровне. Защитники религиозных прав и свобод должны выступать против всех форм преследований и репрессий по религиозному признаку, даже если речь идет о чуждом им вероисповедании или если репрессивному воздействию подвергаются люди, отрицающие веру вовсе. Работает правило: чем больше шума вокруг проблемы, тем лучше. Позитивный исход в одном случае может помочь в других похо-

жих ситуациях. Правительства предпринимают попытки подкупа правозащитников, предоставляя преимущества и свободы исключительно тем религиозным группам, из среды которых происходят активисты правозащитного движения. Защитникам религиозных свобод нужно избегать такого искушения» [Защита...].

Все это очень хорошо, но в результате деятельности такого рода правозащитников как раз религия как феномен терпит ущерб и дискриминацию. При этом утрачивается сущность религии как таковой – как совершенно специфического феномена, подобного которому больше нет, смысл которого состоит в спасении души человека для вечной жизни: до этого никому дела нет. Надо защитить религиозное объединение, и все, а является ли это объединение религиозным, нацелено ли оно на спасение души, или это просто эзотерический кружок, или, более того, «клуб по интересам», не имеющий никакого отношения к сущности религии, – это вообще не интересует правозащитников. Результатом всей этой деятельности является еще большее размывание содержания феномена религии, превращение ее в просто общественное объединение со слегка мистическим окрасом.

В таком правовом пространстве процессы религиозной идентичности очень сильно деформированы. Свобода выбора как бы сохраняется, но все, связанное с религией, становится столь ответственным, напряженным и в некотором смысле даже опасным, что человеку легче следовать общей волне секулярности, нежели отстаивать свое право на свободу вероисповедания.

Экуменизм как форма глобализации в религии

Хотя религия идейно и противостоит глобализации, однако она одной из первых в XX в. продемонстрировала стремление к процессам, которые в то время, не называясь глобализацией, были ею по содержанию. Самый яркий из этих процессов в связи с религией – экуменизм. Целью последнего было объявлено единение всех христианских церквей; это единство было заповедано Иисусом Христом, и потому цель представлялась благой. Экуменизм интересен в связи с религиозной идентичностью своей попыткой устранить обилие конфессиональных течений внутри христианства путем создания единой церкви. Если бы задачи экуменизма были достигнуты, идентичность в сфере религии (поначалу христианства) стала бы легкой и очевидной: трудности выбора сменились бы на простое принятие веры или отказ от нее.

Экуменическое движение, зародившееся в 1920 г., оформилось в трех направлениях: для достижения единства церквей была создана организация «Вера и устройство»; для практического (социально-этического) сотрудничества христиан – «Жизнь и деятельность»; для снижения агрессии на международном уровне – «Всемирный союз международной дружбы чрез посредство церквей». Инициаторами движения стали протестантские церкви, которые ощутили необходимость сначала собственного единения, а затем и всего христианства.

Экуменизм существует до сих пор, что говорит об объективной потребности христианского единения, но успехов у экуменизма нет, что указывает на неверную стратегию единения: объединиться в области социального служения и активизации политической роли церкви, не считаясь с разнообразием в догматической сфере. Кроме того, и православные автокефальные церкви, и Римско-католическая церковь согласны на объединение с непременным условием: все остальные

отказываются от своих заблуждений (ересей) и принимают истину соответственно или православия, или католицизма.

Римско-католическая церковь не участвует в экуменистическом движении и предлагает христианам воссоединиться с нею. Папа Пий XI в своей специальной энциклике 1928 г. «Морталиум Анимос» (*Mortalium Animos*) подверг экуменическое движение суровому осуждению. «Ложный призрак добра легко обольщает некоторые умы в смысле возможности установления единения между всеми христианами. Но за прелестью и обольщением подобных речей скрывается великое заблуждение, окончательно разрушающее основы католической веры. Католики ни в коем случае не могут одобрить этих попыток, основанных на ложной теории, что все религии более или менее хороши и здоровы; отбрасывая истинную религию и искажая ее верное понятие, они мало-помалу впадают в натурализм и атеизм; поэтому ясно, что объединение с защитниками этих доктрин и их попыток будет отдалением от божественно явленной религии» [Энциклика...].

Православные церкви осудили экуменизм на Всеправославном совещании в 1948 г. в Москве как измену христианству (хотя Константинопольская православная церковь в экуменистическом движении участвовала с 1920 г. и даже была одним из его организаторов). «Русскую Православную Церковь приглашают участвовать в экуменической конференции, как одну из множества церковных организаций, каждой из коих прилагается понятие Церкви. Но мы, православные христиане, исповедуем, что Церковью, как учрежденною Самим Богом для нашего спасения, можно называть в строгом смысле только одно общество истинноверующих христиан. Называть же церковью каждое из еретических обществ – это значит, не иметь правильного понятия о Церкви и попирать нашу веру в догмат о Церкви, изложенный в девятом члене Символа веры...» [Серафим; орфография и пунктуация первоисточника сохранены].

Еще один из докладчиков на этом же совещании, протоиерей Г. И. Разумовский, в докладе «Экуменическое движение и Русская Православная Церковь» отметил: «Наше мнение: экуменическая церковь хочет вступить в борьбу на социальном и экономическом поприще в погоне за ненужным и погибельным для души христианина мирским влиянием... Экуменизм объединяет церкви не для совместного обретения ими Царства Божия, но для власти земной. Для этой власти методы экуменизма подходят» [Разумовский]. Такой ясной, внятной и систематической критики экуменизма, как на этом совещании, больше не было.

В настоящее время все православные автокефальные церкви (за исключением Болгарской и Грузинской) участвуют в экуменистическом движении (в созданном в 1948 г. в Амстердаме Всемирном совете церквей), в основном по политическим соображениям. Помимо христианских, в деятельности ВСЦ сегодня участвуют почти все религиозные объединения мира (за редким исключением). Документы ВСЦ написаны нарочито невнятным языком, вводятся двусмысленные термины и словесные обороты, собственно религиозная проблематика уходит на второй план, доминирует секулярное видение решения актуальных проблем современности. Так что это явное осуществление идей глобализма в религиозной сфере. И что же? Религии выиграли? Или формирование религиозной идентичности стало адекватнее и естественнее? Нет, ничего этого не произошло; напротив, религиозная ситуация в современном мире чудовищно усложнилась; с религией связы-

вают догматизм и тоталитаризм, экстремизм и терроризм. Даже отношения между православными церквями стали сложными: последние события на Украине (связанные с предоставлением автокефалии Константинополем) и в Черногории (принятие парламентом нового закона о религии) фактически раскололи православное единство и продемонстрировали реальность этнофилетизма – приоритетов национально-политических интересов над общецерковными православными ценностями.

Экуменизм подверг религиозную идентичность двойной деформации: вымыванию религиозного содержания внутри религиозных общин, входящих в ВСЦ, и подмене собственно религиозной идентичности социально-гуманистическими и политическими ориентирами на всемирном уровне. Концептуально ничего нового в этом нет. Религия не может выиграть от принятия глобалистских идей и участия в глобализации. Казалось бы, экуменизм – это дело только религии. Но его неудачи – настораживающий пример для глобализации в целом. Почему не получается? Многие фигуранты экуменистического процесса участвуют в нем, чтобы нечто приобрести: власть духовную и не только, деньги, статус. Глобализация ведь тоже нацелена на выигрыш и успех. Но мы забываем, что выигрывают немногие, абсолютное большинство теряет. Причем уже сейчас ясно вырисовываются сферы, в которых проигрыш этого большинства закладывается. Современный мир, ориентированный на все растущее потребление, идет к краху. Если и ожидать позитивных результатов глобалистических проектов, то только при кардинальной смене их целей и ориентиров.

Литература

Защита прав человека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eastwestreport.org/53-russian/1-r19-2/425-2013-11-30-06-39-39> (дата обращения: 03.12.2019).

Йоас Х. Возникновение ценностей. СПб. : Алетей, 2013.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Ст. 9. Свобода мысли, совести и религии человека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm> (дата обращения: 10.08.2019).

Косиченко А. Г. Глобализация и религия // Век глобализации. 2013. № 1. С. 47–58.

Разумовский Г. И., прот. Экуменическое движение и Русская Православная Церковь [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriija_Tserkvi/dejanija-soveshhanija-glav-i-predstavitelej-avtokefalnyh-pravoslavnyh-tserkvej-tom-2/1_3 (дата обращения: 18.03.2020).

Резолюция ПАСЕ 1510 «Свобода слова и уважение религиозных верований». 2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5bRussian_documents%5d/%5b2006%5d/%5bJune2006%5d/Res1510_rus.doc.asp#TopOfPage (дата обращения: 20.01.2020).

Рекомендация ПАСЕ № 1804 «Государство, религия, светское общество и права человека». 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5bRussian_documents%5d/%5b2006%5d/%5bJune2006%5d/Res1510_rus.doc.asp#TopOfPage (дата обращения: 15.02.2020).

Серафим, архиеп. Надо ли Русской Православной Церкви участвовать в экуменическом движении? [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriija_Tserkvi/dejanija-soveshhanija-glav-i-predstavitelej-avtokefalnyh-pravoslavnyh-tserkvej-tom-2/2_16 (дата обращения: 18.03.2020).

Тейлор Ч. Секулярный век. М. : ББИ, 2017.

Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство. Религия. Церковь в России и за рубежом. 2012. № 2(30). С. 21–51.

Энциклика папы Пия XI «Морталиум Анимос (Mortalium Animos)» [Электронный ресурс]. URL: <https://fsspx-fsispd.lv/ru/doctrina-ecclesiae/de-vere-religione/32-xi-mortalium-animos> (дата обращения: 17.04.2020).

References

Zashchita prav cheloveka [Protection of Human Rights]. URL: <http://www.eastwestreport.org/53-russian/1-r19-2/425-2013-11-30-06-39-39> (accessed: 12.03.2019).

Joas H. Voznikoveniye tsennostey [The Emergence of Values]. St. Petersburg : Aletheia, 2013.

Konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod. Stat'ya 9. Svoboda mysli, sovesti i religii cheloveka [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Article 9. Freedom of Thought, Conscience, and Religion of Man]. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm> (accessed: 10.08.2019).

Kosichenko A.G. Globalizatsiya i religiya [Globalization and Religion] // Vek globalizatsii. 2013. No. 1. Pp. 47–58.

Razumovsky G. I., archpriest. Ekumenicheskoye dvizheniye i Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' [The Ecumenical Movement and the Russian Orthodox Church]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/dejanija-soveshhanija-glav-i-predstavitelej-avtokefalnyh-pravoslavnyh-tserkvej-tom-2/1_3 (accessed: 18.03.2020).

Rezolyutsiya PACE 1510 “Svoboda slova i uvazheniye religioznykh verovaniy” [PACE Resolution 1510 “Freedom of Speech and Respect for Religious Beliefs”]. 2006. URL: http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5bRussian_documents%5d/%5b2006%5d/%5bJune2006%5d/Res1510_eng.doc.asp#TopOfPage (accessed: 20.01.2020).

Rekomendatsiya PACE № 1804 “Gosudarstvo, religiya, svetskoye obshchestvo i prava cheloveka” [PACE Recommendation No. 1804 “State, Religion, Secular Society and Human Rights”]. 2007. URL: http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5bRussian_documents%5d/%5b2006%5d/%5bJune2006%5d/Res1510_rus.doc.asp#TopOfPage (accessed: 15.02.2020).

Serafim, archbishop. Nado li Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi uchastvovat' v ekumenicheskom dvizhenii? [Should the Russian Orthodox Church Participate in the Ecumenical Movement?] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/dejanija-soveshhanija-glav-i-predstavitelej-avtokefalnyh-pravoslavnyh-tserkvej-tom-2/2_16 (accessed: 18.03.2020).

Taylor C. Sekulyarnyy vek [Secular Age]. Moscow : BBI, 2017.

Turner B. Religiya v postsekulyarnom obshchestve [Religion in a Post-secular Society] // Gosudarstvo. Religiya. Tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2012. No. 2(30). Pp. 21–51.

Entsiklika papy Piya XI “Mortalium Animos (Mortalium Animos)” [Encyclical of Pope Pius XI “Mortalium Animos (Mortalium Animos)”]. URL: <https://fsspx-fsispd.lv/en/doctrina-ecclesiae/de-vere-religione/32-xi-mortalium-animos> (accessed: 04.04.2020).

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ДОГМАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Ракитянский Н. М.*

В статье представлен концептуальный анализ догматического принципа, показано его методологическое значение как для политико-психологических, так и для гуманитарных исследований в целом. Автор рассматривает эволюцию понятия догмы (догмата) в историческом, правовом, философском, политологическом и теологическом аспектах. Сформулирован тезис о догмах как доминантной контекстуальной системе и как основании для формирования парадигм политического мышления. В работе обсуждаются закон контекста, его психологическое содержание, механизмы и функции, а также его связь с догматическим принципом. Сделан вывод о том, что догмы обладают интегративным свойством, являются фактором социализации, формируют системную модель мира в сознании масс людей. Автор отмечает, что переход от догматического мышления к диалектическому осуществляется посредством рефлексии как процесса осознаваемой психической активности. Высказано мнение о том, что догматическое мышление обусловлено объективными законами субъективного мира.

Ключевые слова: догматический принцип, догматическое мышление, догма, догмат, диалектическое мышление, закон контекста, контекстуализация, деконтекстуализация, рефлексия.

The article proposes a conceptual analysis of the dogmatic principle and also shows its methodological significance for political and psychological, and humanitarian research in general. The author examines the evolution of the concept of dogma in historical, legal, philosophical, theological and political aspects. He also formulates the idea of dogmas as a dominant contextual system and as the basis for the formation of the basic paradigms of political thinking. This article discusses the law of context, its psychological content and functions, as well as the link of the concept with a dogmatic principle. It is concluded that dogmas have an integrative property; they are a factor of socialization and form a systemic model of the world in mass consciousness. The transition from dogmatic to dialectical thinking occurs via reflection as a process of conscious mental activity. The author suggests that dogmatic thinking contains the objective laws of the subjective world.

Keywords: dogmatic principle, dogmatic thinking, dogma, dialectical thinking, law of context, contextualization, decontextualization, reflection.

---

* Ракитянский Николай Митрофанович – д. психол. н., профессор МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: drkaynos@yandex.ru.

В век глобализации фундаментальные ценностные ориентации политических масс, как и прежде, определяются монотеистическими системами исповедания: восточным христианством, западным христианством, исламом и первой из них – иудаизмом. Собственно, эти конфессии и определяли столетиями архитектуру глобального человечества. Они представляют собой ключевые доминанты онтологического и психологического ареала мирового сообщества как единой планетарной метасистемы. Кроме того, каждая из них определяет фундаментальные различия культурно-цивилизационных систем [Чумаков 2019: 91–94]. Все они, опираясь на догматический фундамент, в течение длительного исторического периода составляли основу мировоззрения, истоки жизненной позиции и философию существования, определяли базовые установки мышления людей, живущих в пространстве монотеизма и за его пределами.

Догматы прямо или косвенно детерминируют природу и специфику политической власти нации, ее экономический уклад, устройство права, нравственность, духовность и саму судьбу цивилизаций и государств. Современная политика по сей день осуществляется в контексте тысячелетней религиозной практики и является ее следствием и результатом. Но в наше время те или иные монотеистические доктрины в результате апостасийных процессов и секулярной подмены подвергаются трансформации, результаты которой находят выражение в экспансии разного рода политических идеологий [Задорожнюк 2008]. Эти и иные обстоятельства и проблемы побуждают нас к постановке и обсуждению следующих вопросов.

Догматический принцип: подход к проблеме

Со времен европейского Просвещения к словам «догма», «догмат» и «догматика» сложилось довольно негативное отношение ввиду их неразрывной связи с теологией монотеизма, и примерно с этого же исторического момента начался процесс секуляризации этих концептов [Просвещение...]. По мнению британского политического философа Д. Грея, мы и до сих пор «живем среди неразобранных руин проекта Просвещения, который был главным предприятием Современности» [Грей 2003: 280].

В Античности у термина «догма» было социально-юридическое значение, исторически предшествовавшее его философскому смыслу, в пространстве которого догмы со временем стали выполнять роль основополагающих метафизических утверждений, и на них, в свою очередь, строились аксиология, нравственные, социальные, эстетические, политические и другие учения [Кырлежев 2010: 680–681].

В русском языке используются две формы этого концепта: форма, образованная от именительного падежа, – собственно «догма», и форма, образованная от родительного падежа, – «догмат», которые семантически равнозначны. Первая редакция чаще находит применение в научной литературе, а вторая использовалась в дореволюционных источниках, и в настоящее время к ней обращаются, когда говорят о религиозных догмах [Канаков 2016: 90–103].

Догма является объемным понятием, и в гносеологическом плане оно соотносится с такими категориями, как *допущение* в научном поиске, *парадигма* в философии, *аксиома* в математике, *постулаты* в физике, *доктрины* в идеологии и политике. Здесь вполне уместно вспомнить о догматизме законов И. Ньютона, И. Кеплера, Д. И. Менделеева, Н. Бора и других выдающихся ученых, признавая,

что догматизм есть составная часть большинства наук, где под догмой понимается система базовых постулатов учения или научного направления.

Между тем не только политика, международная дипломатия, идеология, но и правовые системы, выступая регуляторами поведения людей, также строятся на догматических основаниях [Антанович 2006: 332–337]. Право в своих нормах закрепляет политический строй общества, механизм функционирования государства, регламентирует политические отношения, регулирует деятельность субъектов политической системы и пр. Так, благодаря разработкам догматической традиции право состоялось как фундаментальный социальный институт, положенный в основу устройства современных цивилизаций [Михайлов 2012]. Без правовой догматики недостижимо согласие в правовых понятиях и невозможна нормотворческая, правоприменительная деятельность [Арановский 2003: 23].

В широком смысле наше мировосприятие предполагает приобретение знаний догматически, то есть априорно (аподиктически), в готовом виде, на веру, и это знание не требует каких-либо аргументов и доказательств, формируя тем самым догматическое мышление [Пуйман 1999: 63]. К примеру, Г. В. Ф. Гегель в «Феноменологии духа» соотносил догматический способ мышления с непосредственным знанием [Гегель 1992: 21].

Мир современного человека, как и прежде, в известной мере строится на получаемой им информации, и он, даже не выходя за порог, может оказаться практически где угодно. Но при этом он привычно соглашается с тем, что будет смотреть на мир чужими глазами – догматически. Профессор В. А. Кутырев по этому поводу заметил, что иметь по всем вопросам свое мнение – задача непосильная. Приходится верить [Кутырев 2006: 220].

Как видим, догма выполняет важные познавательные функции, на что в свое время указывал К. Г. Юнг. При этом он считал, что религиозные догматы выполняют не только психологическую, но и насущную психотерапевтическую роль. По его словам, они предохраняют человека от непосредственного соприкосновения с огромной психической энергией, закрепленной в истории психического развития в идее божественного, и адаптируют образы коллективного бессознательного, рационализируя их в форме абстракций [Юнг 1991: 160–162].

Осознание этой логики познания, которая дается далеко не всем, требует от человека рефлексивного усилия, направленного на понимание и усвоение отмеченного догмой пространства знания. Собственно, рефлексия, будучи механизмом осознаваемой психической активности, и определяет фазовый переход от догматического мышления к диалектическому. Поэтому мы можем говорить о том, что догматическое мышление, будучи многомерным феноменом нашего субъективного мира, – не колючая проволока, запрещающая выходить за очерченные пределы. Это, скорее, дверь, через которую можно войти в просторы, обычно недосыгаемые и часто не замечаемые [Остапенко 2009]. Осознание, понимание и преодоление догм опосредствуются рефлексивными процессами, в результате чего мы актуализируем свой субъективный ресурс [Гребеникова 2013], реализуем креативный потенциал, выходим за пределы самого себя и преобразуем то, что нам дано догматическим восприятием мира [Леонтьев 2010].

В обществах монотеистической культуры, когда человек в процессе своего взросления из «естественного индивида» [Ананьев 2000: 5, 16, 51–61] становится

социальным субъектом, у него априорно формируются догматически детерминированные установки мышления в контексте той культурно-цивилизационной системы, к которой он принадлежит [Ракитянский 2013б]. Как видим, строй догматического мышления объективно становится фактором социализации. Он обладает интегративным свойством, формирует целостную модель мира в сознании масс людей. Другими словами, каждый человек сызмала получает знание об основах устройства жизни, которое в своей сущности и есть вера; и эти две сферы – знание и вера – не только не разъединимы, но даже и не различимы [Лосев 2008: 152–159].

Тем не менее мы привычно воспринимаем суждения о догматах как о некоей архаичной и нелепой системе религиозного сознания, которая будто бы состоит из ограничений и запретов, «мешает свободному развитию» личности, ее «творческой самореализации», «ограничивает» креативное мышление и прочее [Герасимов 2008]. Именно это восприятие по своей сути также является догматичным. Но при этом одно слово – догма – вызывает у нас реакцию как минимум в форме настороженности или раздражения. Однако наше понимание догмата как некоего запрета, наложенного на мысль, неверно в том отношении, что догмат никогда не затрагивает и не определяет те дела и заботы, которые находятся в сфере повседневной жизни.

Как видим, весьма актуальным аспектом в понимании догм является то обстоятельство, что догматичность мышления для большинства людей является *неосознаваемой* и потому практически невидимой, так же как давление атмосферного столба или закон всемирного тяготения.

Закон контекста

В чем причина этой неосознанности? Мы уясняем не только конкретные факты, стимулы и ситуации, но и общий контекст как нечто неизменное для различных событий. Однако как раз этот привычный контекст довольно быстро выбывает из нашего сознания [Аллахвердов 2000: 364]. Мы можем назвать этот процесс *контекстуализацией*. Обратное происходит, когда информация меняется либо субъективно, либо объективно. Тогда контекст вновь обнаруживается, он снова осмысливается, и в таком случае речь идет о том, что он *деконтекстуализируется* [Баарс 2020]. В этом плане, следуя за У. Джеймсом [Джеймс], мы можем говорить о законе контекста, в соответствии с которым стабильные, неизменные компоненты внутреннего и внешнего мира уходят из нашего сознания [Аллахвердов 2000: 380].

Так, в повседневной жизни мы обычно не задумываемся, например, об уникальности своей личности или самобытности собственной биографии – все наши особенности выступают по отношению к большинству актуальных проблем как неизменный контекст. При этом мы можем интерпретировать свое «Я» как сложную контекстуальную организацию – как устойчивый, инвариантный и при этом доминантный контекст, который мы не осознаем. Но, подобно любому контексту, «Я» имеет аспекты, которые могут быть деконтекстуализированы и пережиты как объекты сознания. Эти превращенные в объекты сознания аспекты «Я» могут затем использоваться для построения психологической модели самого себя.

Или, например, осмысление тех или иных обыденных событий не предполагает ни одновременное осознание языка, которым мы пользуемся, ни предания города, в котором они произошли, ни времени года. Все это составляет тот устойчивый, неизменный фон, который не осознается до тех пор, пока к этому контек-

сту не будет привлечено осознанное внимание. То есть получить сознательный доступ к контекстам можно через их деконтекстуализацию, или, говоря другими словами, путем рефлексивного опосредствования [Карпов 2004: 9]. По мнению профессора Б. Баарса, контекст в известном смысле состоит из того, к чему мы уже адаптировались, и он служит той основой, относительно которой выявляется, определяется и осознается новая информация.

Человек как социальное существо объективно контекстуален – он всегда включен в многомерную среду. Он существует в природном, антропологическом, культурно-цивилизационном, ментальном, политическом и, наконец, духовном пространстве. В психологическом плане он неразрывно связан с этими пространствами и, наконец, в определенной мере имплицитно или эксплицитно включает в себя эти пространства [Леонтьев 2010: 131–132]. Иначе говоря, все мы живем в тех и иных контекстах, однако все возможные контексты нельзя ни зафиксировать, ни перечислить [Аллахвердов 2000: 431]. Контекст – это как раз то, что всегда наглядно, привычно и не осознаваемо, поскольку люди не обращают внимания на то, что исходно представляется им очевидным. Но контекстуальная система может быть *деконтекстуализирована* нами посредством рефлексивного усилия, чтобы снова стать частью сознательного опыта.

Как видим, контекстуальные ограничения при их осознании становятся деконтекстуализированными, но дело это чрезвычайно трудное. Вместе с тем усомниться в адекватности контекста или сделать его предметом рефлексивного усилия – это отнюдь не безнадежный труд. Так, теория относительности А. Эйнштейна деконтекстуализировала постулаты И. Ньютона о пространстве и времени, а создатели квантовой механики сделали то же самое с допущениями А. Эйнштейна о детерминизме. Однако деконтекстуализировать чьи-то постулаты не каждому по силам [Баарс 2020].

Таким образом, догмы, в контексте которых мы живем с рождения, привычно воспринимаются нами как инвариантные, неизменные структуры, как истины *a priori*. Они не требуют фиксации внимания и не вызывают у нас каких-либо вопросов. Это обусловлено тем психологическим обстоятельством, что априорно усвоенные образы, представления, понятия, ценности, самоочевидные истины и догмы по закону контекста У. Джеймса переходят в базовое содержание сознания и... перестают осознаваться [Аллахвердов 2000: 386]. Поэтому человеку, находящемуся в контексте того или иного менталитета, чрезвычайно сложно увидеть и понять, в чем именно состоит его догматическая обусловленность. И мы со всем этим живем, мечтаем и говорим о свободе, демократии, возможности независимого выбора, субъектности...

Проблема взаимодействия с контекстами как аспект догматического мышления находится за пределами внимания политологов, политических психологов и представителей других наук о человеке и обществе. Может быть, потому что они сами испытывают сложности деконтекстуализации того пространства, в котором живут и работают. Так, если, например, набрать в поисковой строке словосочетание «политический контекст», то содержательной трактовки мы в результате поиска не найдем.

Между тем каждая культурно-цивилизационная система в течение исторического времени создает свои доминантные политические и иные контексты, кото-

рые мы не осознаем и не изучаем. И здесь нельзя не согласиться с профессором А. И. Юрьевым в том, что все коммерческое и политическое давление на поведение масс целиком строится на законах и механизмах бессознательного [Юрьев 2006: 22], где закон контекста занимает не последнее место.

Догмы как доминантная контекстуальная система

Совокупность догматов того или иного монотеизма или же доминирующей атеистической идеологии, которая также есть догмат [Лосев 2008: 156], является основанием для формирования ментальных матриц, и они уже как унифицированные коды объединяют массы людей, которые длительное время живут в контексте преобладающего априорного знания, словно в своеобразной гравитационной системе, недоступной для непосредственного восприятия. При этом ментальная матрица выступает в качестве доминантной программы организации мышления, в русле которого этнос или народ развивает и реализует самобытные социокультурные, экономические и политические практики [Ракитянский 2013а: 55–81].

Что касается религиозных догматов, то мало кто сейчас знает, что говорят они только о Боге. Так, в христианстве, самой догматической религии мира, не существует догматов, которые регламентируют повседневное поведение человека или предписывают то, какими должны быть культура, право, наука, экономика или политический строй. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться с «Символом веры»¹. Он содержит краткое и точное догматическое изложение сущности христианского вероучения и является официально признанной словесной формулой, которая структурирована двенадцатью частями (членами) [Петр (Люилье), Лосский 2008]. По объему «Символ веры» уместается на одной странице текста [Закон... 1998]. Каждый человек, осознанно и ответственно принявший христианство, эти положения знает, принимает и исповедует независимо от своих частных мнений и переживаний, причисляя себя к составу Церкви.

Христианство по своей догматической сути, как и любой монотеизм, теоцентрично, оно не допускает произвольного истолкования своих догматов. В других монотеистических религиях нет такого краткого и точного символа веры – *ортодоксии*, но есть развернутый свод обязательных нормативных действий, правил, ритуалов и обрядов – *ортопраксия*.

Для большинства религий характерен акцент на ортопраксии как на дисциплине внешнего религиозного поведения. Так, мусульманин в первую очередь должен соблюдать законы шариата. Иудею надлежит следовать предписаниям своего Закона в толковании мудрецов и раввинов. В иудаизме, например, представление о Боге и о других предметах веры в конкретной и четко структурированной словесной формуле не выражены, и последователь иудаизма может верить, как хочет. Но вместе с тем его поведение в практической жизни жестко регламентировано множеством правил.

Христианское догматическое богословие как религиозная наука следует за важнейшими и всеобщими необходимыми положениями Божественного Открове-

---

¹ Никео-Цареградский Символ веры, Константинопольский Символ веры – строгая догматическая формула христианского вероисповедания, введенная на Втором Вселенском соборе в 381 г., утвержденная на Четвертом Вселенском соборе в 451 г. как полное раскрытие учения о Троице.

ния, которые сформулированы Церковью на семи Вселенских соборах [Карташев 2017]. Собственно, этими принципами, а не частными или групповыми мнениями, определяется вера человека. Догматическое богословие отличается от самого установления догмата тем, что оно систематизирует однажды открытую в догмате его разумную необходимость [Лосев 2008: 151].

Понимание догмата как «ступени восхождения», «могучего орудия творческого перерождения мира, творческого его развития», «лестницы к небу и Богу» представлено в философии Н. А. Бердяева. Он полагал, что религиозные догматы содержат в себе знания метафизического характера и касаются первооснов бытия [Бердяев 1994: 90].

Против понимания религиозного догмата как навязчивой идеи выступал Э. Фромм, считая, что «догмат в значительной степени обусловлен реальными политическими и социальными мотивами», поскольку «означает открытую принадлежность к определенной группе» [Фромм 1998: 86]. Религиозный догмат может изменять самый ум того, кто его исповедует: такие люди отличаются от тех, что формировались на основе иной догматической концепции [Лосский 2010: 22]. Неудивительно, что люди, принадлежащие к различным культурам, нациям, идеологиям и религиям, зачастую не способны понять друг друга, поскольку, например, их политические ценности, политические же представления, восприятие власти [Шестопад и др. 2019], как и в целом организация мышления, обусловлены различными системами догматов.

Догматы выражаются в форме понятий, закрепляют объект верований в рациональной форме в качестве категорий, по своей гносеологической природе представляя собой результат внерациональных форм познания, касаются области трансцендентного и выходят за границы человеческого мышления [Канаков 2016: 100]. Профессор С. С. Глаголев не без оснований считал, что догматы – это идеалы, к которым нужно стремиться, а не пугала, от которых нужно бежать. По его словам, бездогматизм есть бессодержательность и проповедь незнания, но человечество ищет знания, ищет истины [Глаголев 1905: 28]. Из чего можно заключить, что религиозные догмы отражают доктринальный уровень религии, особенности вероучения и закрепляют отдельные религиозные представления и идеи как абсолютные, предельные, сущностные, конечные, целеполагающие, наивысшие характеристики бытия [Канаков 2016: 99].

Здесь мы делаем акцент на том, что в догматах сформулирована предельная цель жизни человека – самоутверждение личности в вечном бытии. Они вводят его в структурированный и обязательный для всех верующих порядок взаимодействия с окружающим миром, который определяется не самим миром, а догматической формулой, содержащей обетование абсолютного Бога.

Как видим, догматические системы исповедания, повествуя только о Боге, в течение тысячелетий служат опорой менталитета, средоточием высших ценностей каждого человека, принимающего эти догматы. Само догматическое мышление как матрица или инвариантная структура объединяло *религиозные*, а впоследствии и *секулярные* группы людей, пользующихся средствами своих верований. Те и другие длительное время жили в локусе преобладающего догматическо-вероисповедания как в контексте сверхсознательной доминанты.

Догматическое мышление непреложно воспроизводилось в ментальных проявлениях обыденной и общественной жизни, во всех сферах знания, образования, права, науки, философии, культуры, экономической и политической деятельности. Понятия, установки, стереотипы, нормы мышления, традиции и ценности в результате этого процесса со временем стали неотъемлемой частью не только сознания, но и других – подсознательных, а также сверхсознательных – компонентов психики верующих и неверующих людей. Ментально-догматическая самобытность из поколения в поколение возобновляется и утверждается ее носителями – субъектами менталитета как нечто само собой разумеющееся, не требующее каких-либо объяснений и доказательств. Осознаем мы это или нет, но в России большинство ее граждан по-прежнему живет в пространстве православных догматов и ценностей, стандартов мышления и поведения [Ракитянский 2019: 41].

Таким образом, в масштабе геополитических образований общность базисных догматических установок обуславливает их единство. Так, например, с западно-христианской догматической установкой связано единство НАТО, ЕЭС и других геополитических структур в этом менталитете. Исламской догматической установкой определено единство исламского мира как такового, независимо от многочисленных противоречий, национальных и государственных границ. Политическое оно представлено Исламской конференцией, Большой исламской восьмеркой (D-8) и другими структурами.

Применительно к монотеистическим менталитетам геополитическое единство не обязательно представлено реальным государством или территорией, о чем можно судить на примере иудаизма, который в течение тысячелетий, не имея независимого государства, сохранял свою устойчивость и самостоятельное политическое существование благодаря неизменной базисной религиозно-ментальной установке. И, наконец, также с догматической установкой связано геополитическое единство России и ряда союзных с ней государств [Можаровский 2002].

Догматический принцип

Весьма важным в политической психологии является вопрос поиска, выявления и определения как фундаментального основания менталитета, так и возможностей его научного изучения. И здесь *догматический принцип* А. Ф. Лосева не только открывает нам в качестве смыслового ядра менталитета любого этноса, народа и нации «утвержденность вечных истин бытия», но также становится важнейшим методологическим средством исследования глобальных ментальных систем.

Поколения людей различного социального и политического статуса – правители, элитные группы, обыватели – опирались и по сей день ориентируются на догматические смыслы жизни. «Догмат, – пишет А. Ф. Лосев, – есть система теоретического разума, выдвинутая тем или иным религиозным опытом и откровением веры. Он есть всегда рефлексия над религиозным опытом, а не просто непосредственное ведение. Догматика никогда не прекращалась и не прекратится в человечестве. Догмат же всегда есть научно-диалектическая система или принцип ее» [Лосев 2008: 147, 149–150, 152, 190]. Именно поэтому догмат формирует структуру сверхсознательного или надсознательного [Симонов 1994: 60–68], по сути внеприродного [Льюис 2006: 382] феномена, то есть массовой веры, которая и является фундаментом менталитета.

Догмат как истина, *a priori* принимаемая на веру политической, военной, духовной, культурной, хозяйственно-управленческой элитой, формирует смыслообразующие устремления, вектор мышления, воли и верований общностей людей, программирует особенности их жизни и деятельности, воззрения, намерения, чувствования, мотивы и поступки.

В соответствии с догматическим принципом догмат как первичная система априорного знания об устройстве мироздания и смысле человеческого существования, являясь ядром менталитета, обуславливает и характер политической власти целой страны, особенности системы права, ее экономический уклад, нравственность, духовность, саму жизнь и судьбу народов и их политических элит, государств, каждого отдельного человека.

Идеи А. Ф. Лосева развивал В. В. Можаровский в изучении религиозно-ментальных истоков политики. Он показал, что догмат представляет собой такие установки веры, которые утверждаются как всеобщие для всего исповедания, а также такие установки, которые не могут быть выведены с помощью мышления, иначе догмат оказался бы излишним и мог бы быть заменен положениями наличной логики. Первая часть определения показывает отличие догматических установок веры внутри монотеизма, вторая его часть показывает несводимость базисной установки догматической веры к естественному языческому типу мышления.

Догматический базис каждого монотеистического менталитета из поколения в поколение утверждается их носителями – субъектами менталитета – как нечто само собой разумеющееся, не требующее каких-либо объяснений, аргументов и доказательств [Можаровский 2002: 23–24, 42–43]. Вся история существования и развития, проблемы безопасности и выживания любого народа, элит, государств, их политическое устройство определяются выбором и безусловным утверждением тех или иных догматических столпов бытия.

Между тем устойчивые национальные и региональные традиции, охватывающие массы людей как ментальная практика повседневной жизни, по-своему догматичны, при том что они не обладают свойствами трансцендентальности [Ракитянский, Сунь 2016]. Традиции обязательно догматичны, – пишет В. А. Кутырев, – они получены через откровение и переживание от предков без всякого обоснования своей целесообразности. Они служат почвой коллективного или индивидуального бессознательного в чистой или сублимированной форме. Из традиций, которые являются органической частью живой культуры, и произрастают наши мысли [Кутырев 2001: 98].

В отличие от политеистических (идолопоклоннических, языческих) традиций и верований, монотеистическая, религиозно-догматическая вера есть осуществленность мировоззрения и специфическое, субстанциональное, принципиальное утверждение себя в вечности [Лосев 2008: 134]. По мнению У. Джеймса, вера при этом является необходимым фактором истины и сама себя подтверждает [Джеймс 1997: 66]. В монотеизме предмет веры выступает ценностью высшего порядка, и этот предмет находится вне природы и космоса, то есть он *трансцендентен*. В христианстве суть веры определил апостол Павел: «Вера же есть осуществленные ожидаемого и уверенность в невидимом... Верую познаем, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое» [Евр. 11:1].

Монотеистическая вера имеет для масс людей соборный характер и выражена концептом догмата, следование которому предполагает безусловное соблюдение общих норм и правил, независимо от своего языка, расовой, национальной или этнической принадлежности. Догматы как выделенные богословием фундаментальные устои религиозной веры раскрывают те самые «невидимые вещи» как предметы для всеобщего и необходимого исповедания. Догматически определяемая структура веры раскрывает внутреннюю предметность и содержание менталитета. Именно к ней сводятся самые существенные различия, которые позволяют отделить один менталитет от другого [Ракитянский 2020: 117–118].

Религиозный аспект менталитета не сходен с национальным не только границами своего распространения, но и внутренней структурой. Например, ислам охватывает многочисленные этносы и народы на всех континентах. Все представители национальных менталитетов в лоне христианской цивилизации, *верующие* и *неверующие*, соотносят себя с догматами, традициями, нормами и правилами независимо от языка, культурных особенностей и расовой принадлежности.

Завершая наше исследование, отметим, что догматические основания менталитета формировались с момента возникновения у человечества самосознания. Догматы, догматическое мышление и менталитет любого политического субъекта неотделимы от религии, духовной культуры и культуры в целом, в пространстве которой он развивался, притом что в нынешнюю эпоху секуляризма важность самой религии может стоять далеко не на первом месте в иерархии жизненных предпочтений и ценностей современных людей. При снижении уровня религиозности, даже при ее утрате, мышление людей остается неизменно догматичным.

Политические догмы, существующие в современном глобальном контексте, имеют под собой многовековые исторические, культурно-цивилизационные, философские, религиозные и психологические основания. Они детерминируют политическую деятельность, а также гносеологические установки, принципы, нормы, средства и приемы политологической практики. При этом политологическое сообщество современной России демонстрирует в целом безразличное отношение к этой теме. Понятия догматического мышления, политической догмы не представлены в научной и учебной литературе, не включены в концептуальный состав и категориальный строй как политических, так и других социально-гуманитарных наук.

Предварительные итоги

Чтобы обобщить сказанное, представляется возможным сделать ряд довольно простых, но важных теоретических и методологических выводов.

Догматический принцип, кроме своего непосредственного значения, имеет более широкий, собственно методологический смысл – он предполагает возможность изучения закономерностей, механизмов и проявлений догматического мышления.

Догматическое мышление – неотъемлемая функция человеческого сознания как и восприятие, представление, переживание, познание, прогнозирование, целеполагание, память.

Догматическое мышление непреложно подчиняется объективным законам субъективного мира.

Догмы обладают интегративным свойством, являются фактором социализации и ментализации, формируют у правящих элит парадигмы политического

мышления, устойчивые модели мира и стереотипные представления в сознании политических масс.

Преодоление догматической генерализации сознания и возможность перехода политических субъектов к инновационному, проектному мышлению осуществляется посредством рефлексии как надситуативного, метасистемного уровня организации деятельности.

Современная политика, как и прежде, осуществляется в контексте как тысячелетней религиозно-догматической, так и современной секулярно-догматической практики и является ее следствием и результатом.

В политико-психологических исследованиях глобальных политических миров методологический потенциал и эвристический ресурс концепта догмы/догмата позволяет осуществлять исследования глубинных основ как национальных менталитетов [Ракитянский 2010], так и менталитетов культурно-цивилизационных систем [Его же 2020].

Литература

Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс / В. М. Аллахвердов // Экспериментальная психология. Т. 1. СПб. : Изд-во ДНК, 2000.

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. М. : Наука, 2000.

Антанович Н. А. Политика и право: проблемы взаимодействия в современном обществе // Новейшая история (1991–2006 гг.): государство, общество, личность. Минск : Наука, 2006. С. 332–337.

Арановский К. В. Конституционная традиция в российской среде. СПб., 2003.

Баарс Б. Когнитивная теория сознания [Электронный ресурс]. 2020. URL: [file:///H:/%20ПРОЕКТ%20\[2020\]/2%20часть.%20ДОГМА%20Баарс%20Б.%20КОГНИТИВНАЯ%20ТЕОРИЯ%20СОЗНАНИЯ.pdf](file:///H:/%20ПРОЕКТ%20[2020]/2%20часть.%20ДОГМА%20Баарс%20Б.%20КОГНИТИВНАЯ%20ТЕОРИЯ%20СОЗНАНИЯ.pdf).

Бердяев Н. А. Философия свободы / Н. А. Бердяев // Соч. М., 1994.

Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб. : Наука, 1992.

Герасимов Е. Н. Гносеологические корни и психофизиологические предпосылки возникновения догматизма: сб. ст. Киев : Екмо, 2008.

Глаголев С. С. Задачи русской богословской школы. Сергиев Посад, 1905.

Гребенникова Е. В. Субъектность личности: теоретические аспекты проблемы // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2013. № 6(134). С. 140–142.

Грей Д. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М. : Праксис, 2003.

Джеймс У. Психология [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003642927/viewer/.

Джеймс У. Воля к вере. М., 1997.

Задорожник И. Е. Гражданская религия в США: социально-философский анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2008.

Закон Божий, составленный по Священному писанию и изречениям Святых Отцов как практическое руководство в духовной жизни. М. : Сретенский монастырь, 1998.

Канаков Д. В. Определение понятия религиозной догмы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2016. № 4. С. 90–103.

Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 2004.

Карташев А. В. Вселенские соборы. Ч. 1. М., 2017.

Кутырев В. А. Культура и технология: борьба миров. М., 2001.

Кутырев В. А. Философский образ нашего времени (безжизненные миры постчеловечества). Смоленск, 2006.

Кырлежев А. И. Догматы христианские // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М., 2010. С. 680–681.

Леонтьев Д. А. Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. 2010. № 5(3). С. 120–140.

Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М. : Академический проект, 2008.

Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Сергиев Посад, 2010.

Льюис К. С. Пока мы лиц не обрели. СПб. : Библиополис, 2006.

Михайлов А. М. Формирование и эволюция юридической догматики в романо-германской традиции (XII–XIX вв.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

Можаровский В. В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. СПб. : ОВИЗО, 2002.

Остапенко А. А. Христианский антиномизм как возможная методология психолого-педагогической науки // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2009. Вып. 3(14). С. 10–122.

Петр (Люилье), архиеп., Лосский В. Н. Толкование на символ Веры. М. : Благовест, 2008.

Просвещение и Французская революция [Электронный ресурс]. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20903/episode_id/2253985/.

Пуйман С. А. Педагогика: основные положения курса. Минск : ТетраСистемс, 1999.

Ракитянский Н. М. Сарматизм – ментальная основа Республики Речи Посполитой // Информационные войны. 2010. № 3(15). С. 80–87.

Ракитянский Н. М. Иудейский менталитет. Политико-психологическое эссе // Вестник Моск. ун-та. 2013а. № 12(4). С. 55–81.

Ракитянский Н. М. Сверхсознание как фактор формирования политического менталитета // Полис. 2013б. № 6. С. 236–245.

Ракитянский Н. М. Ментальные исследования политических миров. Saarbrücken : Lap Lamert Academic Publishing, 2016.

Ракитянский Н. М. Опыт рассмотрения референций политической ментализации британских элит. Политико-психологическое эссе. Ч. 2 // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2019. № 3. С. 28–43.

Ракитянский Н. М. Ментальные исследования глобальных политических миров. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2020.

Ракитянский Н. М., Сунь Ц. Опыт концептуального моделирования китайского политического менталитета. Ч. 1 // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. 2016. № 2. С. 57–79.

Симонов П. В. О двух разновидностях неосознаваемого психического: под- и сверхсознании // Бессознательное: сб. ст. Т. I. Новочеркасск : Агентство Сагуна, 1994. С. 60–68.

Фромм Э. Догмат о Христе. М., 1998.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2019. С. 91–94.

Шестопад Е. Б., Вагина В. В., Пасс П. С. Новые тенденции в восприятии власти российскими гражданами // Полития. 2019. № 4(95). С. 67–83.

Юнг К. Г. Психология и религия / К. Г. Юнг // Архетип и символ. М., 1991. С. 160–162.

Юрьев А. И. Психология бессознательного / А. И. Юрьев // Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала. СПб. : Logos, 2006. С. 22.

References

Allahverdov V. M. Soznaniye kak paradox [Consciousness is Like a Paradox] / V. M. Allahverdov // Eksperimental'naya psikhologika [Experimental Psychology]. Vol. 1. St. Petersburg : Publishing House of DNA, 2000.

Ananyev B. G. Chelovek kak predmet poznaniya [Man as an Object of Knowledge]. Moscow : Nauka, 2000.

Antanovich N. A. Politika i pravo: problemy vzaimodeystviya v sovremennom obshchestve [Politics and Law: Problems of Interaction in Modern Society] // Noveyshaya istoriya (1991–2006 gg.): gosudarstvo, obshchestvo, lichnost' [Recent History (1991–2006): State, Society, Personality]. Minsk : Nauka, 2006. Pp. 332–337.

Aranovsky K. V. Konstitutsionnaya traditsiya v rossiyskoy srede [Constitutional Tradition in the Russian Environment]. St. Petersburg, 2003.

Baars B. Kognitivnaya teoriya soznaniya [Cognitive Theory of Consciousness]. 2020. URL: <file:///H:/-PROJECT/2/part.DOGMA/BaarsB/Cognitive%20THEORY%20CONSCIOUSNESS.pdf>.

Berdyayev N. A. Filosofiya svobody [Philosophy of Freedom] / N. A. Berdyayev // Soch. [Op.]. Moscow, 1994.

Hegel G. V. F. Fenomenologiya dukha [Phenomenology of the Spirit]. St. Petersburg : Science, 1992.

Gerasimov E. N. Gnoseologicheskiye korni i psikhofiziologicheskiye predposylki vznikhoveniya dogmatizma: sb. statey [Epistemological Roots and Psychophysiological Prerequisites for the Emergence of Dogmatism: collected works]. Kiev : Ekmo, 2008.

Glagolev S. S. Zadachi russkoy bogoslovskoy shkoly [Tasks of the Russian Theological School]. Sergiyev Posad, 1905.

Grebennikova E. V. Sub'yektnost' lichnosti: teoreticheskiye aspekty problem [Subjectivity of Personality: Theoretical Aspects of the Problem] // Vestnik TGPU (TSPU Bulletin). 2013. Vol. 6(134). Pp. 140–142.

Gray D. Pominki po Prosveshcheniyu: Politika i kul'tura na zakate sovremennosti [Enlightenment Wake: Politics and Culture at the Sunset of Modernity]. Moscow : Praxis, 2003.

James W. Psikhologiya [Psychology]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003642927/viewer/.

James W. Volya k vere [Will to Faith]. Moscow, 1997.

Zadorozhnyuk I. E. Grazhdanskaya religiya v SSHA: sotsial'no-filosofskiy analiz [US Civil Religion: A Socio-Philosophical Analysis]: Ph.D. dissertation abstract. Moscow, 2008.

Zakon Bozhiiy, sostavlenyy po Svyashchennomu pisaniyu i izrecheniyam Svyatykh Ottsov kak prakticheskoye rukovodstvo v dukhovnoy zhizni [The Law of God, Compiled According to the Holy Scriptures and the Sayings of the Holy Fathers as a Practical Guide in Spiritual Life]. Moscow : Sretenskiy monastyr', 1998.

Kanakov D. V. Opredeleniye ponyatiya religioznoy dogmy [The Definition of Religious Dogma] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 7. Filosofiya [Philosophy]. 2016. No. 4. Pp. 90–103.

Karpov A. V. Psikhologiya refleksivnykh mekhanizmov deyatelnosti [Psychology of Reflexive Mechanisms of Activity]. Moscow : Institute of Psychology RAS, 2004.

Kartashev A. V. Vselenskiye sobory [Ecumenical Councils]. Part 1. Moscow, 2017.

Kutyrev V. A. Kul'tura i tekhnologiya: bor'ba mirov [Culture and Technology: the Struggle of the Worlds]. Moscow, 2001.

Kutyrev V. A. Filosofskiy obraz nashogo vremeni (bezhiznennyye miry postchelovechestva) [The Philosophical Image of Our Time (Lifeless Worlds of Posthumanity)]. Smolensk, 2006.

Kirlezhev A. I. Dogmaty khristianskiye [Christian Dogmas] // Novaya filosofskaya entsiklopediya [New Philosophical Encyclopedia]: 4 vols. Moscow, 2010. Vol. 1. Pp. 680–681.

Leontiev D. A. Lichnost' v nepredskazuyemom mire [Personality in an Unpredictable World] // Metodologiya i istoriya psikhologii [Methodology and the History of Psychology]. Vol. 5. No. 3. 2010. Pp. 120–140.

Losev A. F. Dialektika mifa [The Dialectic of Myth]. Moscow : Akademicheskii proyekt, 2008.

Losskiy V. N. Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoy Tserkvi. Dogmaticheskoye bogosloviye [Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology]. Sergiyev Posad, 2010.

Lewis K. S. Poka my lits ne obreli [Until We Found Faces]. St. Petersburg : Bibliopolis, 2006.

Mikhailov A. M. Formirovaniye i evolyutsiya yuridicheskoy dogmatiki v romano-germanskoy traditsii (XII–XIX vv.) [The Formation and Evolution of Legal Dogma in the Roman-Germanic Tradition (12th – 19th Centuries)]: Legal Sciences candidate dissertation abstract. Moscow, 2012.

Mozharovsky V. V. Kritika dogmaticheskogo myshleniya i analiz religiozno-mental'nykh osnovaniy politiki [Criticism of Dogmatic Thinking and Analysis of the Religious-Mental Foundations of Politics]. St. Petersburg : OVISO, 2002.

Ostapenko A. A. Khristianskiy antinomizm kak vozmozhnaya metodologiya psikhologo-pedagogicheskoy nauki [Christian Antinomism as a Possible Methodology of Psychological and Pedagogical Science] // Vestnik PSTGU IV: Pedagogika. Psikhologiya. 2009. Vol. 3(14). Pp. 10–122.

Petr (Liuille), archbishop, Losskiy V. N. Tolkovaniye na Simvol very [Interpretation of the Symbol of Faith]. Moscow : Blagovest, 2008.

Prosveshcheniye i Frantsuzskaya revolyutsiya [Enlightenment and the French Revolution]. URL: // https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20903/episode_id/2253985/.

Puyman S. A. Pedagogika: osnovnyye polozheniya kursa [Pedagogy: the Main Provisions of the Course]. Minsk : TetraSystems, 1999.

Rakityansky N.M. Sarmatism – mental'naya osnova Respubliki Rechi Pospolitoj [Sarmatism – the Mental Foundation of the Republic of the Commonwealth] // *Informatsionnyye voyny*. 2010. No. 3(15). Pp. 80–87.

Rakityansky N. M. Iudeyskiy mentalitet. Politiko-psikhologicheskoye esse [Jewish Mentality. Political and Psychological Essay] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 12*. 2013a. No. 4. Pp. 55–81.

Rakityansky N. M. Sverkhsoznaniye kak faktor formirovaniya politicheskogo mentaliteta [Superconsciousness as a Factor on the Formation of Political Mentality] // *Polis*. 2013b. No. 6. Pp. 236–245.

Rakityansky N. M. Mental'nyye issledovaniya politicheskikh mirov [Mental Research of Political Worlds]. Saarbrücken : Lap Lamert Academic Publishing, 2016.

Rakityansky N. M. Opyt rassmotreniya referentsiy politicheskoy mentalizatsii britanskikh elit. Politiko-psikhologicheskoye esse [The Experience of Considering the References of Political Mentalization of British Elites. Political and Psychological Essay]. Part 2 // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 12. Politicheskiye nauki [Political Sciences]*. Moscow : MSU Publishing House, 2019. No. 3. Pp. 28–43.

Rakityansky N. M. Mental'nyye issledovaniya politicheskikh mirov [Mental Studies of Global Political Worlds]. Moscow : MSU Publishing House, 2020.

Rakityansky N. M., Sun C. Opyt kontseptual'nogo modelirovaniya kitayskogo politicheskogo mentaliteta [Experience of Conceptual Modeling of the Chinese Political Mentality]. Part 1 // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 12*. 2016. No. 2. Pp. 57–79.

Simonov P. V. O dvukh raznovidnostyakh neosoznavayemogo psikhicheskogo: pod- i sverkhsoznanii [On Two Varieties of the Unconscious Mental: Sub- and Super-Consciousness] // *Bessoznatel'noye: sb. statey [Unconscious: collected works]*. Vol. I. Novocherkassk : Saguna Agency, 1994. Pp. 60–68.

Fromm E. Dogmat o Khriste [Dogma of Christ]. Moscow, 1998.

Chumakov A. N. Global'nyy mir: stolknoveniye interesov [Global World: Clash of Interests]. Moscow : Prospect, 2019. Pp. 91–94.

Shestopal E. B., Vagina V. V., Pass P. S. Novyye tendentsii v vospriyatii vlasti Rossiyskimi grazhdanami [New Trends in the Perception of Power by Russian Citizens] // *Politiya*. 2019. No. 4(95). Pp. 67–83.

Jung K. G. Psikhologiya i religiya [Psychology and Religion] / K. G. Jung // *Arkhetip i simvol [Archetype and Symbol]*. Moscow, 1991. Pp. 160–162.

Yuriev A. I. Psikhologiya bessoznatel'nogo [Psychology of the Unconscious] / A. I. Yuriev // *Strategicheskaya psikhologiya globalizatsii: Psikhologiya chelovecheskogo kapitala [Strategic Psychology of Globalization: Psychology of Human Capital]*. St. Petersburg : Logos, 2006. P. 22.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

РАЗВИТИЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМЫ КООРДИНАТ МИРА

Кожевников Н. Н., Данилова В. С.*

Система координат мира позволяет сформировать взгляд на вещи с точки зрения их внутренних и внешних пределов динамических равновесий и опирается на детерминистический хаос, присутствующий на всех уровнях организации мира.

Опора на предельные динамические равновесия позволяет уточнить представления об основных понятиях: «вещь», «мир», «сущее», «бытие» – и рассмотреть идентификацию, коммуникацию и стремление к устойчивым ритмам вещи применительно к России. Полная идентификация России неизбежно связана с пределами динамических равновесий и включает идентификацию окружающей среды, неживой и живой природы, всех вещей, с которыми взаимодействует наша страна.

Горизонт коммуникации России должен быть планетарным, затрагивающим все геосферы, что отсеивает второстепенное по сравнению с общечеловеческими процессами. Устойчивые ритмы должны тесно взаимодействовать с культурно-цивилизационными сетями, включающими в себя научные, образовательные, информационные, экономические, финансовые и другие их разновидности. Такие сети будут устойчивыми, если каждая их ячейка будет уравнивать свои идентификацию, коммуникацию и внутренние ритмы, изоморфные описанным выше пределам. Если в процессе исследования постоянно возвращаться к предельно-равновесным параметрам системы координат, то тексты всех вещей мира становятся постепенно доступными, а все особенности и свойства рассматриваемых процессов – выявленными.

Не только всякая вещь устремлена к системе координат мира, но и последняя также устремлена к вещи (России). Если объединить эти встречные процессы, сделать их взаимодополняемыми, то развитие нашей страны будет идти наиболее естественным образом.

Ключевые слова: динамическое равновесие, вещь, сущность, бытие, текст, идентификация, коммуникация, ритмы, феномен, горизонт.

The coordinate system of the world allows us to develop the view of things from the point of view of their internal and external limits of dynamic equilibria

---

* Кожевников Николай Николаевич – д. ф. н., профессор Северо-Восточного федерального университета (СВФУ), г. Якутск. E-mail: nikkoz@gmail.com.

Данилова Вера Софроновна – д. ф. н., профессор Северо-Восточного федерального университета (СВФУ), г. Якутск. E-mail: vsdaniлова@gmail.com.

and is based on the deterministic chaos present at all levels of the organization of the world.

The reliance on extreme dynamic equilibria allows us to clarify ideas about the basic concepts: Thing, World, Existence, and Being and consider the identification, communication and desire for stable rhythms of things in relation to Russia. The complete identification of Russia is inevitably connected with the limits of dynamic equilibria and includes the identification of the environment, inanimate and living nature and of all things with which Russia interacts. The communication horizon of Russia should be planetary, affecting all geospheres, which eliminates the secondary compared to universal processes. The sustainable rhythms should closely interact with cultural and civilizational networks, including scientific, educational, informational, economic, financial and other types of it. Such networks will be stable if each of their cells balances their identification, communication and internal rhythms isomorphic to the limits described above. If in the process of research we constantly return to the limit equilibrium parameters of the coordinate system, then the texts of all things of the "world" become gradually accessible, and all the features and properties of the processes under consideration are revealed.

Not only everything is directed to the coordinate system of the world, but the latter is also directed to the thing (to Russia). If we combine these processes and make them mutually complementary, then the development of Russia will proceed in the most natural way.

Keywords: *dynamic equilibrium, thing, essence, being, text, identification, communication, rhythms, phenomenon, horizon.*

В своем развитии Россия никогда не опиралась на естественную систему координат, фундированную в окружающем мире, хотя осмысление ее контуров в различных формах было намечено в российских философии и религии. Кроме того, здесь были созданы продукты высокой духовности в гуманитарных и естественно-научных сферах (в литературе, музыке, живописи и т. п.), а у россиян всегда наблюдалось онтологическое стремление к истине и правде. Особое значение также имеет нахождение России в одном из географических и социально-экономических центров планеты (одном из хартлендов). Все это хорошо коррелирует с системой координат мира, и Россия вполне может продолжить свое дальнейшее развитие, опираясь на такую систему координат.

Вышесказанное хорошо соответствует основным идеям современной глобалистики. Так, А. Н. Чумаков рассматривает управление глобальными процессами и их регулирование и обосновывает, что в современном мире возможно только последнее [Чумаков 2019: 309–408].

Вездесущность предельных динамических равновесий в мире

Система координат мира позволяет сформировать взгляд на вещи с точки зрения их трансцендентальных границ. Последние являются внутренними и внешними пределами динамических равновесий вещей и опираются на детерминистический хаос, присутствующий на всех уровнях организации мира. Все процессы в неживой, живой, социальной и гуманитарной сферах протекают от одного равновесия к другому, используя промежуточные равновесные структуры в качестве направляющих и корректирующих. Опора на предельные основания мира развиваемого

нами подхода согласуется с представлениями о философии как о системе знаний, ориентированной на предельные основания науки и культуры.

В развиваемом подходе все уровни структурной организованности мира равноправны. Большинство философских систем выстроены таким образом, что сначала рассматриваются мир (неживое), природа (живое), затем человек, и уже на вершине этой пирамиды – сознание и продукты человеческого духа. Между тем с точки зрения предельных равновесий каждый из уровней мира по-своему совершенен. В микромире нет сознания, но процессы, взаимодействия там между отдельными вещами (электронами, нуклонами) организованы ничуть не хуже, чем на тех уровнях, где оно есть.

Система координат мира на основе предельных динамических равновесий детерминистического хаоса

Основная идея системы координат мира на основе предельных динамических равновесий сводится к тому, что все вещи имеют интенциональную устремленность к трем предельным фундаментальным равновесиям: идентификационному (I – предел), коммуникационному (C – предел) и ритмическому (K – предел) по соответствующим направлениям с такими же названиями. В свою очередь эти пределы также стремятся к взаимодействию с вещью, что обусловлено самоорганизацией мира в целом. Вещь начинает взаимодействовать с пределами I , C , K эпизодически, но затем такая связь может стать устойчивой и определяющей. Однако вещь никогда не достигает этих пределов, которые находятся в области трансцендентального [Kozhevnikov, Danilova 2016].

Идентификационное предельное динамическое равновесие обусловлено тем, что любая вещь стремится к самоидентификации (самоорганизации). Коммуникационное предельное равновесие характеризуется тем, что устойчиво существовать вещи могут только в оптимально организованных системах. Опорные ритмы вещей и охватывающих их систем опираются на динамические равновесия, которые подвержены устойчивым колебаниям.

С каждым этапом процесса изменения любой вещи можно сопоставить промежуточные предельные динамические равновесия F , H , G , которые подобны (гомеоморфны) фундаментальным равновесиям I , C , K . В пределах промежуточной ячейки (F , H , G) устанавливается равновесие между произвольной вещью и промежуточными пределами ее возможных динамических равновесий: феноменом (F), горизонтом (H) и собственным ритмом гармонии (G) [Kozhevnikov, Danilova 2018].

Уточнение исходных понятий с точки зрения предельных динамических равновесий системы координат мира

Опора на предельные динамические равновесия позволяет уточнить представления об основных понятиях: «вещь», «мир», «сущее», «бытие». Все эти понятия взаимодействуют как с организованностью, так и с детерминистическим хаосом, формируя соответствующие динамические равновесия. Это возможно, поскольку детерминистический хаос и детерминистический порядок представляют собой две грани одного и того же явления. Перечисленные понятия не пересекаются, но граничат и взаимодействуют друг с другом.

Вещь характеризуется организованностью O , коммуникационными ресурсами E (в зависимости от уровня организации мира – энергией, информацией), вре-

менем существования определенного этапа ее развития T , на котором часть коммуникационных ресурсов E и времени T вещи обеспечивают формирование ее новых динамических равновесий [Кожевников 2018б]. Вещь всегда содержит в себе какую-то степень организованности (в том числе случайной, с нарушенным порядком), запас коммуникационных ресурсов и опорный ритм.

Мир состоит из множества отдельных вещей (становящихся, взаимодействующих друг с другом) и содержит в себе всю их организованность. Целесообразно выделить основные уровни структурной организации мира, которые будут отличаться от традиционно выделяемых, таких как неживое, живое, социальное, духовное или аналогичные им. В нашем подходе структурные уровни определяются фундаментальными равновесиями мира, соответствующими вакууму, инерциальным системам, квазистатическим процессам и т. п. Конкретные вещи рассматриваются на любом уровне организации мира.

Сущность – внутреннее содержание вещи, выражающееся в устойчивом единстве всех форм его бытия. Согласно И. Канту, сущность характеризует необходимые устойчивые признаки вещи. Представление понятий сущности и сущего на основе системы координат мира детерминистического хаоса позволяет сформировать их ясную репрезентацию. Для вещи можно выделить три основания, связанных с ее предельными динамическими равновесиями. Все эти основания тесно переплетены и перетекают одно в другое. Вещь после ее взаимодействия с идентификационным пределом системы координат выявляет свои наиболее яркие характерные черты, представляемые как феномен. Для того чтобы последний стал устойчивым, он посредством взаимодействия с коммуникационным пределом и ритмическим пределом должен обрести свое существование. Таким образом, опора на три вышеуказанных предела позволяет вещи длительно существовать и обрести свою сущность. Сущность представляет собой промежуточное динамическое равновесие вещи, а сущее – совокупность пределов всех сущностей и является границей мира.

Бытие – это совокупность текстов сущностей и сущего. Тексты сущностей – это хаос бытия, тогда как тексты сущего обеспечивают самоорганизацию вещей мира и соответственно мира в целом. Тексты бытия пронизывают весь мир и воздействуют на вещь как окружающая среда, обеспечивающая ее взаимодействие с другими вещами. Тексты сущего являются связкой с бытием, поскольку сущее всегда «есть». Согласно М. Хайдеггеру, «бытие – это не Бог и не основа мира. Бытие дальше, чем все сущее, и все же ближе человеку, чем любое сущее, будь то камень, животное, произведение искусства, машина, будь то ангел или Бог. Бытие есть ближайшее. Однако близкое остается человеку самым далеким» [Хайдеггер 1993: 344]. Именно тексты сущностей и сущего являются таким далеким и ближайшим, как тексты Солнца, например, его свет, тепло, различные излучения.

Взаимосвязь вещи с системой координат мира

Вещь, являющаяся, как правило, открытым образованием, участвует в процессах самоорганизации, вступая во взаимодействие с пределами идентификации, коммуникации и ритмов ее гармонии. Взаимодействие с этими предельными равновесными состояниями позволяет вещи избавляться от случайных характеристик и обрести «истинное» устойчивое основание.

Идентификация вещи начинается с выявления ею наиболее устойчивых самоорганизационных равновесий, от которых со временем остаются только такие,

которые определяют ее фундаментальный каркас. Идентификация исследуемой вещи является «внутренним» процессом самоорганизации. Например, в звезде происходят главным образом ядерные самоорганизационные процессы. Развитие особой млекопитающих связано прежде всего с ее внутренними химическими и биологическими процессами самоорганизации.

Стремление вещи к пределу коммуникации – это стремление стать элементом целостной, оптимальной и устойчивой системы. При этом отсеивается все, что мешает этой системе обрести вышеуказанные характеристики. Самоорганизация в этом случае определяется горизонтом коммуникации. Обрести длительное существование вещи могут только в устойчивых системах: звезды – в звездно-планетарных, особи – в популяциях и т. п. Ядром этой устойчивости являются коммуникационные ресурсы, обеспечивающие устойчивое существование вещи, ее длительное настоящее, утверждение вещи в нем.

Ориентация на ритмы гармонии – это стремление найти соответствие между внутренними ритмами вещей и ритмами текстов, с которыми она взаимодействует. Устойчивость этих ритмов определяет готовность вещи вступить в устойчивое взаимодействие с другими вещами. Устойчивые и оптимальные ритмы и ритмо-каскады, связанные с мировой гармонией, пронизывают весь мир и превалируют над имеющими в нем место разрушительными тенденциями. Эти ритмы определяются устойчивыми движениями (вращением, колебаниями и т. п.) метагалактики, галактик, звезд, геосфер, человека и т. п. Если процессы не соответствуют ритмам мировой гармонии, то такая вещь будет неустойчивой и довольно быстро прекратит свое существование.

Стремление к пределам идентификации, коммуникации, устойчивых ритмов шаг за шагом выявляет сущность вещи. Сущность представляет собой промежуточное динамическое равновесие вещи, опирающееся одновременно на феномен, горизонт и основной ритм вещи. С точки зрения развиваемого нами подхода ему можно сопоставить внешнюю для вещи ячейку системы координат мира (F, H, G) [Кожевников 2018a]. Сущее представляет собой совокупность пределов всех сущностей определенного типа и является границей мира. Его можно сопоставить внутренней для вещи ячейке (I, C, K).

Обе эти ячейки являются инвариантами составляющих их пределов, которые могут изменяться в значительных диапазонах, тогда как сами ячейки являются устойчивыми и оптимальными структурами системы координат, связанными с вещью, и относятся к области трансцендентального. Устойчивые вещи могут образоваться в результате самоорганизации, выявляющей их предельные равновесия.

Можно привести пример космических образований, которые возникли как возможные кандидаты на роль звезды, но огромное их число не сумело полностью сформироваться (Юпитер, Сатурн), зажечься, осталось на уровне звезд первого или второго поколения. Многие звезды оказались неравновесными: стали новыми или сверхновыми, то есть быстро разрушились. Однако какие-то звезды находят свою сущность благодаря тому, что сумели «зацепиться» за пределы идентификации, коммуникации, ритмов. Они начинают гореть равновесно, их планетарные системы, пройдя период хаоса, обретают устойчивость, происходит постепенное настраивание их существования на ритмы мировой гармонии. Вещь-звезда находит свое сущее.

Самоорганизация вещи позволяет выявить ее сущность. Самоорганизация сущности – тексты бытия. Самоорганизация текстов бытия – сущее вещи. Бытие – это тексты сущего, а через него – тексты любой конкретной вещи. Во всех сферах мира (неживого, живого, социального, гуманитарного) мы имеем дело с расшифровкой текстов.

Взаимодействие России с системой координат мира

Рассмотрим идентификацию, коммуникацию и стремление к устойчивым ритмам вещи применительно к нашей стране. Идентификация России должна охватывать все характерные черты, способные обеспечить выявление полной ее сущности. Каждая из сфер человеческой деятельности страны: культура, образование, наука, экономика, финансы и т. п. имеет свои идентификационные, коммуникационные, ритмические пределы, но по отдельности их можно рассматривать только в модельных, изолированных друг от друга исследованиях. В реальных условиях они непрерывно взаимодействуют друг с другом. Полная идентификация России неизбежно связана с пределами динамических равновесий и приводит к рассмотренной выше системе координат мира. Взгляд с точки зрения вышеупомянутых пределов неизбежно включает идентификацию окружающей среды, неживой и живой природы, всех вещей, с которыми взаимодействует Россия.

Коммуникация России со всеми окружающими ее вещами также может быть рассмотрена как совокупность естественных тенденций, согласно которым все природные или культурные образования в природе, социуме, гуманитарной сфере стремятся к коммуницированию. Культуры могут существовать только потому, что они коммуницируют благодаря активности создающих их людей. Цивилизации также должны коммуницировать, и это единственный путь для дальнейшего развития человечества. Система координат на основе предельных динамических равновесий может сделать эту коммуникацию максимально укомплектованной по всем возможным типам взаимодействий и, следовательно, равновесной. Горизонт коммуницирования при этом будет планетарным, затрагивающим все геосферы, что отсеивает второстепенное по сравнению с планетарными структурами. Это позволяет рассмотреть основные тенденции развития России в контексте планетарных и общечеловеческих процессов.

Для устойчивого взаимодействия России с ее подсистемами и с окружающей средой необходим третий компонент системы координат мира – устойчивые ритмы гармонии. Ритмы могут объединять самые различные образования мира, поскольку являются наиболее гибкими и способны проникнуть в любую сферу – социума, духа, охватить любые процессы и явления. В процессе самоорганизации любой такой ритм стремится оптимизироваться, увеличить свою устойчивость, включиться в более общую иерархию ритмов и ритмокаскадов. Любое планетарное образование, в том числе и Россия, вовлечено в ритмы, которые определяются вращением Земли, Солнца и другими циклическими процессами. Наша страна все теснее взаимодействует с культурно-цивилизационными сетями, включающими в себя научные, образовательные, информационные, экономические, финансовые и другие их разновидности. Такие сети станут устойчивыми, только если их ячейки будут ориентироваться на описанные выше пределы, то есть каждая такая ячейка должна уравнивать свои идентификацию, коммуникацию и внутренние ритмы сети, изоморфные ритмам гармонии связанных с ними вещей.

Если в процессе исследования постоянно возвращаться к предельно-равновесным параметрам системы координат, то все особенности и свойства рассматриваемых процессов постепенно будут выявлены. Именно такой подход способен обеспечить полноценное, всестороннее исследование всей сложности окружающего нас мира, поскольку в основе всех действительно значимых продуктов окружающего мира и человеческого духа лежит уникальная самоидентификация.

Тексты всех вещей мира постепенно становятся доступными. Тексты системы координат мира всегда будут представлять собой тайну, однако и ее можно по мере необходимости исследовать косвенными методами или определить как набор исходных аксиом мира, который постоянно уточняется. Все иррациональное, непроясненное, но так или иначе соотносящееся с предельными динамическими равновесиями, может быть включено в ячейки системы координат. Это видно на всех уровнях мироздания: объемы темной материи и темной энергии значительно превышают объем видимой Вселенной, вакуум содержит в себе корни всех существующих полей. Инерция, квазистатический процесс, духовность являются сложными образованиями, в значительной степени тайной, однако восприятие их как предельного аттрактора решает многие вопросы, связанные с развитием окружающего нас мира, сводит его к моделям и репрезентациям. Все остальные тексты вне системы координат подлежат расшифровке.

Все вещи, природные и культурные процессы оказываются связанными друг с другом посредством предельных равновесий координатной системы. С ними должны быть связаны сетевые структуры (культурные, научные и т. п.), которые сопровождают все явления, способны гармонизировать глобальные процессы и обеспечить устойчивый диалог между культурами и цивилизациями в современных условиях. Взаимодействие индивида с сетями происходит посредством самоорганизации вследствие объективных процессов.

Дискуссия

Не только всякая вещь устремлена к системе координат мира, но и последняя также устремлена к вещи (России). Если объединить эти встречные процессы, сделать их взаимодополняемыми, то развитие России будет идти наиболее естественным и наименее болезненным для ее населения образом. Особое значение для гармонизации этих процессов приобретают культурно-цивилизационные сети, связанные с системой координат мира.

Наиболее важными свойствами таких связанных с системой координат мира сетей являются следующие. Установление резонансных взаимосвязей между ячейками различных уровней организации сетей: индивидом, личностью (микроуровень); этносами, культурами (мезоуровень); планетарными, общечеловеческими процессами (макроуровень). Создание противовесов для процессов, протекающих во всех сферах современной человеческой деятельности, так что любое скоропалительное неравновесное решение и направляемое им действие неизбежно будет остановлено инерцией сетей, «завязнет» в них. В сетевых процессах присутствует обратная связь, что позволяет вернуть действие или его часть назад и исправить ошибку.

Все сферы духовной деятельности человека имеют свои устойчивые и оптимальные механизмы идентификации, коммуникации, стремление к устойчивым ритмам, которые направляют сетевой социум к устойчивому, оптимальному раз-

виту и позволяют ему избежать катастрофических потрясений. Поскольку с точки зрения предельных динамических равновесий процессы, происходящие на всех уровнях мира, гомеоморфны, развиваемый подход углубляет идеи синтеза философских идей Запада и Востока, Севера и Юга. Он созвучен идеям великого равновесия и мировой гармонии китайской и индийской философий.

Устойчивая взаимосвязь человека и человечества с природной координатной системой является необходимым условием их дальнейшего развития. Только в этом случае человечество не погубит биосферу, но сможет развиваться гармонично, оптимально и практически неограниченно долго. Мир спасут не пришельцы, не красота, его спасет опора всей дальнейшей деятельности человечества на систему координат мира [Кожевников 2018а].

Литература

Кожевников Н. Н. Метафизический, онтологический, феноменологический, герменевтический аспекты системы координат мира на основе предельных динамических и сетевых равновесий. Якутск : Изд. дом СВФУ, 2018а.

Кожевников Н. Н. Универсальная система координат мира на основе предельных динамических равновесий // Наука и техника в Якутии. 2018б. № 1(34). С. 10–14.

Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Республика, 1993.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2019.

Kozhevnikov N. N., Danilova V. S. The World Coordinate System on the Basis of Limit Dynamic Equilibriums // European Journal of Philosophical Research. 2016. Vol. 5. No. 1. Pp. 18–26.

Kozhevnikov N., Danilova V. Human Development in the World Coordinate System on the Basis of Limit Equilibria // Agatos. 2018. Vol. 9. No. 1. Pp. 135–143.

References

Kozhevnikov N. N. Metafizicheskiy, ontologicheskiy, fenomenologicheskiy, hermenevicheskiy aspekty sistemy koordinat mira na osnove predel'nykh dinamicheskikh i setevykh ravnovesiy [Metaphysical, Ontological, Phenomenological, Hermeneutic Aspects of the World Coordinate System Based on the Limit of Dynamic and Network Equilibria]. Yakutsk : NEFU Publishing House, 2018а.

Kozhevnikov N. N. Universal'naya sistema koordinat mira na osnove pre-del'nykh dinamicheskikh ravnovesiy [Universal Coordinate System of the World Based on Extreme Dynamic Equilibria] // Nauka i tekhnika v Yakutii. 2018b. No. 1(34). Pp. 10–14.

Heidegger M. Vremya i bytiye [Time and Being]. Moscow : Respublika, 1993.

Chumakov A. N. Global'nyy mir: stolknoveniye interesov [Global World: Conflict of Interest]. Moscow : Prospect, 2019.

Kozhevnikov N. N., Danilova V. S. The World Coordinate System on the Basis of Limit Dynamic Equilibriums // European Journal of Philosophical Research. 2016. Vol. 5. No. 1. Pp. 18–26.

Kozhevnikov N., Danilova V. Human Development in the World Coordinate System on the Basis of Limit Equilibria // Agatos. 2018. Vol. 9. No. 1. Pp. 135–143.

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ХАРБИНЕ*

Чишков Н. С.**

В статье описывается история русских переселенцев в Маньчжурию, связанная со строительством Китайско-Восточной железной дороги. Рассматриваются особенности взаимодействия двух культур в основном русскими переселенцами в 1898 г. городе Харбине. Делается акцент на событиях, которые оказали наибольшее влияние на культурную особенность города и на то, как культурное взаимодействие русских и китайцев отразилось на городе и населении Харбина. Отдельная часть статьи посвящена созданию русскими переселенцами учебных заведений, которые способствовали сближению двух культур. Преподавание русского языка, литературы и истории местному населению и изучение русскими культуры Китая оказало плодотворное влияние на последующие поколения всего региона.

Ключевые слова: Харбин, Маньчжурия, Китай, Россия, русские переселенцы, русская эмиграция, культурное взаимодействие, сотрудничество.

The article describes the history of Russian settlers in Manchuria related to the construction of the Sino-Eastern Railway. In the article we show the peculiar interaction between two cultures in the Harbin, the city founded by Russian settlers in 1898. The emphasis is put on the events that had the greatest impact on the cultural peculiarity of the city and on how the cultural interaction between the Russians and Chinese affected Harbin's architecture and population. A special section of the article is devoted to the educational institutions created by the Russian settlers, which contributed to the convergence of the two cultures. Teaching the Russian language, literature and history to the local Chinese population and studying the Chinese culture by the Russians had a fruitful impact on future generations of the whole region.

Keywords: Harbin, Manchuria, China, Russia, Russian settlers, Russian emigration, cultural interaction, cooperation.

Исторический аспект проблемы

Особый интерес российского правительства к землям Китая, в частности к Маньчжурии, появляется в первые годы царствования Александра II. Ряд западных государств (Великобритания, Франция и Германия), а также Япония в борьбе за господствующее положение в мире и желая получить доступ к сырьевым ресур-

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-11-93002 «Культурно-философские основания китайско-российского сотрудничества».

** Чишков Николай Сергеевич – м. н. с. Института философии РАН. E-mail: nik.fall@gmail.com.

сам Дальнего Востока, оказывая сильное давление на китайское правительство, начинают учреждать свои торговые концессии. Основная цель дальневосточной политики России отличалась от целей Японии и западных стран. Следует отметить, что Россия не стремилась насильственно захватить эту территорию ради добычи ресурсов. Об этом свидетельствуют как записки Министерства иностранных дел, так и личные беседы главы внешнеполитического ведомства, светлейшего князя Александра Михайловича Горчакова с императором. В них он неоднократно отмечал, что первоочередной задачей России на Дальнем Востоке является заключение взаимовыгодного торгового союза с Китаем и укрепление своих границ в связи с нарастающей угрозой со стороны Японии.

Уже при императоре Александре III начинается строительство южной ветки Транссибирской магистрали, которая получила название Китайско-Восточная железная дорога (Харбинская железная дорога). По замыслу инженеров, она должна была сократить Сибирскую магистраль почти на 550 километров. Основная функция, которую должна была выполнять железная дорога, это возможность быстрой переброски войск в Маньчжурию, а также, по мнению С. Ю. Витте, способствовать мирному присоединению Маньчжурии к Российской империи. Помимо этого, железная дорога должна была полностью обеспечить содержание военных гарнизонов, а в дальнейшем способствовать развитию обороны Порт-Артура. Необходимость присутствия военного контингента была обусловлена нарастающей военной активностью Японии на Дальнем Востоке.

В 1896 г. Россия и Китай, заключив военный союз, смогли ратифицировать строительство Китайско-Восточной железной дороги. Спустя два года на железной дороге русскими была основана станция, получившая название Харбин. Создавался город в первую очередь в качестве железнодорожного узла, который должен был обеспечить экономическую стабильность региона. Основателями Харбина были дворяне, инженеры Николай Сергеевич Свиягин, Адам Иванович Шидловский и министр путей сообщения князь Михаил Иванович Хилков. Именно А. И. Шидловский вместе с небольшим отрядом обнаружил место, на котором после был построен Харбин. По мере строительства железной дороги и создания поселений русскими в регионе начинают действовать законы империи, создаются свои суды, полиция и охрана железной дороги.

В середине 1903 г. по Китайско-Восточной железной дороге начинают ходить товарные и пассажирские поезда, что серьезно способствует экономическому росту региона и сильно мешает интересам Японии на территории Китая. В 1904 г. начинается Русско-японская война, в ходе которой Россия потерпела поражение. В результате этой войны часть китайской территории и соответственно железной дороги отошли Японии. Война оказалась убыточной не только для русского, но и для маньчжурского торгового сообщества, которые на тот момент уже почувствовали экономическую выгоду от взаимного сотрудничества. Из-за насильственной оккупации территории Китая Япония не смогла извлечь из победы экономической выгоды. Постоянные диверсии на железной дороге, организованные местным населением из-за репрессивной политики японцев, вынуждали последних содержать там огромные военные силы. Немаловажную роль в экономической несостоятельности Японии сыграл недостаток квалифицированных инженеров, из-за чего ремонт железнодорожных путей серьезно замедлялся.

Со временем Харбин становится экономическим центром Маньчжурии «с широкими проспектами и большими площадями, школами, церквями, больницами, жилыми домами для служащих и рабочих дороги» [Гончаренко 2009], туда же было перемещено правление Общества Китайско-Восточной железной дороги и построено величественное здание Железнодорожного собрания, которое стало центром русской культуры в городе [Нестерова 2019]. Столь стремительное развитие города вызывало все большую необходимость в квалифицированных кадрах, что благоприятствовало бурному потоку новых переселенцев из России. Уже спустя 5 лет после основания города население Харбина приближалось к 45 тыс. человек, из которых русских было более 15 тыс. и 28 тыс. китайцев. Помимо русских и китайцев, в городе проживали польская и еврейская общины. Во многом благодаря администрации Китайско-Восточной железной дороги в Харбине царил атмосфера как религиозной, так и национальной терпимости, что, в свою очередь, содействовало мирному взаимодействию разных культур [Чжан Гуанджи 2019]. По факту в Харбине не действовали никакие национальные ограничения, такие как, например, черта оседлости, что способствовало резкому увеличению еврейского населения города, а в 1909 г. была открыта первая синагога. Доминирующее положение в городе занимали культуры России и Китая, это, в свою очередь, серьезно отразилось на архитектуре города и культурных традициях населения. Если до революции в Харбине, помимо Свято-Николаевского собора, построенного при основании города, было, по разным данным, около пяти-шести православных церквей, то к середине XX в. их насчитывалось уже 22 [Мелихов 2003].

Несмотря на то что русские и китайцы жили в одном городе, селиться они старались в разных районах. В будущем именно районы, заселенные по преимуществу состоятельными русскими, станут центром сосредоточения русской культуры, куда переедут около ста тысяч представителей белой эмиграции [Чжан Цзунуа и др. 2017]. В первую очередь желание раздельной жизни было связано с языковым барьером, мешающим изучать культуры, обычаи и традиции друг друга [Забияко 2016; Ван Кэвень и др. 2018; Чумаков, Стычинский 2018]. Это порождало недоверие между русскими и китайцами, не переходившее тем не менее в межнациональные конфликты. Русские районы Харбина были выстроены по преимуществу в европейском стиле, в то время как в китайских преобладали национальные черты.

В частях города, где жили русские, все было написано по-русски, китайские надписи в этих районах города были большой редкостью. Там строили православные храмы, да и сама жизнь, по воспоминаниям русских, которые вернулись в СССР, мало чем отличалась от жизни в России. С широким размахом отмечались русские национальные праздники, проводились службы в православных храмах. Только некоторые наиболее образованные люди интересовались культурой и традициями Китая, преподавали для интересующихся русских язык и историю Китая. Большая часть русской эмиграции, прожив в Китае многие годы, так и не познакомилась с настоящим Китаем, считая земли, в которых они жили, русскими [Мелихов 1991].

Образование

Дороговизна обучения во Владивостоке и Хабаровске вынудила русских переселенцев задуматься о создании местных учебных заведений. В первую очередь создавались начальные школы и гимназии. Они должны были удовлетворить насущные потребности «дороги, требовавшей новых инженеров, технологов, проектировщиков и специалистов в самых разнообразных областях прикладных наук» [Гончаренко 2009]. К 1916 г. на всей протяженности Китайско-Восточной железной дороги было открыто 19 начальных школ и три гимназии (им. Д. Л. Хорвата, В. Л. Андерса и Я. А. Дризуля), а спустя год после Октябрьской революции их число возросло вдвое [Еропкина 2001].

На первых этапах для преодоления языкового барьера в русских школах были организованы дополнительные курсы для изучения местными китайскими жителями русского языка. О более систематическом изучении китайцами русского языка можно говорить только после революции, когда начали открываться первые школы для китайских учащихся, где преподавание русского языка было неотъемлемой частью обязательной программы. В этой связи следует особо выделить Харбинское коммерческое училище для мужчин: ведь не только китайцы учили русский язык, но и русские учили китайский. Именно там впервые с момента открытия в 1906 г. для учеников русской национальности китайский язык входил в обязательную программу обучения. А с 1911 г. для китайцев были организованы классы, где преподавались русский язык, литература и история.

Все это способствовало более тесному знакомству двух культур. Уже после Октябрьской революции русское население, проживавшее в Китае, составляло порядка 288 тыс. человек [Мелихов 1997], и большая часть проживала в Харбине (155 тыс. человек [Составляющая... 1994]). Русские, будучи самым крупным эмигрантским сообществом в Китае, играли важную роль в культурной, социальной и экономической жизни северо-востока страны [Мяо Хуэй 2015а; 2015б]. Наиболее отчетливо это прослеживается в культуре города Харбина, в его архитектуре, во многом отличной от других городов Китая [Василенко 2005]. По сей день мы можем встретить китайца из Харбина, который грамматически верно говорит на русском языке, знаком с нашей литературой, религией и культурой в целом [Кондаков 2019; Кротова 2019]. Во многом мы обязаны этому русским переселенцам, которые, несмотря на трудности и тягбы жизни, сохраняли и оберегали в тех далеких краях русскую культуру [Русская... 2017; Межкультурное... 2019]. Они считали себя не эмигрантами, а посланниками, которые должны были донести до местного населения русские культурные достижения, традиции и ценности.

Выводы

После завоевания Японией Маньчжурии в 1932 г. было создано государство Маньчжоу-го, что вынудило русских, проживавших на той территории, перемещаться в другие китайские города. Наибольший отток русского населения из Маньчжурии приходится на 1935 г., когда СССР продал свою долю Китайско-Восточной железной дороги. Многие после этого уехали в Советский Союз, и лишь немногочисленная часть, имеющая статус полноправных граждан, уезжала в другие города Китая.

Присутствие русских в Маньчжурии оставило огромный культурный след в истории этого региона [Ли Чуньянь, Пэн Чуаньхуай 2019]. Основанный первыми русскими поселенцами город Харбин в качестве торговой переправы за более чем вековой период своей истории переживал взлеты и падения, оставаясь городом, где мирно взаимодействовали две культуры. В результате образовалась особая городская атмосфера, основанная как на русских, так и на китайских культурных достижениях и ценностях. Харбин стал ярким примером взаимодействия двух культур, гармонично дополняющих как российские, так и китайские национальные особенности. Даже на сегодняшний день мы встречаем китайцев, живущих в Харбине, которые грамматически правильно говорят на русском языке, знают культуру и традиции нашего народа.

Литература

Ван Кэвэнь, Красноярова А. А., Попкова Т. Д., Кондаков Б. В. Формирование русской культуры в Харбине // *Филология в XXI в.* 2018. № 2(2). С. 111–121.

Василенко Н. А. Российская эмиграция в Маньчжурии накануне мировой войны // *Россия и АТР.* 2005. № 2. С. 20–25.

Гончаренко О. Г. *Русский Харбин.* М. : Вече, 2009.

Еропкина О. Русские и китайские школы на КВЖД. 20-е гг. // *Проблемы Дальнего Востока.* 2001. № 3. С. 132–138.

Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск : Новосибирское отделение изд-ва «Наука», 2016.

Кондаков И. В. К методологии анализа межкультурных отношений (на примере России и Китая) // *Культура и цивилизация.* 2019. Т. 9. № 6(1). С. 5–13.

Кротова М. В. Феномен Харбина как полифоничного города // *Historia provinciae: журнал региональной истории.* 2019. Т. 3. № 2. С. 749–785.

Ли Чуньянь, Пэн Чуаньхуай. Культурное наследие русской эмиграции в развитии туристической индустрии в Харбине // *Концепт.* 2019. № 1. С. 244–248.

Межкультурное взаимодействие России и Китая: глобальное и локальное измерение / отв. ред. А. Н. Чумаков, Ли Хэй. М. : Проспект, 2019.

Мелихов Г. В. *Маньчжурия далекая и близкая.* М. : Наука, 1991.

Мелихов Г. В. *Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.).* М. : Ин-т рос. истории РАН, 1997.

Мелихов Г. В. *Белый Харбин: Середина 20-х.* М. : Русский путь, 2003.

Мяо Хуэй. *Изображение традиционной китайской культуры в русской эмигрантской литературе в Китае: дис. ... канд. культурологии.* Владивосток, 2015а.

Мяо Хуэй. *Русская эмиграция в Харбине: взаимодействие двух культур* // *Гуманитарный вектор.* 2015б. № 2(42). С. 128–135.

Нестерова Е. И. *Создание общественного управления в Харбине (1906–1910)* // *Россия и Китай: история и культура.* Казань : Изд-во «Фэн» АН Республики Татарстан, 2019. С. 359–365.

Русская идея и китайский путь в культурном контексте современности / под ред. А. Н. Чумакова, Ли Хэй. М. : РФО; СиДиПрессАрт, 2017.

Составляющая краеведение комиссия района Наньгана Харбина. Харбинские краеведения. Харбин : Изд-во Харбина, 1994.

Чжан Гуанчжи. Многополярное, гармоничное сосуществование, совместное будущее и создание «сообщества единой судьбы» // Век глобализации. 2019. № 2(30). С. 129–135.

Чжан Цзунуа, Цзян Яньхун, Хань Ваньсюань. Русская дворянская эмиграция в Китае после Октябрьской революции // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 331–341.

Чумаков А. Н., Стычинский М. С. Культурно-цивилизационный диалог и его возможности в условиях глобального мира // Век глобализации. 2018. № 1(25). С. 3–14.

References

Wang Kewen, Krasnojaraova A. A., Popkova T. D., Kondakov B. V. Formirovanie russkoj kul'tury v Harbine [The Formation of Russian Culture in Harbin] // Filologija v XXI veke. 2018. No. 2(2). Pp. 111–121.

Vasilenko N. A. Rossijskaja jemigracija v Man'chzhurii nakanune mirovoj vojny [Russian Emigration to Manchuria on the Eve of the World War] // Rossijska i ATR. 2005. No. 2. Pp. 20–25.

Goncharenko O. G. Russkij Harbin [Russian Harbin]. Moscow : Veche, 2009.

Eropkina O. Russkie i kitajskie shkoly na KVZhD. 20-e gody [Russian and Chinese Schools on the CER. The 20s] // Problemy Dal'nego Vostoka. 2001. No. 3. Pp. 132–138.

Zabijako A. A. Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Harbina [The Mentality of the Far Eastern Frontier: the Culture and Literature of Russian Harbin]. Novosibirsk : Novosibirsk Branch of “Nauka” Publishing House, 2016.

Kondakov I. V. K metodologii analiza mezhcivilizacionnyh otnoshenij (na primere Rossii i Kitaja) [On the Methodology of Analysis of Inter-Civilization Relations (On the Example of Russia and China)] // Kul'tura i civilizacija. 2019. Vol. 9. No. 6(1). Pp. 5–13.

Krotova M. V. Fenomen Harbina kak polifonichnogo goroda [Harbin Phenomenon as a Polyphonic City] // Historia provinciae – zhurnal regional'noj istorii. 2019. Vol. 3. No. 2. Pp. 749–785.

Li Chunyan, Pen Chuanhuai. Kul'turnoe nasledie russkoj jemigracii v razvitii turesticheskoi industrii v Harbine [The Cultural Heritage of Russian Emigration in the Development of the Tourism Industry in Harbin] // Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal Koncept. 2019. No. 1. Pp. 244–248.

Mezhkul'turnoe vzaimodejstvie Rossii i Kitaja: global'noe i lokal'noe izmerenie / [Intercultural Interaction Between Russia and China: A Global and Local Dimension] / Ed. by A. N. Chumakov, Li Hay. Moscow : Prospect, 2019.

Melihov G. V. Man'chzhurija dal'jokaja i blizkaja [Manchuria is Far and Near]. Moscow : Nauka, 1991.

Melihov G. V. Rossijskaja jemigracija v Kitae (1917–1924 gg.) [Russian Emigration to China (1917–1924)]. Moscow : Institute of History RAS, 1997.

Melihov G. V. Belyj Harbin: Seredina 20-h [White Harbin: Mid 20s]. Moscow : Russkij put', 2003.

Miao Hui. *Izobrazhenie tradicionnoj kitajskoj kul'tury v russkoj jemigrantskoj literature v Kitae* [Image of Traditional Chinese Culture in Russian Émigré Literature in China]: PhD Dissertation (Culturology). Vladivostok, 2015a.

Miao Hui. *Russkaja jemigracija v Harbine: vzaimodejstvie dvuh kul'tur* [Russian Emigration in Harbin: the Interaction of Two Cultures] // *Gumanitarnyj vector*. 2015b. No. 2(42). Pp. 128–135.

Nesterova E. I. *Sozdanie obshhestvennogo upravlenija v Harbine (1906–1910)* [Creation of Public Administration in Harbin (1906–1910)] // *Rossija i Kitaj: istorija i kul'tura* [Russia and China: History and Culture]. Kazan : Fen Publishing House of the Tatarstan Republic Academy of Sciences, 2019. Pp. 359–365.

Russkaja ideja i Kitajskij put' v kul'turnom kontekste sovremennosti [The Russian Idea and the Chinese Way in the Cultural Context of Our Time] / ed. by A. N. Chumakov, Li Hay. Moscow : RFS; CDPRESSArt, 2017.

Sostavljajushhaja kraevedenie komissija rajona Nan'gana Harbina. Harbinskie kraevedenija [The Nangang Harbin District Commission of Local History. Harbin Local History]. Harbin : Harbin Publishing, 1994.

Zhang Guangzhi. *Mnogopoljarnoe, garmonichnoe sosushhestvovanie, sovместное budshhee i sozdanie “soobshchestva edinoj sud'by”* [Multipolar, Harmonious Coexistence, Shared Future and the Creation of a “Community of One Destiny”] // *Vek globalizatsii*. 2019. No. 2(30). Pp. 129–135.

Zhang Zongua, Jiang Yanhong, Han Wanxuan. *Russkaja dvorjanskaja jemigracija v Kitae posle Oktjabr'skoj revoljucii* [Russian Noble Emigration in China after the October Revolution] // *Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik*. 2017. No. 5. Pp. 331–341.

Chumakov A. N., Stychinskij M. S. *Kul'turno-civilizacionnyj dialog i ego vozmožnosti v uslovijah global'nogo mira* [Cultural and Civilizational Dialogue and Its Capabilities in a Global World] // *Vek globalizatsii*. 2018. No. 1(25). Pp. 3–14.

ЮБИЛЕИ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ЧУМАКОВУ – 70 ЛЕТ

1 октября текущего года отмечает свой 70-летний юбилей бессменный главный редактор нашего журнала, доктор философских наук, профессор Александр Николаевич Чумаков. Александр Николаевич известен как один из создателей нового направления в современной философии – глобалистики, оригинального российского вклада в мировое направление глобальных исследований. Он органично и плодотворно сочетает в себе талант ученого и организатора, благодаря которому многое сделано в развитии глобалистики, в российском философском поле, на протяжении десятилетий наши философы были успешно представлены на всемирных философских конгрессах, проведены такие незабываемые акции, как «Философский пароход» и «Философский поезд». Благодаря его глубочайшей эрудиции, организационному таланту, умению отбирать в номер наиболее актуальные, интересные и разнообразные научные материалы «Век глобализации» за 12 лет своего существования приобрел устойчивую положительную репутацию и в научной среде, и среди широкого круга вдумчивых читателей, интересующихся развитием глобальных процессов в современном мире; входит в Перечень научных рецензируемых изданий ВАК и в RSCI. А редакционная группа журнала высоко ценит деловые и человеческие качества Александра Николаевича, благодаря которым с ним всегда легко и приятно работать.

Редакция поздравляет Александра Николаевича Чумакова с юбилеем, желает крепкого здоровья, благополучия, достижения новых вершин. Спасибо за Ваш труд!

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Alexander N. Chumakov. Globalistics in the current context: A pandemic test (pp. 3–14).

Arkadiy A. Tishkov. The ecological impacts and consequences of the COVID-19 pandemic (pp. 15–30).

Leonid E. Grinin. Has a revolutionary situation arisen in the USA? (pp. 31–44).

Global Issues

Lyubov V. Klepikova. On the issue of a global city as a means of unification of global community (pp. 45–53).

Maksim S. Buryanov. Global digital human rights in the context of risks of digitalization (pp. 54–70).

Yulia V. Zinkina. The population of Sub-Saharan Africa: A resources of development or a threat to stability? (pp. 71–81).

Processes of Globalization

Igor K. Lisseev. Globalization of ecology in the globalizing world (pp. 82–89).

Elizaveta A. Mossakova. Modern developmental trends of cryptocurrency market (pp. 90–98).

Anatoly G. Kossichenko. The religious identity in the epoch of globalization (pp. 99–111).

Nature, Society, and Human

Nikolay M. Rakityansky. The dogmatic principle in the political and psychological studies of cultural-civilizational systems (pp. 112–126).

Russia in the Global World

Nikolay N. Kozhevnikov, Vera S. Danilova. The development of Russia in the context of global framework (pp. 127–134).

Nikolay S. Chizhkov. The peculiarities of cultural interaction between the Russian and Chinese population in Harbin (pp. 135–141).

Anniversaries (p. 142)

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14); сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

В списке *Литература*: Кляйн Н. Доктрина шока. М. : Добрая книга, 2011.

В списке *References*: Klyain N. Doktrina shoka [The Shock Doctrine]. Moscow : Dobraya kniga, 2011.

В списке *Литература*: Лукьяненко В. И. Homo Consúmens – человек потребляющий // Век глобализации. 2009. № 2. С. 149–159.

В списке *References*: Lukyanenko V. I. Homo Consúmens – chelovek potrebyayushchiy [Homo Consúmens – A Consuming Man] // Vek globalizatsii. 2009. No. 2. Pp. 149–159.

В списке *Литература*: Шишков Ю. В. Мировозьяственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 25–47.

В списке *References*: Shishkov Yu. V. Mirohozyaistvennyj mehanizm: dvizhenie k globalizatsii [The World-Economic Mechanism: A Move to Globalization] // Mirovaya ekonomika: globalnye tendencii za 100 let [World Economy: Global Trends for the Century] / ed. by I. S. Korolyov. Moscow : Ekonomist, 2003. Pp. 25–47.

В списке *Литература*: Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

В списке *References*: Beck U. Kosmopoliticheskoe obschestvo i ego vragi [Cosmopolitical State and its Enemies] : Jurnal sotsiologii i sotsialnoy antroploghii. 2003. Vol. VI. No. 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (accessed: 14.03.2011).

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации».

3(35), 2020. – 144 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*

Корректор *Н. В. Самсонова*

Верстка *О. И. Вереницыной, М. И. Кухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»

400059, г. Волгоград, а/я 114.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 15.09.2020. Дата выхода: 29.09.2020

Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,7.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Диaposитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»

Полиграфкомбинат «Офсет»

400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.

Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10